

Патрисия Вентворт
Приют пилигрима
М.: АСТ, 2018

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига и удивительная,
типично британская главная героиня –
мисс Мод Сильвер, элегантная и слегка
эксцентричная пожилая леди. Сама
Агата Кристи не раз признавалась: во
многом Мод Сильвер стала прототипом
легендарной мисс Марпл.

✍ PATRIGIA ✍
WENTWORTH

.....
PILGRIM'S REST
.....

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

.....
ПРИЮТ ПИЛИГРИМА
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

PILGRIM'S REST

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Приют пилигрима : [роман] / Патриция
Вентворт ; [пер. с англ. А. Н. Анваера]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Зо-
лотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-101412-4

Об усадьбе «Приют пилигрима» ходят скверные
слухи: все его владельцы, собиравшиеся продать име-
ние, становились жертвой несчастного случая.

Но слухи слухами, а когда нынешнему хозяину, от-
ставному майору Пилгриму, чудом удается избежать
гибели при загадочных обстоятельствах, ему хватает
здорового смысла обратиться за помощью к Мод
Сильвер. Расследование начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Patricia Wentworth, 1948
© Перевод. А. Анваер, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-101412-4

Глава 1

Сойдя с эскалатора, поднявшего ее к выходу из метро на площади Пиккадилли, Джуди Элиот почувствовала, как кто-то подхватил ее под локоть. Рука явно была мужская, а Джуди пребывала не в том настроении, чтобы терпеть такие ухаживания со стороны изнывавших от одиночества солдат. Она ускорила шаг, но это нисколько не помогло, и тогда Джуди резко обернулась, чтобы высказать все остужающие пыл слова, вертевшиися у нее на языке.

Слова эти, впрочем, так и не были сказаны. Холодность взгляда, означавшего «держи дистанцию, приятель», растворилась в приветливой улыбке узнавания. Джуди радостно вскинула подбородок и, оглядев с ног до головы высокого молодого человека в синем костюме и с тщательно подобранным галстуком, воскликнула:

– Фрэнк!

Сержант уголовной полиции Эббот попытался превратить характерную для него циничную усмешку в теплую улыбку. У сержанта был неприятный недуг сердца – этот орган в принципе работал как часы, но отличался неспособностью отвечать нужными в данной ситуации эмоциями. Конечно, это была случайная встреча с девушкой, которая в течение года не ответила ему ни на одно письмо. Он понимал, что чувства, испытываемые им когда-то, остались в прошлом и нельзя вести себя как подросток на первом свидании. Однако все равно, кажется, покраснел как рак и, хуже того, видел сейчас перед собой только Джуди – все остальное уже не имело никакого значения.

Итак, он продолжал улыбаться, а она смотрела на него, вскинув подбородок, что, впрочем, было следствием не высокомерия, а всего лишь разницы в росте. У Джуди был твердый волевой подбородок, пожалуй, украшавший приятное лицо, не бывшее, однако, идеально красивым. Полные губы изгибались «луком Амура», а глаза были очень выразительны. В настоящий момент они выражали вопрос: интересно, о чем он так сильно задумался?..

Джуди потянула его за рукав.

– Очнись!

Фрэнк вздрогнул, как от удара. Если бы ему десять минут назад кто-то сказал, что он такотреагирует на неожиданное появление Джуди, он рассмеялся бы в лицо тому идиоту. Однако пауза затянулась, и Фрэнк наконец заговорил, перестав улыбаться:

– Это от неожиданности. Ты пойми, уж кого я не рассчитывал здесь встретить, так это тебя.

– Получается, что ты подхватил под локоток какую-то девицу, и вдруг выяснилось, что это я?

– Нет, не получается. Меня уволили бы из Скотленд-Ярда, если бы я занимался такими делами. Конечно, я мог бы вести себя и более предупредительно, я умею... Но, Джуди, скажи мне, где ты была?

– В деревне. Мы загораживаем проход.

Эббот взял Джуди под руку и отвел в сторону.

– Ну вот, здесь мы никому не мешаем. Почему ты не отвечала на мои письма? – Он не хотел об этом спрашивать, но вопрос вырвался сам собой.

– Какие письма? Я не получила от тебя ни одного письма.

– Я писал, – сказал он. – Где ты жила?

– О, в самых разных местах: с тетей Кэти, пока она не умерла, а потом переезжала с места на место.

– Тебя мобилизовали?

– Нет, я же забрала Пенни, у нее больше никого не осталось.

– Пенни?

– Дочку моей сестры Норы. Они с Джоном попали под бомбежку почти сразу после того, как мы с тобой виделись в последний раз. Им уже ничем не поможешь, а вот Пенни пришлось несладко.

Он заметил, как окаменело лицо Джуди. Она смотрела мимо него, когда Фрэнк сказал:

– Я не знал этого. Прости. Что тут еще скажешь?

– Ничего. Я уже могу говорить об этом спокойно, так что не обращай внимания. Я забрала Пенни. Ей почти четыре года, и у нее нет ни одного близкого родственника, кроме меня, поэтому меня освободили от мобилизации. Как ты?

– Меня пока не отпускают.

– Как же тебе не повезло! Знаешь, мне надо бежать кормить ребенка. Мы живем у Изабель Марч, она ужинает в кафе, поэтому я не должна опаздывать. Я ходила в магазин, и Изабель изъявила готовность посидеть с Пенни.

Эббот все еще держал Джуди за руку.

– Подожди минутку, не убегай, пока мы не договорились о встрече. Может быть, мы все же поужинаем?

Она решительно качнула головой:

– Нет, если Изабель уйдет, то Пенни в квартире останется одна. Я не могу этого допустить. Если же ты скажешь то, что собирался сказать, я вообще не стану с тобой разговаривать.

В его светлых глазах мелькнул сардонический огонек.

– Это дитя, наверное, сущий ангелочек. Я обожаю маленьких детишек.

Джуди от души рассмеялась:

– Я думала, что в Скотленд-Ярде учат врать лучше.

– Там вообще не учат врать. Там все очень добродетельны. Мой шеф поет в церковном хоре. Если твоя Изабель Марч уйдет, мы сможем присмотреть за ребенком вместе. Как ты на это смотришь?

– Она будет спать. Я могла бы сделать на ужин омлет – конечно, из яичного порошка.

– И когда?

Против воли в его голосе прозвучало страстное желание. Джуди было непонятно, с чего бы это. Они с Фрэнком дружили, но не более того – вместе обедали и изредка ходили на танцы, а потом ей пришлось поселиться у бедной тети Кэти, а он перестал писать и вообще куда-то исчез. Правда, теперь он говорит, что писал.

Джуди подумала, что Фрэнк был для нее из разряда людей, о которых говорят: «С глаз долой, из сердца вон». Полное молчание в течение года, а теперь дрожащий от страсти голос. А прежде-то он не отличался страстностью. Она вспомнила элегантного молодого человека, стройного и высокого, с очень светлыми зачесанными назад волосами и голубыми глазами, блестящими, как зеркало, и надменно смотревшими на окружающих. Правда, сейчас он смотрел на нее, и этот взгляд тревожил и волновал.

Джуди уже жалела, что обмолвилась об омлете. Какая польза в этом волнении? Не стоит тратить время на Фрэнка – все равно не выйдет ничего хорошего. Ей надо заниматься Пенни и найти место горничной. На мгновение ей захотелось взять свои слова обратно и убежать. Но в этот момент внутренний голос выдал одно из своих коварных и иллюзорных замечаний, замаскированных под здравый смысл: «В конце концов, это всего лишь один вечер. Какое он может иметь значение?»

Она облегченно улыбнулась, назвала Фрэнку адрес и торопливо зашагала прочь.

Глава 2

В четырехлетнем возрасте отход ко сну – очень важная церемония. Мисс Пенни Фоссет воспроизводила ее полностью. Любая попытка поспешить или сократить установленный порядок всегда заканчивалась нежным напоминанием: «Давай сделаем это еще раз». Джуди добросовестно пыталась руководить, но ее старания неизменно оказывались тщетными. Отступничество, к несчастью, бывает очень приятным. Обычно в тот самый момент, когда Джуди, собравшись с духом, собиралась сурово отчитать маленькую грешницу, крошка с трогательной улыбкой крепко обвивала влажными ручками шею мисс Элиот, приговаривая: «Коровка любит свою Джуди».

Именно в этот вечер купание сильно затянулось. Изабель обнаружила на чердаке деревенского дома своей матери древнюю резиновую утку. Утку, конечно, давно следовало сдать в утиль, но эта возможность по недосмотру была упущена – к вящему восторгу Пенни. Когда же наконец удалось оторвать девочку от потрепанной игрушки, времени оставалось меньше, чем рассчитывала Джуди. Даже если молодой человек вам абсолютно безразличен, вы все же захотите привести в порядок прическу и немного помочь природе, приукрасив лицо, до того, как он придет на ужин. К тому же очень трудно искупать ребенка и не растрепать при этом волосы. Такое было под силу только няням прежних времен, но ныне этот вид находится на грани исчезновения.

Раскрасневшаяся и вспотевшая, Джуди села на край кровати и сложила руки на груди.

– Пенни, а теперь молитва.

Мисс Пенелопа Фоссет была одета в небесно-голубую пижамку. Темные кудри беспорядочно обрамляли очаровательную головку. У Пенни были крошечные розовые ушки и похожее на сердечко личико. К этому надо добавить невероятной голубизны глаза и неправдоподобно длинные черные ресницы. Щечки лучились здоровым ровным румянцем. Девочка источала тепло, влагу и аромат лавандового мыла, когда опустилась на колени рядом с Джуди, склонила голову на сложенные руки и издала долгий и пронзительный возглас:

– Му-у!

Засмеяться – означало погибнуть в глазах мисс Фоссет. Джуди изо всех сил прикусила нижнюю губу. Иногда это помогало.

– Пенни, я же сказала, молитва!

Девочка приоткрыла один синий глаз, укоризненно посмотрела на Джуди и снова закрыла глаз.

– Она произносит свою молитву. Она же коровка и поэтому мычит. Она так разговаривает.

Джуди потребовалось около четверти часа, чтобы уговорить Пенни снова стать человеком, но и тогда за финальным «аминь» последовало упрямое «му!».

Джуди прекратила дальнейшие препирательства и побежала в ванную приводить себя в порядок. Она успела прийти к заключению, что никогда в жизни не выглядела так неприятно, когда раздался звонок. Джуди открыла дверь и впустила в дом Фрэнка Эббота.

Они вместе приготовили омлет на крошечной кухоньке Изабель. Нет ничего лучше совместной домашней работы для того, чтобы сломать лед отчуждения. К тому моменту, когда Фрэнк накрыл на стол, а она обозвала его идиотом за то, что он уронил масленку, могло показаться, что они женаты уже много лет. За омлетом, удавшимся на славу, Фрэнк не преминул сказать об этом, похрустывая изумительными шкварками. Однако если он надеялся вогнать этим Джуди в краску, то сильно просчитался. Мисс Элиот невозмутимо с ним согласилась:

– Да, мы могли бы, но только не так... скучно.

– С подходящим человеком скучно никогда не бывает.

Джуди предложила ему томатный соус.

– Об этом никогда не задумываешься, пока не становится слишком поздно. Я хочу сказать, что мы оба любим томатный соус, но представь себе, что нам придется есть его с каждым блюдом следующие тридцать или сорок лет. Мы же окоченеем от скуки.

– Дитя мое, я дрожу от твоих слов! Уверяю тебя, у меня в запасе не меньше тридцати различных специй, которые рекламируют производители супов и желе, и ты всегда сможешь смешивать их в любых сочетаниях, если тридцати тебе покажется мало. Да и потом, мозг – субстанция динамическая, я всегда смогу придумать что-нибудь новенькое. Ты все понимаешь предвзято и прямолинейно. Люди скучны из-за каких-то своих качеств – они любят заваривать чай, заливая листья по несколько раз, не любят открывать окна, чтобы не впустить ненароком новые идеи, – в этом, я считаю, причина скуки. Я тебя предупредил!

– Спасибо, – смиренно произнесла Джуди, но в глазах ее сверкнул лукавый огонек.

Заметив, что Фрэнк хочет что-то сказать, она опередила его, очаровательно улыбнувшись:

– Скольким девушкам ты уже говорил эти слова?

– Только что об этом подумал. Но знаешь, это их потеря.

Она торопливо – быстрее, чем ей хотелось, – произнесла:

– Завтра мы уезжаем.

– Мы?

– Пенни и я.

– Куда?

Ощувив, что обрела под ногами твердую почву, Джуди позволила себе расслабиться. На лице снова расцвела улыбка, а на щеках появились симпатичные ямочки.

– Мы с ней будем горничными.

– Что?

– Я буду горничной в деревне. Там безопасно, и я еду туда из-за Пенни. За все время там была только одна жертва бомбежки – козел, да и того убило на дальнем выпасе.

– Я правильно понял – горничной?

– Да, именно так. Если ты собираешься сказать, что я заслуживаю лучшей участи – а это мне говорят все, – то, значит, тебе не приходилось пробовать куда-то устроиться, а мне приходилось. Если бы не Пенни, я устроилась бы на любую другую работу, хотя если бы не было Пенни, то меня бы мобилизовали. Но у меня есть Пенни, и этим все сказано. Я останусь с ней, и этим еще раз все сказано. Если ты, как я, примешь это во внимание, то поймешь, что единственное место, которое можно получить с маленьким ребенком, – это место домашней прислуги. Сейчас трудно найти прислугу, и многие люди просто отчаялись. Смотри, как здорово получается – полицейский и горничная мило ужинают вдвоем!

Фрэнк свел глаза, глядя на кончик своего длинного носа. Он не смеялся.

– Это необходимо?

Джуди кивнула:

– Да, это необходимо. У меня нет ни цента. Тетя Кэти жила на государственную пенсию, хотя этого никто не знал. Когда я расплатилась со всеми ее долгами, от ее сбережений не осталось практически ничего. Джон Фоссет получал только зарплату, поэтому для Пенни не осталось ничего, кроме мизерной пенсии. Я хочу откладывать ее, чтобы потом дать ей образование.

Фрэнк машинально крошил батон. Какое право имели Джон и Нора Фоссет погибнуть от бомбежки и оставить свое потомство на Джуди? Он сердито спросил:

– Куда именно ты едешь?

Джуди, казалось, была очень довольна собой. Она отняла у Фрэнка батон, попросив не переводить напрасно еду, а потом ответила на вопрос:

– Кажется, это будет очень мило. Мы с Пенни станем жить в семье. Думаю, что повар и кто-то из слуг уволились, иначе мне бы не видать этого места как своих ушей. Там живут две старые девы по фамилии Пилгрим и их племянник-инвалид, а усадьба называется «Приют пилигрима». Сама деревня – «Роща святой Агнессы».

Она не успела договорить, потому что Фрэнк резко ухватился руками за край стола и закричал так, что Джуди вздрогнула:

– Ты не можешь, ты не должна туда ехать!

Джуди, даже не предполагавшая, что он способен так громко кричать, мгновенно превратилась в мисс Элиот. Ее и Фрэнка по-прежнему разделял только стол, но вскинутые брови и выражение глаз обозначили очень дальнюю дистанцию. Она холодно осведомилась:

– Почему?

Невозмутимость Фрэнка, наоборот, словно ветром сдуло. Отстраненность и бесстрастность, которые он до сих пор старательно разыгрывал, уже не могли служить ему защитой. Он был ошеломлен.

– Джуди, я тебе говорю, ты не должна туда ехать. Не смотри на меня так, туда ехать нельзя!

– Но почему нельзя? Что плохого в сестрах Пилгрим? Одна из них приезжала в город поговорить со мной. Она показалась мне очень милой. Ты с ними знаком?

Он кивнул:

– Видимо, это была мисс Колумба. Она нормальная, во всяком случае, я так думаю. – Фрэнк провел рукой по волосам, чтобы собраться и успокоиться. – Слушай, Джуди, я хочу тебе кое-что о них рассказать. Помнишь, ты всегда говорила, что у меня очень много родственников? Наверное, так оно и есть. Некоторые из них живут в «Роще святой Агнессы», и я всю жизнь был знаком с Пилгримами. С Роджером я учился в одной школе.

Джуди не смогла сдержать иронию:

– Вероятно, это не его вина.

– Не шути так, я говорю вполне серьезно. Выслушай меня. Роджер только что вернулся с Ближнего Востока. Он попал в плен к итальянцам, бежал, какое-то время пролежал в госпитале, а сейчас находится в отпуске по болезни. Я сам недавно был из-за гриппа в отпуске и провел его в «Роще святой Агнессы», где много общался с Роджером. – Он замолчал и жестко посмотрел на Джуди. – Ты умеешь держать язык за зубами? То, что я тебе расскажу, знают почти все в деревне, но я не хочу, чтобы Роджер думал, будто я распускаю о нем слухи. Он чудесный парень, но у него что-то случилось с головой. Он все время чертовски возбужден. Я никому об этом не говорил, но тебе рассказываю, чтобы ты поняла, что не должна туда ехать.

Джуди сидела, поставив локти на стол и положив подбородок на ладони. Щеки ее горели, в глазах мелькнула тревога.

– Почему?

Фрэнк поколебался, что обычно было ему не свойственно. Видимо, он и в самом деле был немало потрясен. Спокойная уверенность соскочила с него, как шелуха. Создавалось впечатление, будто бы он вернулся домой и обнаружил, что оттуда вынесли всю мебель. Фрэнк был смущен, напуган и не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Там происходит нечто странное.

– Что именно?

В этом-то и была вся загвоздка. Пропать между тем, что он мог облечь в слова, и тем, что он не мог ими выразить, казалась слишком широкой. И самое главное, Фрэнка не отпускала мучительная и страшная мысль, что эта пропасть стала еще шире, когда он узнал о планах Джуди по поводу «Приюта пилигрима». Если бы это был кто-то другой, то Фрэнк не стал бы загружать этим свою голову.

Джуди повторила вопрос:

– Так что там происходит?

– Всякие случайности – а может, и неслучайности. Роджер, например, так не думает, – ответил Фрэнк. – В его комнате обвалился потолок. Если бы он не заснул над книгой в гостиной, то его бы точно убило. Потом загорелась другая комната, и именно в тот момент, когда Роджер там находился. Дверь заклинило, и он едва успел выбраться.

Джуди внимательно посмотрела в лицо Фрэнку.

– Кому принадлежит усадьба?

– Ему.

– Он и есть тот племянник-инвалид?

– Нет, племянника зовут Джером. Он двоюродный брат Роджера, старше его на несколько лет. Его ранило под Дюнкерком. Денег у него нет. Они взяли его к себе и наняли для него сиделку. Это очень клановое семейство.

– Он – или Роджер – невротик? Кто-то из них занимается этими фокусами?

– Я не знаю. Это вряд ли Роджер или Джером, если они остались такими, какими были. Возможно, оба происшествия никак не связаны. В первом случае кто-то забыл завернуть кран, раковина переполнилась, и это послужило причиной обрушения потолка. Во втором случае

Роджер уснул перед камином, а весь пол вокруг него был усеян газетами, которые он перебирал. Может быть, на газету упала искра из камина.

– Это все? – спросила Джуди.

В голосе ее прозвучало легкое презрение, и оно сильно задело Фрэнка. Под влиянием внезапного чувства он сообщил больше, чем собирался:

– Роджер не верит, что смерть его отца была случайной.

– Почему?

Фрэнк передернул плечами:

– Старик Пилгрим отправился на верховую прогулку и не вернулся. Его нашли со сломанной шеей. Кобыла пришла к дому в пене, а старый конюх сказал, что нашел под седлом шип. Старик мог заехать в колючий кустарник, и это было бы самое правдоподобное объяснение. Но объяснить можно все, что угодно. Короче, я не хочу, чтобы ты туда ехала.

Он видел, что Джуди нахмурилась, но в глазах ее не было гнева.

– Знаешь, все не так просто. Многие говорят, что есть миллион возможностей найти работу, но это не так, особенно с Пенни на руках. Даже сейчас, в такое время, люди не хотят прислугу с ребенком. Когда говоришь о ребенке, на тебя смотрят так, будто ты собираешься привести в дом тигра. Многие также думают, что Пенни – мой ребенок. Когда я рассказываю людям о Норе и Джоне, они смотрят на меня взглядом, говорящим: знаем мы все эти истории, не раз их слышали. Думаю, мне надо восстановить свидетельство Норы о браке и сертификат рождения Пенни. Но и в таком случае все будут думать, что это моя незаконная дочь. Я очень вовремя увидела объявление сестер Пилгрим и сразу на него ответила. Мисс Пилгрим мне понравилась, а в деревне Пенни будет в безопасности, да и не могу же отказаться в самый последний момент. Мы едем завтра, хотя я и понимаю, что в этом нет ничего хорошего, Фрэнк.

Эббот с нелегким сердцем смирился с ее решением.

Джуди отодвинула от стола стул и встала.

– Очень мило с твоей стороны было проявить обо мне такую заботу. – Тон ее снова стал небрежным и раскованным. Вопрос был решен, обсуждение окончено.

Они вместе убрали со стола и принялись мыть посуду, что снова немного их сблизило. Напряжение и отчужденность исчезли. Джуди принялась расспрашивать Фрэнка о деревне, о людях, живущих там, в особенности о его кузенах и кузинах, и он пообещал написать им о ее приезде в «Приют пилигрима».

– Знаешь, тебе понравится Лесли Фрейн. Она живет в деревне в полусотне шагов от усадьбы Пилгримов. Дома стоят на одной улице. Лесли чудный человек.

– Кто она – одна из твоих кузин?

– Нет, она местная наследница лендлорда. Очень застенчива и не очень молода, зато у нее мешок денег и большой дом. В доме, между прочим, живут человек двадцать эвакуированных. Она хотела когда-то выйти замуж за кузена Пилгрима, но из этой затеи ничего не вышло.

Еще немного, и он рассказал бы Джуди историю о Генри Клейтоне, но вовремя одумался. Джуди бы решила, что он просто нагнетает страсти, а вся эта история была на самом деле абсолютно несущественной. Фрэнк резко сменил тему:

– Если вдруг, по какой-нибудь случайности, в доме или в деревне появится мисс Сильвер, то знай, что это мой очень близкий и особенный друг.

Джуди одарила его лучезарной улыбкой.

– Как это мило. Расскажи мне о ней. Кто она?

Фрэнк снова стал самим собой. В его глазах появился насмешливый блеск, а в голосе – снисходительная тягучесть.

– Она единственная и неповторимая. Я всегда слушаю ее с обожанием и смотрю на нее исключительно снизу вверх. Надеюсь, ты поведешь себя так же.

Джуди мысленно посчитала это весьма маловероятным, но продолжала заинтересованно улыбаться, пока Фрэнк продолжал свой рассказ:

– Ее зовут Мод, как у Теннисона, чью поэзию она просто обожает. Если ты забудешься настолько, что добавишь к ее имени «и», то она простит тебя, поскольку у нее очень доброе сердце и высокие принципы, но сближение с ней потребует от тебя некоторых усилий.

– О чем ты?

– Ты станешь называть ее Моди. Знаешь, я ее безумно люблю. Раньше она была домашней учительницей, а теперь – частный детектив. Конечно, она не может быть современницей лорда Теннисона, но она совершенно непостижимым образом создает такое впечатление. Я сказал Роджеру, чтобы он ее навестил, так что, возможно, она появится в тех краях, и в этом случае мне будет спокойнее. Но ты ничего не знаешь, ладно? Может, она приедет под видом гостыи – отдохнуть в деревне или что-нибудь в этом роде, так что ни слова ни одной живой душе. Однако если она приедет, тебе будет на кого рассчитывать.

Джуди открыла тут же засвистевший кран и налила воду в большую кастрюлю, резко вскинув подбородок.

Глава 3

Мисс Сильвер была склонна видеть руку Провидения в мелочах. Ее первое знакомство с делом Пилгримов состоялось в то время, когда она как раз придумала новую петлю для свитера, который вязала ко дню рождения своей племянницы Этель. Именно это мисс Сильвер и посчитала знаком судьбы, ибо, хотя могла безмятежно вязать, несмотря на все сложности, связанные с делом об убийстве, все же ей было нелегко сосредоточиться на действительно трудном узоре. Ежегодный свитер для Этель Беркетт являлся сам по себе достаточно сложной задачей и составил достойную конкуренцию загадке уголовного преступления.

Какое все же счастье, что ей удалось раздобыть эту превосходную довоенную шерсть! Такую мягкую – и чудесного синего оттенка, – причем без всяких карточек, потому что из коробки на чердаке пасторского дома ее извлекла мисс Софи Фелл, которая навязала – да, да, просто навязала! – эту шерсть мисс Сильвер. Хранилась шерсть с кристалликами камфары и поэтому была так же хороша, как в тот давно минувший день, когда ее спряли.

Петли были набраны на спицу, мисс Сильвер уже ясно представила себе новый узор, когда в дверь позвонили и Эмма Мидоуз объявила, что пришел майор Пилгрим. Мисс Сильвер увидела перед собой стройного темноволосого молодого человека с нахмуренным лицом желтовато-землистого цвета.

А Роджеру Пилгриму мисс Сильвер напомнила его теток. Тетя Миллисент, которая на самом деле была его двоюродной бабушкой, отличалась такими же вьющимися каштановыми волосами, которые хорошо бы гармонировали с обстановкой дома мисс Сильвер – с мебелью на изогнутых ножках и с прихотливо изогнутыми спинками. Правда, тетя Милли предпочитала зеленые тона, а мисс Сильвер – обивку ярко-синего цвета. Обе леди устали каждый квадратный дюйм каминной полки и стол – за исключением письменного стола мисс Сильвер – фотографиями в старинных серебряных рамках. У тети Тины годами красовались на стенах очень похожие обои с цветочным орнаментом. Кроме того, он увидел две точно такие же картины, не успев войти в гостиную мисс Сильвер, – «Пузыри» и «Черный легион». Однако у тети Тины рамы были коричневые, а здесь желтоватого цвета, столь любезного сердцам Викторианской эпохи.

Ощущение уюта усиливала и сама мисс Сильвер. Старшая кузина Роджера носила такую же прическу по моде, установленной королевой Александрой в последние годы девятнадцатого столетия. Тетя Конни предпочитала вдобавок такие же черные шерстяные чулки. В остальном же мисс Сильвер была сама собой – маленькой гувернанткой с тонкими чертами лица и мелкими кудряшками, аккуратно собранными под сеткой. Сегодня она надела довоенное платье из оливково-зеленого кашемира с кружевным воротничком – свежим и чистым. Пенсне на тонкой золотой цепочке было сложено и прикреплено к броши, украшенной мелким жемчугом. На шее мисс Сильвер висели бусы из резного мореного дуба, а на груди красовалась еще одна брошь, тоже из дуба, в форме розы с ирландской жемчужиной в центре. Эта леди менее всего походила на частного детектива.

На часах было три часа пополудни. Мисс Сильвер, пожав руку гостю, взглядом указала ему на стул и посмотрела на Роджера с доброй, но несколько безличной улыбкой, какой она, вероятно, в прежние годы встречала новых смущенных подопечных. Двадцать лет учительства оставили на лице и в манерах мисс Сильвер неизгладимый отпечаток. В самых невероятных ситуациях она ухитрялась сохранять невозмутимую и спокойную атмосферу классной комнаты. В ее голосе прозвучали нотки ненавязчивого, но непрекаемого авторитета, когда она заговорила:

– Чем я могу помочь вам, майор Пилгрим?

Роджер поднял голову и прищурился от яркого света. На нем был хорошо сшитый, хотя и не новый костюм. Майор был в больших круглых очках в черепаховой оправе, за стеклами которых беспокойно бегали темные глаза. Мисс Сильвер взглянула на его руки, нервно двигавшиеся по блестящей поверхности резных ореховых подлокотников викторианского стула.

Ей пришлось повторить вопрос, потому что Роджер продолжал молча сидеть, вцепившись пальцами в гладкое дерево и уставившись на ярко-синий ковер, гармонировавший со всем

остальным убранством. С удовлетворением отметив про себя, что ковер выглядит почти как новый, мисс Сильвер вновь обратилась к майору:

– Вы не хотите сказать, что привело вас ко мне?

Она заметила, как посетитель вздрогнул, метнул на нее встревоженный взгляд, а затем тотчас его отвел. Не важно, пользуются ли люди словами для того, чтобы высказывать свои мысли или скрывать их, есть одна вещь, которую очень трудно скрыть от опытного наблюдателя. В этом брошенном на нее взгляде мисс Сильвер мгновенно увидела эту вещь. Это был взгляд, который можно увидеть у лошади, когда она пугается. Мисс Сильвер подумала, что этот молодой человек боится посмотреть в лицо страху, приведшему его сюда. Он не был первым. Очень многие люди несли сюда, в эту комнату, свои страхи, проступки и безумства, надеясь сами не зная на что, а потом садились на стул и молчали до тех пор, пока мисс Сильвер не приходила к ним на помощь. Она ободряюще улыбнулась Роджеру Пилгриму и заговорила таким тоном, словно он был десятилетним ребенком:

– Вас явно что-то тревожит. Вам станет легче, если вы скажете мне, что именно. Может, стоит начать с того, кто вас ко мне направил?

Это было невероятное облегчение для Роджера. Он оторвал взгляд от многоцветных розочек, пионов и листьев аканта, украшавших синий ковер, и ответил:

– О, ваш адрес дал мне Фрэнк, Фрэнк Эббот.

Улыбка мисс Сильвер потеплела и перестала быть безличной.

– Сержант Эббот – мой большой друг. Вы давно с ним знакомы?

– Да, мы учились в одной школе. Он немного старше меня, но наши родители хорошо знали друг друга. Он довольно часто приезжает к своим родственникам – они живут неподалеку от нас. Кстати, он был там в прошлые выходные, догуливал отпуск по болезни. Я встречался и разговаривал с ним. Фрэнк – чудесный парень, хотя кто бы мог это подумать, глядя на него со стороны, – я надеюсь, вы меня понимаете. – Он нервно рассмеялся. – Это ужасно забавно – твой школьный товарищ, и вдруг полицейский. Сержант уголовной полиции Эббот! В школе мы называли его Пудрой. Он обожал посыпать волосы пудрой. Однажды он посыпал голову какой-то дрянью, которая пахла «Белой розой». Учитель математики на уроке обнюхал всех, но все же нашел Фрэнка и послал его мыть голову.

Вспоминая этот забавный случай, Роджер немного успокоился, но стоило ему закончить, как он снова нахмурился.

– Фрэнк настоятельно советовал обратиться к вам, сказал, что вы – просто чудо. Правда, я не вижу, что здесь можно сделать. Видите ли, у меня нет ни улик, ни доказательств. Пудра сам мне об этом сказал. Он говорит, что полиции здесь не за что зацепиться. Собственно, я обратился к Фрэнку, потому что он работает в Скотленд-Ярде, но он сказал, что полиция на самом деле не станет этим заниматься, и посоветовал обратиться к вам. Я, правда, не думаю, что от этого будет какая-то польза.

Мисс Сильвер, заканчивая новый узор, быстро застучала спицами и поощрительно кашлянула.

– Вы же не можете знать, что я вам отвечу? Если вы расскажете мне то, что, по всей вероятности, рассказали Фрэнку, я выскажу свое мнение. Будьте любезны, приступайте.

Роджер Пилгрим приступил – уж очень непререкаемым был тон мисс Сильвер – и выпалил на одном дыхании:

– Мне кажется, что кто-то пытается меня убить. – Он тут же осекся, понимая, что выглядит полным идиотом.

– Боже мой! – отозвалась мисс Сильвер. – Что заставляет вас так думать?

Он внимательно посмотрел на нее. Вот она сидит перед ним, воплощение пожилой старой девы, и смотрит на него поверх своего вязанья. С равным успехом он мог сказать ей, что идет дождь. Мысленно он отругал себя последними словами за то, что явился сюда. Она, вероятно, решила, что он невротик. Ну да, наверное, он и есть невротик. Нахмурившись, он устался на ковер и сказал:

– Какой толк от того, что я вам все расскажу? Если я выскажу все это словами, вы подумаете, что я просто безмозглый дурак.

Мисс Сильвер еще раз кашлянула.

– Что бы это ни было, оно сильно вас тревожит. Если причин для тревоги нет, вы будете рады получить этому доказательства – не так ли? Если, напротив, для беспокойства есть основательные причины, их очень важно устранить. Почему вы думаете, что кто-то пытается вас убить?

Он внимательно взглянул на нее:

– Ну, я думал, что действительно пытались.

Мисс Сильвер переспросила:

– Пытались?

Она вязала очень быстро, как вяжут на континенте, держа руки на коленях и вперив взгляд в гостя.

– Я не имею ни малейшего представления о том, кто бы это мог быть.

– Думаю, будет лучше, если вы расскажете мне, что случилось. Ведь что-то же случилось.

Роджер с чувством кивнул:

– Вот и вы это говорите! Происходят странные вещи – от этого никуда не деться. Кусок упавшей штукатурки – это не плод моего воображения, как не плод моего воображения куча пепла там, где были газеты и ковер.

– Господи! – воскликнула мисс Сильвер. И добавила: – Прошу вас, расскажите мне все с самого начала об этих происшествиях.

Он подался вперед, не отрывая взгляда от мисс Сильвер.

– Вся беда в том, что я не знаю, с чего начать.

Мисс Сильвер еще раз кашлянула.

– Начните с начала, майор Пилгрим. – В глазах за стеклами очков промелькнула тревога.

– Самое ужасное то, что я не знаю, с чего все началось. Видите ли, дело это касается не только меня, но и моего отца. Я был на Среднем Востоке, когда умер отец, а меня не было дома очень долго. И конечно, как говорит Фрэнк, нет никаких доказательств. Но скажите мне ради Христа, отчего вдруг смирное животное, на котором отец ежедневно ездил в течение десяти лет, вдруг обезумело? Такого с этой кобылой никогда не случалось. Когда она, вся в пене, вернулась домой, все отправились искать отца и нашли его со сломанной шеей. Уильям, старый конюх, сказал, что обнаружил под седлом колючку – должно быть, кто-то ее туда положил. Но дело в том, что это не единственная неувязка. Лошадь не сбросила отца, они упали вместе, и упали они в заросли шиповника и ежевики. Но, как сказал Уильям и как говорю вслед за ним я: отчего она понесла? У нас обоих один ответ – нет никаких улик и доказательств.

– По какой причине кто-то мог желать смерти вашему отцу?

– Да в том-то все и дело! Не было никакой причины, ровным счетом никакой причины!

Выделенное интонацией последнее слово требовало пояснения:

– Вы так об этом говорите, будто была какая-то вещь, которая не могла послужить причиной, – заметила мисс Сильвер.

– Видите ли, я сам не верю в такие вещи, но если вы спросите Уильяма или любого старика в деревне, то вам скажут: все случилось от того, что отец собрался продать усадьбу.

– Такое суеверие в отношении чистой случайности?

Роджер озадаченно нахмурился, но тут же осознал смысл ее фразы.

– О да, я понимаю, что вы имеете в виду. По сути, так и есть. Наша семья владеет усадьбой с незапамятных времен. Сам я не придаю этому никакого значения – это так несовременно, если вы понимаете, о чем речь. Нет ничего хорошего в том, чтобы пытаться жить прошлым и цепляться за вещи, которые удалось захватить вашим предкам, верно? Я хочу сказать – что в этом хорошего? У нас нет денег, и если бы я решил обзавестись супругой и совладелицей, то едва ли моя избранница откликнулась бы на мое предложение. Поэтому, когда отец написал мне, что собирается продать имение, я ответил, что со своей стороны не стану возражать. Беда, правда, в том, что он так и не получил моего письма. Но деревенские жители вообще, как правило, суеверны.

– В какой форме проявляется это суеверие, майор Пилгрим?

– Знаете, все дело в стихотворении. Какой-то недоумок вырезал его в камне над камином в зале, и эти строки все время у меня перед глазами. Мы Пилгримы, а усадьба называется «Приют пилигрима». Вот это четверостишие:

Когда, надев паломнический плащ, оставит Пилгрим свой приют,
На том пути не ждут его ни слава, ни уют.
Останься, Пилгрим, ибо там, где видится тебе величественный храм,
Несчастья ждут тебя, и смерть бредет за ними по пятам.

Роджер коротко и нервно рассмеялся.

– Это, конечно, полный вздор, но я уверен, что вся деревня думает, что именно поэтому лошадь понесла, а мой отец сломал шею.

Мисс Сильвер, продолжая вязать, промолвила:

– Суеверия очень живучи. Скажите, майор Пилгрим, после смерти вашего отца переговоры о продаже имения были продолжены?

– Знаете, по существу, нет. Видите ли, в тот момент я умудрился попасть в плен, сидел в лагере для военнопленных в Италии, и дело застопорилось. Но потом Муссолини свергли, и я сумел бежать, попал в госпиталь, где меня подлечили, а потом отправили домой. Парень, который хотел купить имение, снова появился на горизонте и думал, что я продолжу переговоры с ним. Я этого не скрывал, и вот тут-то на меня обрушился потолок.

Мисс Сильвер взглянула на гостя:

– Буквально или метафорически? – Увидев, что Роджер в данный момент не был склонен к иносказаниям, она подправила вопрос: – Вы хотите сказать, что потолок действительно обрушился?

Роджер энергично кивнул:

– Да, действительно, и как обрушился! Рухнул кусок потолка со всеми этими нимфами, гирляндами и прочей лепниной. Это не самая лучшая спальня в доме – лучшая находится рядом, – но парень, живший в восемнадцатом веке, сделал там потолок, который он списал с какого-то итальянского палаццо. На такие вещи ходят смотреть туристы со всего мира. Так вот, приблизительно месяц назад кусок потолка рухнул на то самое место, где мог быть я, если бы лежал в своей кровати, а я бы там лежал, если бы не уснул над скучной книжкой в кабинете.

– Господи, но почему потолок упал?

– Потому что наверху протекла водопроводная труба, нимфы и еще бог знает кто напитались водой, отяжелели и грохнулись вниз, как груда кирпичей из перевернутой тачки. Если бы я был в кровати, меня, без всякого сомнения, убило бы.

– Скучная книга была ниспослана Провидением. Мне кажется, вы упомянули еще об одном инциденте?

Роджер кивнул:

– Это случилось неделю назад. В доме есть маленькая комнатка, которую отец использовал для хранения своих документов. Странное, скажу вам, место. Все стены от пола до потолка уставлены полками и ящичками, набитыми разными бумагами. Я собрался понемногу их разобрать и как раз в прошлый вторник решил этим заняться. Около половины шестого я выпил и тут же понял, что у меня неудержимо слипаются глаза. Я сел в кресло у камина и сразу уснул. Видимо, я спал мертвым сном, потому что пробудился только тогда, когда вся комната была в огне. Не знаю, как возник этот пожар. Из камина могла вылететь искра, упасть на разложенные на полу бумаги и поджечь их. Но почему я так крепко уснул, что не проснулся сразу? Обычно я, знаете ли, очень чутко сплю.

Мисс Сильвер подалась вперед:

– Что вы хотите этим сказать?

Он сурово насупился.

– Думаю, что кто-то подсыпал в выпивку снотворное и поджег бумаги, – ответил Роджер Пилгрим.

Глава 4

Мисс Сильвер аккуратно отложила вязанье на подлокотник кресла, поднялась и, неторопливо подойдя к письменному столу, села за него, потом извлекла из ящика ученическую тетрадь в ярко-зеленой обложке и обратилась к Роджеру Пилгриму:

– Может, вы сядете сюда, так будет удобнее. Я хочу кое-что записать.

Мисс Сильвер терпеливо ждала, раскрыв тетрадь и держа в руке остро отточенный карандаш, пока Роджер усаживался на стул с прямой спинкой за стол напротив нее. Тон ее голоса сохранил прежнюю вежливость, но заговорила она быстро и по-деловому:

– Если эти два случая на самом деле были покушениями на вашу жизнь, то вы, несомненно, нуждаетесь в помощи и защите. Но мне хотелось бы знать еще кое-какие детали. Вы говорили о протекшей трубе. Полагаю, вы внимательно ее осмотрели. Была ли она намеренно испорчена?

Роджер смущенно посмотрел на мисс Сильвер:

– Собственно, текла не труба, а кран.

Мисс Сильвер укоризненно посмотрела на Роджера.

– В этих делах очень важна точность, майор Пилгрим.

Он снял очки и принялся протирать их темно-синим носовым платком. Без очков взгляд его стал беспомощным и беззащитным. Он отвел глаза в сторону.

– О да, конечно, вы правы. Сначала мы думали, что дело в трубе, но она оказалась целой. Собственно говоря, наверху не было водопровода, пока отец его туда не провел. Это было сравнительно недавно, и вся техника там новая и современная. Гардеробную в мансарде переделали в ванную комнату и отгородили закуток, для горничной поставили посудный шкаф, мойку и раковину. После того как потолок обвалился, мы обнаружили, что кран этой раковины открыт. Кто-то вставил в раковину затычку, и раковина, естественно, быстро переполнилась. Но все дело в том, что я не думаю, что это могло стать причиной обрушения потолка. Мойка находится не над спальней – это во-первых, и там набралось не так уж много воды – это во-вторых. Я очень много над этим думал. Над моей спальней находится пустой комод в комнате, которая не используется уже много лет. Кто-то мог вставить затычку в раковину и открыть кран, чтобы представить дело так, будто вода натекала оттуда, а на самом деле вылил несколько ведер воды под комод, из-за чего потолок и рухнул. Что вы думаете о такой возможности?

Мисс Сильвер неторопливо кивнула и спросила:

– Какое расстояние от раковины до края потолка вашей спальни?

– Приблизительно восемь или девять футов.

– Вода была под досками пола на протяжении всего этого расстояния?

– Да, вода там была, но, знаете, я бы не сказал, что ее было слишком много. Потолок в коридоре не просел. Правда, надо иметь в виду, что потолок спальни мог впитать просто уйму воды – со всей этой лепниной и нимфами.

– Да, я понимаю. – Мисс Сильвер кашлянула. – Много ли прислуги в «Приюте пилигрима»?

– В доме ночуют только муж и жена Роббинс. Они живут с нами, сколько я себя помню. Днем из деревни приходит девушка лет пятнадцати. Может быть, это она забыла завернуть кран. Но девушка уходит в шесть часов, а миссис Роббинс говорила мне, что набирала воду из крана в десять вечера, когда они с мужем ложились спать, и уверяла, что никогда в жизни не оставляла кран открытым. Так неужели она на этот раз изменила своей привычке?

Мисс Сильвер сделала запись в тетради: «Роббинсы ложатся спать в десять часов» и спросила:

– В какое время обрушился потолок?

– Около часа ночи. От этого жуткого грохота я и проснулся.

Мисс Сильвер еще раз повторила свою прежнюю ремарку:

– Да, это была рука Провидения. Вы считаете, что на вашу жизнь было совершено покушение. Я вижу, что вы совершенно искренне в этом убеждены. Могу я узнать, кого вы подозреваете?

Роджер надел очки и посмотрел в глаза мисс Сильвер.

– Не вижу ни малейших оснований кого-либо подозревать.

– У вас есть враги?

– Трудно сказать, но, во всяком случае, таковые мне неизвестны.

– Каким, по-вашему, мог быть мотив?

Роджер снова отвел взгляд.

– Может быть, все дело в продаже дома. Отец собирается его продать – и кобыла, на которой он ездил годами, вдруг сходит с ума и ломает ему шею. Я начинаю переговоры о продаже дома – и потолок, продержавшийся сто шестьдесят с гаком лет, вдруг рушится на мою кровать, а комната, где я разбираю бумаги, вдруг вспыхивает огнем, причем как раз в тот момент, когда я сплю мертвым сном.

Мисс Сильвер пристально посмотрела на Роджера.

– Вам на самом деле очень повезло. Вы не рассказали мне, как вам удалось выбраться из горящей комнаты.

– Знаете, в себя я пришел оттого, что загорелась моя штанина. Войдя в комнату с улицы, я повесил свой плащ на спинку стула. Обмотав им голову, я бросился к двери. Комнату заволокло дымом, я ничего не видел и двигался на ощупь. Все деревянные ящики были охвачены огнем. Но добравшись до двери, я не смог ее открыть. У меня возникла мысль, что ее заперли снаружи. Ключ торчал из замочной скважины с наружной стороны, я специально оставил его там, чтобы, уходя, запереть комнату.

– Боже мой, и что же вы стали делать?

– Я разбил окно и выпрыгнул на улицу, позвал из конюшни старого Уильяма и его внука, и мы вместе затушили пожар. Большая часть бумаг сгорела, но все могло быть намного хуже. К счастью, эта комната находится в самой старой части дома, а его стены сложены из камня, и поэтому огонь не смог бы распространиться на всю усадьбу.

– Это очень счастливое стечение обстоятельств. Майор Пилгрим, вы сказали мне, что, по вашему мнению, дверь была заперта. Я полагаю, вы это проверили.

– Понимаете, когда огонь потушили, дверь была отперта. Но факт остается фактом: я не смог ее открыть, когда это было надо, а потом так и не смог установить, кто ее отпер, потому что к тому времени весь дом был на ногах. Отпереть дверь мог кто угодно, никто не помнил, открывал он дверь или нет.

– Получается, что любой обитатель дома мог отпереть дверь, запереть ее, а возможно, что она и не была заперта?

Роджер Пилгрим опустил взгляд.

– Похоже, что так, – сказал он. – Но почему же тогда я не смог ее открыть?

Мисс Сильвер сменила тему:

– Майор Пилгрим, вы можете поименно перечислить мне всех, кто находился в доме во время двух этих инцидентов? Назовите имена и кратко опишите этих людей.

Роджер взял со стола листок писчей бумаги и принялся машинально складывать и снова разворачивать его с таким напряжением, словно от этого листка зависели его жизнь и смерть. Он неотрывно смотрел на листок бумаги, но мисс Сильвер сомневалась, что Пилгрим его видел. Он заговорил, сильно растягивая слова:

– Ну, я не знаю – видите ли...

Мисс Сильвер кашлянула и несколько раз стукнула карандашом по столешнице.

– Вы не женаты?

– О нет.

– И не помолвлены?

– Ну, знаете, фактически нет. Нет, я не помолвлен.

Она лучезарно улыбнулась Роджеру:

– Понимаю, я поторопилась с вопросом. Но мне думается, у вас есть привязанность. Была ли эта леди в доме во время тех двух происшествий?

– Нет, нет.

– Может быть, она была где-то поблизости?

– О нет.

– Тогда давайте вернемся к тем, кто был в доме. Вы назовете мне их имена?

– Дома были мои тети – сестры отца. Они обе намного старше его. Мой дед был женат дважды, мои тети – дети от его первого брака. У него было четверо детей – все девочки. Эти две никогда не были замужем и всегда жили в «Приюте пилигрима».

– Как их зовут?

– Тетя Колли – ее полное имя Колумба, и тетя Нетта – ее полное имя Джанетта.

Мисс Сильвер записала в ученической тетради: «Мисс Колумба Пилгрим; мисс Джанетта Пилгрим».

– Коротко расскажите мне о них.

– Хорошо. Тетя Колли Большая и тетя Нетта Маленькая. Тетя Колли помешана на садоводстве. Я не знаю, что бы мы без нее делали, так как мы не можем позволить себе садовника. Она и старый Пелл занимаются садом. Тетя Нетта занята исключительно вышиванием. За тридцать лет она сшила бесчисленное множество вышитых покрывал для стульев и кресел. Это поразительно пустая трата времени, но, видите ли, тетя Нетта – инвалид, и, наверное, вышивание позволяет ей скрашивать безрадостное существование.

Мисс Сильвер старательно записывала слова Роджера в тетрадку. Закончив писать, она подняла голову и сказала:

– Прошу вас, продолжайте.

– Кроме того, дома был мой двоюродный брат Джером Пилгрим. Его тяжело ранило под Дюнкерком. Нам пришлось нанять для него сиделку. Очень хорошо, что она у нас есть, заодно она присматривает и за тетей Неттой.

– Как зовут сиделку?

– О, ее фамилия Дэй. Лона Дэй.

Мисс Сильвер записала: «Джером Пилгрим – Лона Дэй» и поинтересовалась:

– Сколько лет вашему кузену?

– Джерому? Ну, тридцать восемь или тридцать девять. Если вам это нужно, то он капитан Пилгрим. До войны он был адвокатом, но на работе не напрягался, если вы понимаете, о чем я говорю. Зато он писал триллеры – и, надо сказать, неплохие. Но после Дюнкерка он ничем не занимается – беднягу на самом деле здорово ранило.

– Он прикован к постели?

Роджер изумленно посмотрел на мисс Сильвер.

– Джером? О нет, он вполне самостоятельно передвигается, за исключением тех случаев, когда не в настроении. У него нелады с головой. Врачи говорили, что он поправится, но он не поправляется.

Мисс Сильвер прочистила горло.

– Майор Пилгрим, я вынуждена задать вам этот вопрос: ваш кузен недееспособен?

Роджер снова оцепенел от удивления.

– Джером? О господи, нет! Конечно же, нет, бедняга.

Мисс Сильвер не стала углубляться в эту тему. Если даже на этой стадии расследования ей казалось, что объяснения, предложенные майором Пилгримом, были недалеко от истины, все же природная осторожность удерживала ее от скоропалительных выводов. Мисс Сильвер ограничилась тем, что подчеркнула имя капитана Джерома Пилгрима и поинтересовалась:

– Это все жильцы «Приюта пилигрима»?

Роджера покорило от слова «жильцы». Он испытывал сильное раздражение от того, что встал вопрос о вменяемости бедного Джерома. Сначала разговор облегчил ему душу, но теперь он искренне жалел, что пришел к мисс Сильвер. Во всяком случае, на вопрос он ответил угрюмо и неохотно:

– Нет, еще в доме живут мисс Элиот и маленькая девочка.

Мисс Сильвер вопросительно и одновременно поощрительно взглянула на Роджера.

– Да?

Роджер объяснил:

– Она приехала к нам помогать по дому. Одну из деревенских девушек, которая у нас убиралась, мобилизовали, а другой всего лишь пятнадцать лет.

– А сколько лет мисс Элиот?

– О, она еще очень молода. Ее зовут Джуди. Думаю, что ей года двадцать два. Ее не мобилизовали, потому что у нее на руках маленький ребенок. Это дочка ее сестры, а ухаживать за ребенком некому, потому что отец и мать погибли во время бомбежки.

Мисс Сильвер склонила голову.

– Какая трагическая утрата.

Она записала: «Мисс Джуди Элиот», потом занесла над тетрадкой карандаш, ожидая, когда Роджер назовет имя ребенка.

– О, девочку зовут Пенни Фоссет. Ей, наверное, года четыре. Но они не имеют отношения к происшествию, потому что появились здесь позже.

– Я поняла вас, майор Пилгрим. Кто унаследовал бы ваше имущество в случае вашей гибели?

Роджер вздрогнул, потом нахмурился.

– Мой брат Джек. Но мы не знаем, жив ли он. Последнее, что мы о нем слышали – это то, что он находился в госпитале в Сингапуре, когда туда пришли японцы. Конечно, мы все надеемся, что он жив и здоров, но ничего о нем не знаем.

– То есть если бы вы погибли, вопрос о продаже дома был бы отложен на неопределенный срок?

– Вероятно, да. Во всяком случае, дом нельзя было бы продать до получения достоверных сведений о Джеке.

– Если вдруг выяснится, что ваш брат умер, то кто после него унаследует дом?

– Джером.

Повисло недолгое молчание. Решив, что оно слишком затянулось, мисс Сильвер заговорила очень серьезным тоном:

– Чем, как вы думаете, я могу вам помочь? Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то я должна побывать в вашем доме. Это можно сделать двумя способами. Я могу приехать к вам официально и открыто, как частный детектив, или, что предпочтительнее, как обычный гость. Вы могли бы посвятить в это дело одну из ваших тетюшек? Если да, то я смогу прийти к вам на правах ее старой подруги – может быть, одноклассницы.

Роджер с сомнением покачал головой:

– Можно все рассказать тете Колли, но ни в коем случае не тете Нетте, она слишком сильно разволнуется. Я могу все рассказать Лоне – она скажет, что вы ее тетя.

Мисс Сильвер заглянула в список имен.

– Мисс Лона Дэй, сиделка? Нет, это, я думаю, нежелательно. Лучше довериться мисс Колумбе. Люди, увлекающиеся садоводством, как правило, очень надежны. Эта работа воспитывает трудолюбие, терпение и упорство. Обычно такие люди спокойны и не склонны давать волю нервам. Вы забыли сказать, сколько лет мисс Дэй.

– Лоне? Разве? На самом деле я не знаю, сколько ей лет. Пожалуй, за тридцать. Она превосходная сиделка, и я не представляю, как бы мы стали обходиться без нее. Но ей, наверное, ближе к сорока, чем к тридцати, потому что, когда ее нанимали, мы что-то говорили о ее возрасте. Ее нанимали три года назад, до всей этой истории с Генри.

Мисс Сильвер покашляла и осведомилась:

– Кто такой Генри?

Глава 5

Когда Джуди приехала в «Приют пилигрима», шел проливной дождь. Дождь – это, конечно, не самое лучшее время для приезда и первого знакомства с домом. Старенькое такси, подхватившее их в Ледлингтоне, остановилось, не доезжая до дома, посреди деревенской улицы. Такой мокрой улицы Джуди, пожалуй, не видела ни разу в жизни, потому что с неба низвергались галлоны воды, а по левой стороне по зацементированной канаве с перекинутыми через нее мостиками, ведущими к воротам домов, несся бурный поток. Дома отделялись от дороги палисадниками, а к воротам вели мощеные или засыпанные гравием подъездные дорожки.

Машина остановилась справа, и за пеленой дождя Джуди смогла рассмотреть что-то похожее на теплицу. Когда старый шофер открыл дверцу, Джуди увидела, что с улицы к дому ведет вымощенная глазурованной плиткой дорожка длиной около пятнадцати футов, защищенная от непогоды стеклянной галереей. Дом был виден довольно смутно из-за того, главным образом, что его с обеих сторон от ворот закрывала высокая кирпичная стена. Дом был большой и старинный, со множеством окон. Джуди поехала, представив, что ей придется мыть все эти окна.

Дверь застекленной веранды открылась, и Джуди, подхватив на руки Пенни, в несколько прыжков перебежала мокрую дорогу и оказалась на сухой циновке из кокосового волокна. Пол галереи был выложен мелкими красными и черными плитками, а циновка лежала вдоль прохода, по его середине. Стоявшие у стен стойки подпирали какие-то экзотические и на редкость уродливые растения. Скоро Джуди предстояло узнать, что эти растения были причиной вечных препирательств между мисс Колумбой и ее сестрой мисс Неттой, которая утверждала, что эти растения были здесь всегда и их поэтому следует сохранить, на что мисс Колли отвечала, что ни одно уважающее себя растение не выдержит сквозняков этой ужасной веранды и если Нетта так хочет их сохранить, то пусть сама за ними и ухаживает.

Джуди немного замешкалась у машины, расплачиваясь с водителем и собирая багаж, неизбежный при путешествиях с маленьким ребенком. К тому же надо было уследить за Пенни, которая мгновенно промокла до нитки.

Дверь галереи открыл дворецкий – пожилой человек с хмурым, неприветливым лицом. Она не поняла, был ли у него всегда такой вид, или он сразу решил показать молоденькой горничной, как они с миссис Роббинс относятся к девушкам с четырехлетними детьми. Дворецкий не смягчился даже после того, как Пенни, вежливо протянув ему ладошку, сказала «Здравствуйте!», выказав свои изысканные манеры.

Все вместе они вошли в просторный квадратный холл с дверями по обе стороны от входа и лестницей в дальнем конце, ведущей наверх. Дом показался Джуди большим и холодным, хотя на улице было отнюдь не холодно. Когда она потом анализировала свои первые впечатления, они состояли из дождя, большого холодного дома и хмурого лица мистера Роббинса.

Они устраивались, как это обычно бывает, когда весь дом уже спал. Им с Пенни отвели красивую комнату на втором этаже, и Джуди очень обрадовалась этому, так как ей не хотелось бы оставлять девочку одну под самым чердаком. Комната находилась непосредственно рядом с лестницей, дальше по коридору были комнаты кузена-инвалида и его сиделки, а еще дальше – ванная комната. Но Джуди с Пенни не воспользовались ею. Выйдя из своей комнаты, они спустились на один лестничный пролет по винтовой лестнице и оказались на неровном полу под невероятно низким потолком. Ванная здесь была просто огромной, стены ее были обшиты красным деревом. Это великолепие привело Пенни в полный восторг.

Отведенная им комната, однако, была вполне современной, с двуспальной кроватью, выкрашенной белой эмалью, что порядком удивило Джуди, ожидавшую увидеть старинную кровать с четырьмя столбами и балдахином. Джуди улеглась на жесткий матрас, говоря себе, что все это не так уж и плохо и все будет намного лучше, когда закончится этот противный дождь; что было бы совершеннейшей глупостью думать о плохом, потому что все, в конце концов, всегда оборачивается к лучшему; и что вдвойне и втройне глупо испытывать неприятные чувства к «Приюту пилигрима» из-за того, что наговорил ей Фрэнк Эббот.

Джуди начала думать о здешних обитателях. Мисс Колумба вышла в холл встретить новую горничную. Для Джуди стало настоящим потрясением увидеть ее здесь после того, как они встречались в городе, когда мисс Колумба была в меховом пальто и фетровой шляпе. В твидовом костюме типа «Птичий глаз» и оранжевом свитере, подпиравшем двойной подбородок, она выглядела просто огромной, а ее густые курчавые седые волосы были по-мужски коротко острижены. Руки и ступни мисс Колумбы были так же огромны, как и она сама. Говорила она еще меньше, чем при их первой встрече. Тем не менее была мила и приветлива – это был тот сорт приветливости, который дается сам собой, будто от природы. Такие люди и вас воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Никто и никогда не подумал бы, что мисс Нетта – родная сестра мисс Колумбы. Мисс Нетта сидела в углу дивана с большими круглыми пальцами и работала своими крошечными белыми ручками, которые, вероятно, никогда в жизни не занимались ничем тяжелее вышивания. Единственное, что роднило ее с мисс Колли, – это сильно вьющиеся волосы, но у мисс Нетты они были серебристо-белыми, у а мисс Колли – серо-стальными. Все кудряшки были тщательно уложены, и казалось, что никакая сила в мире не способна сдвинуть их с места. «Интересно, – подумала Джуди, – сколько времени ей приходится тратить на прическу?» Она уже пришла было к определенному выводу, когда ей сообщили, что комнату мисс Нетты нельзя убирать до полудня, потому что она завтракает в постели и не выходит до двенадцати часов.

– Я же инвалид и, боюсь, доставлю вам массу хлопот.

Джуди подумала, что мисс Нетта не слишком сильно похожа на инвалида с ее живыми голубыми глазами и румяными щечками, но разве можно судить о человеке по внешности? К тому же цвет лица можно улучшить румянами, причем очень искусно. Джуди показалось, что ее появление в доме стало еще одной, третьей заботой мисс Нетты – первыми двумя были вышивание и ее здоровье.

Еще был Роджер Пилгрим. Они вместе обедали, но не обменялись ни единым словом, если не считать «здравствуйте». Если мисс Нетта была совершенно не похожа на больного человека, то у Роджера как раз вид был довольно болезненный. К тому же он производил впечатление очень нервного человека. Рука его дрожала, когда он подносил к губам стакан, глаза бегали, и он резко вздрагивал, когда громко хлопала дверь. Опоздав на обед, он поднялся из-за стола сразу, как только трапеза закончилась, сказав:

– Прошу меня извинить. Пойду выкурю сигарету с Джеромом.

Когда Джуди вспомнила этот эпизод, до нее вдруг дошло, что Роджер молчал все время после приветствия и до извинения, с которым он встал из-за стола.

Имя кузена-инвалида по ассоциации сразу напомнило Джуди о мисс Дэй. Лона – так ее все здесь называли – была медсестрой, присматривавшей за капитаном Пилгримом и мисс Неттой. Одевалась Лона не как медсестра, потому что капитан Пилгрим ненавидел хрустящие белые халаты, а мисс Нетта находила медицинскую форму неизящной. Так и получилось, что мисс Дэй носила юбку из грубого твида и мягкий свитер. Будучи не очень молода, она сохранила хорошую фигуру, которую выгодно подчеркивал свитер. Лицо ее нельзя было назвать красивым – вытянутое, бледное, с зеленовато-голубыми глазами. Голову ее венчала густая копна отличных каштановых волос. Лона неуловимо напоминала кого-то Джуди, но никак не получалось вспомнить кого, и из-за этого Джуди испытывала вполне понятное раздражение. Однако потом она убедила себя в том, что никогда прежде не видела мисс Дэй, иначе непременно бы ее запомнила. В Лоне чувствовались теплота и искренний интерес к людям. Она, кажется, прониклась симпатией к Пенни и выказала сочувствие по поводу гибели Норы и Джона. О них обмолвилась за обедом не Джуди, а мисс Джанетта. Лона Дэй не сказала ни слова, но было видно, что ей не безразлично то, что она услышала. Зато она очень тепло отозвалась о капитане Пилгриме.

– Боюсь, что вам будет трудно убирать его комнату. Вам придется делать это, пока он в ванной, но он проводит там полчаса, потому что бреется и принимает ванну. Он долго не брился из-за шрама, но теперь начал, и я очень рада этому обстоятельству. Он так переживает из-за обезображивающего рубца, так страдает, бедняжка.

– Он никогда не спускается вниз?

– Нет, он спускается, когда у него хорошее настроение. Но встречаться с незнакомцами для него сущее мучение. К тому же он страшно боится напугать крошку Пенни. Какое она милое дитя. Нисколько не удивляюсь, что вы не смогли с ней расстаться. И как она хороша!

Это последнее высказывание полностью соответствовало действительности. Пенни была ангельским ребенком. Первое знакомство с чужим семейством прошло как нельзя лучше. Конечно, это чудо не могло продолжаться вечно, но начало прошло как по маслу. По крайней мере, в этот вечер Пенни делала все, что положено делать детям, воспитанным в викторианских традициях. Она отчетливо и к месту произносила: «Да, пожалуйста» и «Нет, спасибо», не уронила на пол ни одной крошки, не пролила ни капли на стол, а своим умением пользоваться туалетом заслужила похвалу мисс Колумбы.

– Правда, она похожа на большую слониху? – спросила Пенни, когда они ложились спать.

Засыпая, Джуди весело хихикнула, представив себе мисс Колли в таком экзотическом виде.

Глава 6

Утро следующего дня было ясным и солнечным. Пенни выбежала порезвиться в сад, а Джуди занялась хозяйственными делами, которых, судя по всему, было много. С утра надо было подать всем чай в спальни. Правда, в обязанности Джуди не входило собирать потом подносы – этим занималась приходящая деревенская девушка. Ее звали Глория Пелл, а старик садовник Пелл приходился ей дедушкой. У рыжеволосой Глории был острый, можно даже сказать бесстыжий, язычок, который она придерживала только в присутствии Роббинса, внушавшего ей – по непонятным причинам – большое почтение. Джуди терпела ее до одиннадцати, после этого Глория ушла на кухню, где поступила в распоряжение миссис Роббинс. Девушка приходила в дом в восемь утра и уходила в шесть вечера.

В тот первый день Глория вела себя чуть-чуть заносчиво, демонстрируя Джуди свое – пусть даже и дружеское – превосходство.

– Место здесь неплохое. Самое главное не перечить мистеру Роббинсу. Он тот еще фрукт – он и миссис Роббинс, но она распрекрасная повариха. Мама говорит, что другой такой возможности у меня не будет и чтобы я присматривалась и училась стряпать. Мама говорит, что на готовке можно заработать хорошие деньги. Вот моя тетка, Этель, готовит в одном из этих британских ресторанов и говорит, что у нее все в порядке. Но я не знаю, надо это мне или нет. Моя тетушка Мейбл говорит, что мои рыжие волосы надо уложить волнами и добавить пару-другую кудряшек, но миссис Роббинс заставляет меня расчесывать и выпрямлять их. Конечно, у нее самой волосы прямые, их не завьешь даже печной кочергой.

Дом был большой и до неприличия хаотичный. За застекленной викторианской верандой следовал фасад восемнадцатого века, скрывавший настоящую кроличью нору с множеством комнат, находившихся на разных уровнях и соединенных между собой переходами и лестницами, то круто забиравшими вверх, то падавших вниз. Многие комнаты пустовали. «Это же просто ад для горничной!» – подумала Джуди, но, несмотря на это, дом вызвал у нее восхищение. От верхней лестничной площадки вправо и влево расходился расположенный на одном уровне коридор.

Глория, надувшись от важности, показала Джуди на дверь комнаты, в которой обвалился потолок.

– Там творится такой беспорядок! Но я не могу его сейчас показать, потому что мистер Роджер запер дверь и забрал ключ. После этого дела он переехал в соседнюю комнату. – Она распахнула дверь рядом. – Это лучшая спальня, кроме той, где все это случилось. Раньше там жил мистер Пилгрим. Потолок там точно такой же, как тот, который упал. Думаю, что и в новой спальне потолок такой же ненадежный. Мама говорит, что он слишком тяжелый со всеми этими пляшущими девками и цветами. Вообще, потолок не совсем приличный. Мама была здесь младшей горничной, до того как вышла замуж за папу. Сколько здесь было прислуги – просто пропасть! Мистер и миссис Роббинс были здесь всегда, они вечные – так говорит мама. В доме были еще судомойка, привратник – им командовал мистер Роббинс, главная горничная, моя мама, уборщица и мальчик, который чистил сапоги и ножи.

Джуди окинула взглядом огромную комнату и от души порадовалась, что ей не придется каждый день ее убирать. Комната была устлана безбрежным брюссельским ковром и уставлена тяжеловесной викторианской мебелью. Самым монументальным сооружением была, конечно, кровать восемнадцатого века с четырьмя столбами. Занавесок, правда, не было, но, судя по балдахину, они должны были быть тяжелыми и пышными. Кровать выцвела и приобрела ржаво-коричневый цвет, но в тех местах, где складки ткани прикрывали дерево от солнечного света, проглядывал исходный темно-красный цвет. Стены были оклеены обоями с цветочным орнаментом – гирляндами роз, перевязанных синими ленточками, однако из-за множества фотографий на стенах этот узор был виден лишь небольшими фрагментами. В большинстве своем эти фотографии были портретами. Очевидно, господину Пилгриму нравилось иметь под рукой всю свою семью.

Глория с удовольствием взяла на себя роль всезнающего гида.

– Это мистер Роджер, когда был маленьким. Никто не думал, что он выживет. А это миссис Пилгрим – она умерла, когда мистеру Роджеру была всего неделя от роду. А это мисс Джанетта и мисс Колумба, когда их представляли при дворе. А вот это – миссис Клейтон, ну, мисс Мэри Пилгрим.

Джуди перевела взгляд с тонкой и застенчивой мисс Колумбы, стоявшей рядом с почти не изменившейся мисс Джанеттой – обе были затянuty в белый атлас, – на фотографию улыбающейся красивой женщины с ребенком на коленях.

Глория понизила голос и затараторила дальше:

– Она умерла совсем молодой. На коленях у нее мистер Генри Клейтон, а вот это он – уже взрослый. Мама говорит, что он был тогда самым красивым молодым джентльменом из всех, кого ей приходилось видеть.

Джуди всмотрелась в портрет Генри Клейтона. Это имя ничего ей не говорило, она никогда прежде о нем не слышала. Сейчас она видела перед собой красивого молодого человека лет двадцати шести-двадцати семи. Он был поразительно похож на мать темными глазами, но исходившее от него очарование являлось его собственным качеством.

Глория отошла к двери, тихо затворила ее и вернулась назад.

– Потом начались очень странные вещи – когда он пропал.

– Он пропал?

Девушка закатила глаза и скривила губы в неподражаемой гримасе.

– Да, пропал. Правда, он уже был не такой молодой, как на этом фото. Его сделали очень давно, а пропал он всего-то три года назад. Он собирался жениться на мисс Лесли Фрейн. У нее много денег, и все говорили, что он хотел из-за этого на ней жениться. Он сделал ей предложение, но из этого ничего не вышло. Мама говорит, что нет ничего удивительного в том, что свадьба так и не состоялась. Но никто не знает, что с ним случилось. За три дня до свадьбы он пропал, и никто больше его не видел и ничего о нем не слышал. Мама говорит, что ему, наверное, стало стыдно за то, как он обошелся с мисс Лесли. Она всем здесь нравится. Она, конечно, не красавица, но ведь мистер Генри это знал, и если не был в нее влюблен, то не стоило все это затевать – я хочу сказать, свадьбу и все такое! Мама говорит, ему теперь стыдно показываться здесь после всего, что он сделал мисс Лесли. Только вы не говорите никому, что я вам рассказала. Если миссис Роббинс узнает, она мне такое устроит!

Девочка, крадучись, подошла к двери и осторожно ее открыла, словно опасаясь увидеть миссис Роббинс, приникшую к замочной скважине. Убедившись, что в коридоре никого нет, она хихикнула и продолжила свое повествование:

– Напротив – комнаты двух мисс Пилгрим. Вот эта – комната мисс Нетты. Она все утро одевается и приводит себя в порядок. К ней нельзя входить до полудня. Это дверь в их ванную. Дальше по коридору, рядом с лестницей, есть еще одна комната. Рядом с ней комната мистера Джерома. В ней можно убираться, только когда он в ванной. – Она криво и бесстыдно улыбнулась. – Вот видите, сколько здесь всяких фокусов. Напротив его двери – комната мисс Дэй. Она все время рядом, чтобы войти к мистеру Джерому, когда с ним бывает плохо. Обычно это случается по ночам. О, это так страшно. Я бы не стала здесь ночевать ни за какие коврижки, ни за какие деньги! Он так страшно кричит в это время, что кровь стынет в жилах. Бедный джентльмен. Я вам не завидую, потому что вам придется здесь спать.

Джуди решила, что пора приостановить этот поток красноречия.

– Откуда ты все это знаешь, если ты здесь не ночуешь?

Глория тряхнула копной рыжих волос.

– И не буду ни за что, даже если они встанут на колени и слезно попросят об этом! Но Айви, девушка, которая здесь работала раньше, – ночевала. Сейчас ее нет – ее мобилизовали, и теперь она работает на заводе, – вот она ночевала, но не выдержала. Мама приютила ее, и мы немного жили вместе с ней. Какая чуждая девушка! Вы бы ни за что не подумали, что мистер Джером может так кричать, если бы посмотрели на него. Правда, он не любит, когда на него смотрят, из-за того, что произошло с его лицом. Мама говорит, что он зря это делает, стыдиться тут совсем нечего. «Ему надо взять себя в руки и встряхнуться» – так говорит моя мама.

Джуди показалось, что она уже слишком много знает о маме Глории, и испытала большое облегчение, когда болтушка отправилась на кухню. Да, но сколько же здесь уборки и как мало отведено на нее времени!

Услышав щелчок замка ванной и увидев краем глаза мужскую фигуру в халате, открывшую дверь, она торопливо вошла в комнату Джерома, чтобы убраться в ней.

Джуди было интересно заходить в чужие комнаты. Они могут многое рассказать о своих обитателях. Эта спальня тоже многое рассказала ей о семействе Пилгримов. Джуди подумалось, что это, наверное, самая красивая комната во всем доме и что только очень хорошие люди могли предоставить такую красивую комнату невесте откуда свалившемся на их голову неимущему инвалиду. В комнате было два окна, выходивших в сад. Стена представляла собой застекленный эркер, и солнце почти всегда светило в комнату. Джуди подошла к окну и выглянула в сад, обнесенный высокой кирпичной стеной. Дорожки были вымощены и обрамляли многочисленные круглые, квадратные и прямоугольные клумбы, в которых мелкие хвойные растения контрастировали своей зеленью с голыми коричневыми ветвями кустарников. В клумбах цвели подснежники, начали пробиваться тюльпаны. Стены были обсажены аккуратно подстриженными фруктовыми деревьями и заплетены вьющимися розами. В дальней стене виднелись красивые кованые ворота, ведущие в другой огороженный сад. Потом Джуди узнала, что таких садов было четыре. Они переходили один в другой, и каждый следующий был больше и запущеннее, чем предыдущий.

Джуди отвернулась от окна и посмотрела на комнату в промежутке между занавесками, украшенными веселым растительным узором. В комнате стояли два больших удобных кресла, широкий диван и кровать с дорогим современным пружинным матрасом. Стены были уставлены книжными полками, на ночном столике лежали книги и стоял радиоприемник – это было все, что доброта могла предложить инвалиду, чтобы скрасить его несладкую жизнь.

Джуди принялась за работу, удовлетворенная этим открытием. Мимолетно вспомнила Фрэнка Эббота, который всячески пытался помешать ей приехать сюда, к этим добрым и милым людям. Эти чувства только усилились, когда, выйдя в сад, она увидела, как Пенни увлеченно играет на куче песка. Садовник снабдил девочку совком и множеством трехдюймовых ведерок, с помощью которых Пенни сделала десятки куличиков, украшенных камешками и красными ягодками, а неподалеку огромная мисс Колли в синих брюках и рыбацком свитере просеивала через сито землю в ящики и сеяла лук на рассаду. Ярко светило солнце, а старая теплица закрывала двор от ветра.

Глава 7

Солнечная погода продержалась два дня. Роджер Пилгрим уехал в город. Пенни играла в саду. Джуди работала по дому, и ей казалось, что так тяжело трудиться ей не приходилось еще ни разу в жизни. Потом полил дождь, и Пенни пришлось сидеть дома. Джуди дала ей совок для мусора, веник и тряпку. Однако когда Глория ушла вниз, Пенни потеряла всякий интерес к уборке. Встав перед Джуди, девочка повелительно взглянула на нее:

– Как это скучно, быть девочкой. Теперь девочка стала львом – злым, свирепым львом. Сделай ему хвост, чтобы он мог им махать – вжик, вжик!

Джуди прицепила к платьицу Пенни тряпку, и приблизительно полчаса все шло просто замечательно. Лев шипел, рычал, прыгал и носился по коридору. Джуди покончила с комнатой Джерома и выбросила ее из головы. Она сумела загнать маленького льва в противоположный конец коридора, когда Джером вышел из ванной.

Через несколько минут ее позвала мисс Нетта, и Джуди пришлось вместе с ней искать невесть куда закатившееся кольцо. Мисс Нетта в голубом домашнем халате то и дело поправляла свои кудряшки и время от времени произносила: «Интересно, куда оно закатилось?» или «Но должно же оно найтись». Когда Джуди обнаружила наконец кольцо и, вывозившись в пыли и покрасневшись от духоты, вышла из комнаты мисс Нетты, Пенни нигде не было – ни в коридоре, ни в их спальне, ни в других комнатах, куда заглянула Джуди. К своему ужасу, она вдруг увидела, что одна из дверей была приоткрыта – дверь в комнату капитана Пилгрима. Если малышка вошла туда...

Малышка вошла. Прежде чем Джуди успела это осознать, она услышала грозное рычание, означавшее, что Пенни все еще была львом. В приоткрытую дверь Джуди увидела неистово болтающуюся из стороны в сторону тряпку и услышала, как Пенни, изо всех сил изображая свирепое рычание, сказала:

– Это злой лев. Он рычит и кусается. Это самый злой лев в целом мире.

Джером Пилгрим, подавшись вперед, сидел в кресле. На капитане был верблюжий халат, в котором он казался великаном. Одна сторона лица была довольно красива, хотя кожа на ней немного обвисла. Другая сторона, прикрытая ладонью, была обезображена большим неровным шрамом, идущим от виска к подбородку. В темных глазах, казалось, навечно застыла усталость. Волосы над насупленными бровями были почти черными, если не считать седой пряди, спадавшей на рубец.

Пенни прекратила рычать, сделала шаг вперед и с интересом спросила:

– Тебя кто-то укусил за лицо? Это был лев?

Джером отозвался низким хриплым голосом:

– Да, что-то в этом роде. Знаешь, ты лучше побегай в коридоре.

Пенни приблизилась еще на шаг.

– Я не злой лев, я теперь буду добрым львом. И не стану кусаться. У тебя болит то место, за которое укусил плохой лев?

– Да, иногда болит.

– Бедняжка... – ласково проворковала Пенни. – Тебе не поцеловали это место, чтобы оно не побелело?

Джуди услышала, как Джером невесело рассмеялся.

– Нет, знаешь, не поцеловали.

– Глупые люди! – В голосе Пенни прозвучало презрение. Она потянулась к ладони, прикрывавшей шрам, встала на цыпочки и запечатлела на шраме влажный детский поцелуй.

Джером Пилгрим сильно вздрогнул, когда Джуди решительно вошла в комнату. Стараясь придать своему тону как можно больше будничности, она сказала:

– Прошу прощения, капитан Пилгрим. Меня позвала мисс Джанетта, и Пенни осталась без присмотра. Она еще не привыкла жить в чужом доме. Идем, Пенни!

Пока она говорила, Джером прикрыл шрам ладонью, но Пенни снова потянула его руку вниз.

– Нет, я не пойду, я останусь. Он сейчас расскажет историю – про льва...

– Пенни!

Джуди нахмурилась, но капитан Пилгрим, напротив, расцвел в улыбке:

– Да, историю про злого, свирепого льва.

В лице Джерома что-то изменилось, и Джуди подумала, что ему будет хорошо, если он побудет с Пенни, пока она сама приберет остальные комнаты. Джуди дружелюбно обратилась к нему:

– Ей понравится ваш рассказ, а я управлюсь вдвое быстрее. Но если она будет вам досаждать...

В темных глазах промелькнула мрачная усмешка.

– Она умеет добиваться своего, да? Но лучше заберите ее отсюда, я не хочу, чтобы девочка боялась и ей потом снились страшные сны.

Джером был явно не готов к прямой, с которой Джуди ему ответила:

– Не говорите глупостей! Почему это ей будут сниться страшные сны?

Слова были грубоватыми, но улыбка приятной и обезоруживающей. Красивая девушка – великолепные каштановые волосы, белые зубы – смотрела на него, как на обычное человеческое существо, а не как на жалкого инвалида. Он положил руку на колено и произнес:

– Я, кажется, не слишком красив.

Он не мог не заметить на лице Джуди искреннее удивление.

– И это из-за шрама? Какая разница – есть он или нет? Мужчин не должна волновать их внешность. И почему Пенни начнет вас бояться, она же вас поцеловала, разве нет? Может, вы действительно побудете с ней, пока я закончу уборку? Это будет очень любезно с вашей стороны. Но если вы устанете или она сильно вам надоест, выпроводите ее. Я пока уберу ванную и комнату мисс Джанетты.

Она вышла, не дав ему времени на ответ, но оставила дверь приоткрытой. Дверь в ванную она тоже не стала закрывать. Вытирая ванну, Джуди слышала, как Джером рассказывает Пенни историю об Андрокле и льве. Девочка была заинтригована. Рассказ явно имел успех.

Когда Джуди забирала Пенни, глаза девочки горели. Пенни на прощание обняла Джерома за шею – это было с ее стороны наивысшее проявление любви, – и уходила она с большой неохотой.

В тот день, к удивлению всей семьи, Джером спустился к обеду и сел за общий стол.

Глава 8

– Завтра я собираюсь пойти в «Рощу святой Анессы», – сказала мисс Сильвер, – но перед этим мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Очень благодарна вам за то, что предоставили мне такую возможность.

Шторы на окнах уютной гостиной были задернуты. Мисс Сильвер была в своем лучшем летнем платье темно-зеленого цвета, украшенном своего рода азбукой Морзе из черных точек и черточек. Поверх платья была наброшена черная бархатная жакетка, глядя на которую в минуты своего наибольшего цинизма сержант Эббот думал, не купила ли ее мисс Сильвер задолго до Первой мировой войны. Сам он сидел перед камином на подбитом материей стуле с такими же гнутыми ореховыми ножками, как и у стула мисс Сильвер. Хлопнув ладонями по коленям, сержант посмотрел на мисс Сильвер и позволил себе мимолетную улыбку.

– Да, иногда и мы можем позволить себе расслабиться. Знаете, как верно заметил по этому поводу лорд Теннисон: «Как сладки нам часы безделья».

Мисс Сильвер кашлянула:

– Что-то я не помню такой строки.

Это было неудивительно, потому что ее господин Эббот только что придумал сам. Не переставая улыбаться, он, не смутившись, сказал:

– Это моя любимая строчка. Что вы хотели у меня спросить?

Ущипнуть Моды было самой большой радостью для Фрэнка Эббота. Самое интересное было в том, что он никогда не знал, смог ли он задеть ее. Иногда ему в душу закрадывалось подозрение, что смог. Он, усмехнувшись, посмотрел мисс Сильвер в глаза и сказал:

– Чем смогу...

Мисс Сильвер несколько мгновений молчала. Начальные ряды свитера для Этель удались, но сейчас она дошла до того места, где надо было внимательно считать петли. Некоторое время мисс Сильвер сосредоточенно шевелила губами, считая, и тишину нарушало лишь постукивание спиц. Потом она заговорила:

– Расскажите мне подробнее о семействе Пилгримов. Майор Пилгрим, когда был у меня, нервничал так сильно, что мне не хотелось, чтобы у него сложилось впечатление, что я подвергаю его допросу с пристрастием. Я хочу спросить у вас: он прежде не страдал невротами?

– Нет, насколько я могу судить, не страдал. Он никогда не отличался могучим здоровьем, но все свои болезни перерос. Ему, правда, пришлось многое пережить – знаете, пустыня, лагерь для военнопленных, побег, госпиталь, смерть отца, неопределенность в отношении брата... Думаю, он сказал вам, что о нем нет никаких вестей из Сингапура. Потом потолок обвалился, произошел пожар. Думаю, не приходится удивляться, что он стал таким нервным.

– Конечно, конечно. Бедный молодой человек. Надеюсь, мы сможем облегчить его состояние. Он написал мне и попросил завтра приехать в «Приют пилигрима». Я убедила майора Пилгрима, что будет лучше, если я приеду под видом обычной гостьи. Он рассказал все мисс Колумбе Пилгрим, и она согласилась участвовать в игре. Я представляюсь ее школьной подругой. Это возможно, потому что мисс Колумба училась в частной школе, а мисс Джанетта осталась дома и училась с дочками викария – у них была превосходная учительница. Так вот, я хочу спросить, можно ли положиться на мисс Колумбу?

Фрэнк Эббот от души рассмеялся.

– Она так мало говорит, что шансы на то, что проболтается, практически равны нулю. Она человек старой закалки, знаете ли, и всегда хранит свои мысли при себе. Не спрашивайте меня, что это за мысли, потому что о них известно только самой мисс Колумбе.

Мисс Сильвер снова принялась считать петли. Закончив ряд, она задала следующий вопрос:

– Что вы думаете о двоюродном брате Роджера – Джероме Пилгриме?

Фрэнк Эббот немного поразмышлял.

– О Джероме? Он один из лучших представителей этой семьи. Джером намного старше нас с Роджером. Сейчас подумаю: мне двадцать девять, Роджеру на пару лет меньше – а Джерому

сейчас сорок один – сорок два года. Мы смотрели на него с обожанием – снизу вверх, ну вы понимаете, как это бывает у мальчишек. Потом пути наши разошлись, и я не встречал его много лет. Знаете, так бывает в жизни – человека долго не видишь, а потом он снова появляется, и перед тобой оказывается совершеннейшая развалина. В нашей встрече с ним не было ничего приятного.

Мисс Сильвер посмотрела ему в глаза.

– Фрэнк, вы знаете этих людей, знаете все их обстоятельства. Как вы думаете, Джером Пилгрим мог все это устроить?

– Нет, если, конечно, у него не помутился рассудок. Я хочу сказать, что тот Джером Пилгрим, которого я знал раньше, не был способен на подлое злодейство. Но после такого удара по голове...

– Это ранение сказалось на его душевном здоровье?

– Нет, не сказалось. Врачи надеялись, что все обойдется. Я думаю, дело в том, что он страшно стесняется своего шрама, считает это уродство большим, чем оно есть на самом деле, и убежден, что все приходят в ужас, увидев его лицо. Ему надо выходить на люди и преодолеть этот комплекс. Его всячески поощряли к этому – мои родственники, Лесли Фрейн и я. И что же вышло? Каждый раз, когда он пытается выбраться из своей скорлупы, состояние его становится еще хуже. У него снова начались ночные кошмары, своими криками он поднимает на ноги весь дом. Тогда врачи велели оставить его в покое и не торопить события, ожидая, что все устроится само собой. И вот так все и ждут! Им еще повезло с сиделкой – кажется, она очень хорошо его понимает.

– Мисс Лона Дэй?

– Да, они все очень ей доверяют.

– Давно она находится в доме?

– По-моему, года три... да, скорее всего так, потому что она была там, когда пропал Генри Клейтон.

Мисс Сильвер положила вязанье на колени и спросила:

– Вы не можете рассказать мне и об этом?

– О Генри Клейтоне? – Фрэнк, казалось, был немало удивлен этой просьбой.

– Если можно.

– Ну, это очень старая история, едва ли имеющая отношение к нашему делу. Она никак не связана с тем, что происходит сейчас, но достаточно стара, чтобы возбудить любопытство. Генри Клейтон приходился двоюродным братом Роджеру и Джерому. Его мать была сестрой мисс Колли и мисс Нетты. Он был ровесником Джерома. Вел Генри себя как перекасти-поле. Он занимался немного сельским хозяйством, немного радиоразведкой, немного журналистикой. Когда началась война, попал в министерство информации – не спрашивайте меня как. Что можно про него сказать? Компанейский парень, куча друзей и ни цента в кармане. К концу странной войны состоялась его помолвка с Лесли Фрейн. В связи с политическими неурядицами того лета речь о свадьбе зашла только в начале сорок первого года. Сказать по совести, в деревне все были того мнения, что Генри отнюдь не горит желанием жениться. Не знаю, рассказывали ли вам о Лесли. У нее хорошая фигура и золотое сердце, но хорошенькой ее не назовешь, а Генри – судя по отзывам знавших его людей – любил смазливые мордашки. Правда, Лесли Фрейн – невеста с большим приданым. У нее много денег, и, вероятно, Генри надеялся, что часть их перепадет и ему. Как говорит по этому поводу Теннисон: «Не женись на деньгах, просто иди туда, где они лежат».

В голосе мисс Сильвер прозвучал упрек, когда она заговорила:

– Слова, вложенные в уста простого крестьянина, возможно, не отражают чувств самого лорда Теннисона.

Фрэнк поспешил успокоить мисс Сильвер:

– Это верно, конечно. Но давайте вернемся к Генри. Мы как раз подходим к кульминации истории. За три дня до свадьбы между Генри и Лесли произошла стычка. Никому не известна ее причина. Я говорю «стычка», потому что так их разговор назвала сама Лесли Фрейн. Она говорила, что ничего серьезного не произошло, это была не ссора. Я знаю все это доподлинно, потому что расследованием занимался Скотленд-Ярд, поскольку Генри жил в Лондоне и служил в министерстве информации, а меня привлекли к этому делу, так как я знаю обитателей усадьбы.

Мисс Сильвер согласно кивнула:

– Да, это так.

Положив руки на колени и глядя на огонь, Фрэнк продолжил:

– Эта размолвка состоялась примерно в середине дня, а потом не происходило ничего примечательного до половины одиннадцатого вечера, когда Роббинс – дворецкий – запирает на ночь ворота. В «Приюте пилигрима» спать ложились рано: дамы в десять, а отец Роджера отходил ко сну в десять пятнадцать – старик был тогда еще жив. Роббинс думал, что все уже поднялись наверх, и спустился вниз, но, проходя мимо кабинета, услышал, что Генри Клейтон говорит по телефону. Слуга никому ничего не сказал, остановился у двери и прислушался. Генри говорил: «Нет, Лесли, конечно, нет. Дорогая, как ты вообще могла такое подумать? Послушай, я сейчас приду». Возникла пауза – видимо, Лесли что-то говорила, а потом Генри сказал: «Нет, еще не поздно – всего половина одиннадцатого» – положил трубку и вышел из кабинета. Роббинс едва успел отойти от двери. Потом Лесли Фрейн подтвердила этот разговор и сообщила, что Генри позвонил, чтобы уладить конфликт. Она сказала ему, что время уже слишком позднее для визита. Короче говоря, Генри вышел в холл и сказал Роббинсу, что идет к мисс Фрейн, а потом добавил: «Я ненадолго, но вы меня не ждите. Я возьму ключ, сам запру дверь и накину цепочку». После этого он вышел из дома.

Мисс Сильвер снова застучала спицами.

– Генри был в вечернем костюме?

– Нет, в то время часто объявлялась воздушная тревога, и мужчины одевались просто. На Генри был в тот момент будничного синего костюм. Погода стояла теплая, а до дома Лесли Фрейн идти недалеко – каких-нибудь пятьдесят ярдов. Генри положил в карман ключ и вышел. Лесли Фрейн ждала его. Отойдя от телефона, она подошла к окну, выходящему на улицу. Стояла ясная лунная ночь. Из окна было хорошо виден «Приют пилигрима». К входу «Приюта» ведет немного странная стеклянная галерея, соединяющая вход с воротами, выходящими на деревенскую улицу. Мисс Фрейн видела, как Генри вышел на улицу и направился к ее дому. Задержав занавески, она отошла в противоположный конец комнаты, чтобы он не видел, с каким нетерпением она его ждала. Шли минуты. Генри не появлялся. Мисс Фрейн сказала ему, что оставит дверь незапертой, и он сможет просто войти в дом, но он не вошел. Прождав некоторое время, Лесли не выдержала, приблизилась к окну и выглянула на улицу. Там никого не было.

Фрэнк повернулся и посмотрел на мисс Сильвер:

– Вот так! Генри Клейтона видели, когда он выходил из «Приюта пилигрима», но в «Обитель святой Агнессы» он так и не пришел. С тех пор его никто не видел и ничего о нем не слышал.

– Господи, Фрэнк!

– Я же говорил, что это было очень странное происшествие. Его хватились только утром. Все, конечно, решили, что он ушел на станцию. Никто не думал, что он был безумно влюблен в Лесли, и все посчитали, что он просто сбежал. Если бы не война, думаю, Скотленд-Ярд пришел бы к такому же выводу. Каждый год в стране исчезает масса людей, но исчезнуть во время войны не так легко, как в мирное время. Генри был не мальчик – ему было под сорок, и он являлся правительственным чиновником. Когда идет война, невозможно исчезнуть со службы, не рискуя очень большими неприятностями. Есть личные документы, продовольственные карточки – бросить все было не так-то легко. Я отправился в «Рошу святой Агнессы» и занялся расследованием. Семья была сильно расстроена. Лесли – ну, она очень мне нравится, хотя, должен сказать, что едва ли выдерживал общение наедине с Генри больше пяти минут – так вот, она не устраивала никаких истерик, вела себя просто и с достоинством, хотя было видно, что ей очень тяжело.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Сколько времени мисс Фрейн провела в глубине комнаты после того, как отошла от окна, увидев идущего к ней мистера Клейтона?

– По ее словам, не больше четырех минут. Она была у камина, на полке которого стоят часы, и следила за временем.

– Вы говорите, что от «Приюта пилигрима» до дома Лесли Фрейн не больше пятидесяти ярдов. Есть ли в этом промежутке переулочек или какая-нибудь боковая улочка?

– Нет. Стена усадьбы «Приют пилигрима» занимает половину расстояния. Стена очень высокая, на нее не вспрыгнешь. Есть входы в гараж и конюшню, но они были в это время заперты. Потом располагается здание банка графства, но он давно закрыт, потом две-три лавки, а дальше

начинается дом Лесли. Противоположная сторона уставлена деревенскими домами, которые стоят в глубине, а перед всеми воротами – сады и огороды. Если бы Генри решился бежать, то он, конечно, мог бы воспользоваться проходами между домами, но зачем, спрашивается, ему пробираться по вспаханной земле в сторону, противоположную от железной дороги? Да и как он мог бежать в зимнюю ночь, пусть даже и теплую – стоял февраль, но это все же еще зима – с непокрытой головой, в костюме, без шарфа и без вещей? Вам не кажется, что это не слишком правдоподобная версия? Если, конечно, с ним не случилось какое-нибудь помрачение сознания, если он забыл, кто он и куда идет, и отправился наобум в никуда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Его могла подобрать какая-нибудь машина.

Фрэнк кивнул:

– Могла. Но по улице в тот момент не проезжала ни одна машина. Мисс Фрейн прислушивалась к тому, что происходило на улице, и не пропустила бы звук машины.

– Конечно, – согласилась мисс Сильвер. – Мисс Фрейн услышала бы машину, если бы она проехала мимо. Значит, ее там не было. Но не думали ли вы о другой возможности? Допустим, мистер Клейтон действительно отправился к мисс Фрейн, но по дороге передумал и вернулся назад. Он вернулся в дом и некоторое время пробыл там. Наверное, у него был какой-то очень серьезный внутренний конфликт, вынудивший его внезапно исчезнуть буквально накануне свадьбы...

Фрэнк, не дождавшись конца предложения, энергично покачал головой:

– В дом он не возвращался. Роббинс ни за что не доверил бы Генри запира́ть дом. Он служит в «Приюте пилигрима» с тех пор, когда Генри и Джером еще ходили в школу, а вы же знаете, каковы эти старые слуги. Дети хозяев навсегда остаются в их представлении детьми. Он не доверял Генри, он не верил в свадьбу, ну и так далее. К тому же старый мистер Пилгрим очень щепетильно относился к вовремя запертым дверям, и поэтому Роббинс поднялся к миссис Роббинс, сказал ей, что задержится, вернулся в холл и принялся ждать.

– Как долго он ждал?

– Он слышал, как часы пробили полночь, а потом нечаянно уснул. Проснулся он, когда часы били шесть утра. Генри Клейтон домой не возвратился.

Мисс Сильвер испытующе посмотрела на Фрэнка:

– Роббинс проспал шесть часов. Откуда же он мог знать, возвратился Генри домой или нет?

– Он знал это, потому что прежде чем садиться ждать, он накинул цепочку на входную дверь.

– Зачем он это сделал?

Фрэнк рассмеялся.

– Знаете, он очень неохотно ответил на этот вопрос, когда я его ему задал. Мне кажется, он просто был уверен, что невзначай заснет, и очень не хотел, чтобы Генри застал его спящим. Поэтому он и накинул цепочку. С цепочкой в дверь войти невозможно, сами понимаете. Так что Генри домой не возвращался.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Он мог вернуться в тот момент, когда Роббинс разговаривал с женой, разве нет?

Фрэнк удивленно посмотрел на мисс Сильвер:

– Наверное, да. Но зачем Генри стал бы это делать? Он позвонил Лесли по своей доброй воле, он сам захотел прийти к ней и поговорить. К тому же он только что покинул дом. Зачем ему было через минуту возвращаться назад? Если же он вернулся, то когда он снова ушел? На дверь была изнутри накинута цепочка, значит, уйти через входную дверь он не мог. В доме есть еще задняя дверь и, кроме того, выход через конюшню. Я расспросил Роббинса относительно этих дверей – обе были заперты, а ключи оставались в замочных скважинах. Окна первого этажа снабжены старинными ставнями, запертыми металлическими запорами. Роббинс клянется, что все окна были закрыты и заперты, когда он утром обходил усадьбу. Генри, конечно, мог выпрыгнуть из окна второго этажа. Но ради бога, объясните мне, зачем ему было это делать, рискуя сломать ногу, если он мог спуститься на первый этаж и выйти через кухонную дверь? Но и в этом случае я не вижу никаких преимуществ в таких действиях. Усадьба огорожена стеной высотой десять футов, а все ворота заперты изнутри. Я на двенадцать лет моложе Генри, на дюйм выше и на тридцать фунтов легче, но и мне было бы очень затруднительно вскарабкаться на такую стену.

Кроме того, он вполне мог пройти мимо Роббинса, не разбудив его, если бы хотел уйти, – и ушел бы через парадную дверь. Но в этом случае цепочка не была бы накинута. Нет, эта версия не проходит – он не возвращался в дом. Выход из стеклянной галереи остался незапертым после того, как Генри вышел из дома, и ключ торчал в замочной скважине изнутри.

Мисс Сильвер несколько минут молча вязала. Потом спросила:

– Как вы думаете, Фрэнк, что с ним произошло?

– Ну, я же говорил вам, что он был перекасти-поле. Думаю, он пошел к Лесли, но по дороге что-то стукнуло ему в голову. Вы же помните, что они перед этим поссорились. Если бы они помирились, то Генри был бы сейчас жив, здоров и на месте. Может быть, он решил, что шансов на примирение нет. Может, подумал, что продает себя за чечевичную похлебку. Может, решил все порвать и бежать – и сделал это, рванув, так сказать, к свободе. Допустим, что он сделал это без всякого первоначального плана – просто проголосовал и уехал на первой остановившейся машине – ночь была светлая.

– Да? – тоном доброго следователя произнесла мисс Сильвер. – И что же было дальше?

– Дальше он мог выдать себя за другого, сочинить подходящую легенду и получить новые документы. Я занимался сотней таких историй. Думаю, что именно это и произошло. Для меня несомненно одно – на поезде он не уехал. Рядом с усадьбой находятся две железнодорожные станции, до которых можно добраться пешком, – Бершот и Ледлингтон. В Бершоте его бы опознали, а в любом другом месте сразу бы заподозрили, как заподозрили бы любого человека, который ночью расхаживает по улицам без шляпы и пальто.

– И потом его уже никто ни разу не видел?

– Нет, с тех пор его никто не видел и ничего о нем не слышал.

Глава 9

Некоторое время в гостиной было тихо. Однако эта пауза не показалась собеседникам долгой. Первым нарушил молчание Фрэнк Эббот:

– Пуд соли мы с вами еще не съели, но я вижу, что если не подбросить в камин угля, то огонь, пожалуй, погаснет. Вы позволите?

– Конечно, конечно, – любезно позволила мисс Сильвер.

Она смотрела, как он ловко раздул огонь и бросил в камин несколько совков угля. Старший инспектор уголовной полиции Лэмб говаривал, что, если бы Фрэнк не был годен ни на что остальное, его надо было оставить в штате, потому что никто, кроме него, не умеет так хорошо топить камин. Для Фрэнка разведение огня было способом отвлечься и освежить голову.

Когда пламя в камине стало устойчивым и надежным, мисс Сильвер снова заговорила:

– У меня есть еще несколько вопросов, и, если вы не против, я сделаю несколько записей.

Она отложила вязанье, встала с кресла, подошла к столу и раскрыла свою зеленую тетрадь. Фрэнк Эббот тоже встал и, подойдя к столу, устроился у противоположного его края.

– Итак, чем могу быть полезен? – спросил он.

– Вы можете сказать, кто находился в доме в то время, когда исчез мистер Клейтон?

Фрэнк начал перечислять, загибая пальцы:

– Мистер Пилгрим, мисс Колумба, мисс Джанетта, Роджер...

Мисс Сильвер остановила его своим характерным кашлем.

– Раньше вы его не упоминали.

– Да? Знаете, он как раз находился в недельном отпуске и был поэтому дома. Он снова загнул четвертый палец на левой руке – «Роджер», а затем продолжил: – Джером, Лона Дэй, сам Генри... и прислуга.

Записав имена, мисс Сильвер подняла голову.

– Кто именно из прислуги был в доме?

– В то время? Сейчас скажу... Мистер и миссис Роббинс, две деревенские девушки – Айви Раш и Мэгги Пелл. Вот, пожалуй, и все. Правда, Мэгги и Айви – прислуга приходящая, и их можно исключить из списка.

Мисс Сильвер записала и это.

– Кто был в доме, когда погиб мистер Пилгрим?

– Те же, кроме Роджера. Его как раз в то время взяли в плен на Среднем Востоке.

– Кто находится в доме сейчас?

Выгнув бровь, Фрэнк подумал: «Роджер должен был ей об этом сказать. Зачем она спрашивает об этом у меня?» Вслух он сказал другое:

– Те же плюс Роджер и минус две девушки, которых мобилизовали. Вместо Мэгги в доме сейчас работает ее младшая сестра. Их дедушка, старый садовник Пелл, давно работает у Пилгримов, кажется, с 1901 года.

– Другую девушку сменила Джуди Элиот?

Подняв голову, когда задавала этот вопрос, мисс Сильвер уловила перемену в выражении лица Фрэнка. Эта перемена была настолько мимолетной, что другой человек мог бы ее и не заметить. Но мисс Сильвер ее заметила и поэтому заметила и перемену в интонации, хотя ей было трудно определить, в чем состояла эта разница.

– Ах да, – сказал Фрэнк. – Она – моя хорошая знакомая, но я не имею никакого отношения к ее переезду туда. Наоборот, я всячески ее отговаривал. Она взяла с собой еще и ребенка – дочь своей сестры. Мне очень не нравится, что они там, очень не нравится. Поэтому я очень рад, что вы согласились туда поехать.

В этом признании не было ничего хорошего. Теперь он подставился и справа и слева. Моды теперь видела его насквозь.

Но что бы ни видела мисс Сильвер, она удержала это при себе. Дружелюбное внимание к Фрэнку осталось неизменным, когда она сказала:

– Мне думается, что для них в этом нет никакого риска.

Фрэнк протянул к мисс Сильвер руку:

– Послушайте, чего вы добиваетесь, составив эти три списка? Вы пытаетесь установить связь между исчезновением Генри и тем осиным гнездом, в которое превратился дом Роджера?

Мисс Сильвер издала уже ставшее привычным покашливание.

– Мой дорогой Фрэнк, за последние три года в «Приюте пилигрима» произошло множество странных событий. Мистер Генри Клейтон исчез накануне свадьбы. Мистер Пилгрим погиб от несчастного случая, который его конюх и его сын таковым не считают. Теперь его сын убежден в том, что на него дважды совершали покушение. Я не утверждаю, что все эти события связаны между собой, но такие странные совпадения нуждаются в тщательном расследовании. Я хочу знать еще одну вещь. Когда исчез мистер Генри Клейтон, у него были при себе деньги?

Фрэнк вздрогнул и резко выпрямился.

– Знаете, да. Мне следовало сразу сказать вам об этом. Это одна из причин, по которой он мог решиться на такую выходку. Мистер Пилгрим дал ему чек на пятьдесят фунтов – в качестве свадебного подарка. Генри попросил дать ему наличные, объясняя это тем, что они ему понадобятся на медовый месяц. Все в семье знали, что старик Пилгрим хранил деньги дома. Когда Генри попросил дать ему наличные, старик взял назад чек и порвал его. Мне об этом рассказывал Роджер – вся сцена происходила при нем. Он же рассказал мне, что отец поднялся к себе и вернулся с четырьмя купюрами по десять фунтов и двумя – по пять. Генри достал бумажник и положил туда деньги.

– Были ли другие свидетели?

– В это время в комнату вошел Роббинс – он принес дрова для камина как раз в тот момент, когда Генри клал деньги в бумажник. Роббинс показал, что видел, как Генри прятал бумажник во внутренний карман пиджака, но не знал, зачем он его доставал, а потом просто перестал об этом думать.

– О банкнотах ничего не известно, Фрэнк? Удалось ли их обнаружить?

Фрэнк поднял руку и снова ее опустил.

– Нам не удалось узнать номера банкнот. У Пилгримов полно земельной собственности, они сдают ее в аренду, и старик сам собирал арендную плату. Он верхом объезжал угодья, мило болтал с арендаторами и возвращался домой с наличными. Собранные деньги он прятал. Старик не любил связываться с банками, предпочитал всегда иметь деньги под рукой. Роджер рассказал мне, что после смерти старого Пилгрима в жестянке под кроватью нашли около семисот фунтов. Бог знает, сколько пролежали у него деньги, которые он дал Генри, и от кого он их получил.

После этого Фрэнк собрался уходить. Однако, спустившись на одну ступеньку в холл, он вдруг вернулся в гостиную. В конце концов, чем он рискует? Моди и так много знает. Полировку наводят грубой шкуркой. Он, как можно более небрежным тоном, сказал:

– Между прочим, вы можете доверять Джуди Элиот. У нее есть голова на плечах, она все схватывает на лету. Кстати, она знает о вас и знает, что вы можете приехать в «Приют пилигрима».

Мисс Сильвер испытующе посмотрела на Фрэнка. Во всяком случае, ему так показалось – взгляд был укоризненным, поощряющим и, к его большому облегчению, понимающим.

– Мой дорогой Фрэнк, я верю, что она сможет держать язык за зубами, – сказала мисс Сильвер.

Глава 10

Мисс Колумба объявила о предстоящем приезде мисс Сильвер за вечерней трапезой, которую все в доме, за исключением мисс Джанетты и Роббинса, называли ужином. Собственно, это объявление выглядело, как ответ на вопрос Роджера, который как бы невзначай поинтересовался: «Когда ты ждешь в гости свою подругу мисс Сильвер?», на что мисс Колумба односложно ответила: «Завтра».

За столом возникло мгновенное замешательство. Лона Дэй подняла голову, как будто собираясь что-то сказать, но передумала и промолчала.

Мисс Нетта повернулась к сестре с быстротой гелиотропа:

– Твоя подруга мисс Сильвер? Никогда о ней не слышала. Кто она?

За мисс Колумбу ответил Роджер:

– Это старая школьная подруга тети Колли. Я случайно встретил ее в городе. Она сказала, что ей хочется на недельку поехать в деревню, и я пригласил ее к нам. – Он нервно поклат пальцами хлебную крошку, а Джуди вся превратилась в слух, подумав, что, в сущности, все мужчины – никуда не годные создания.

– Школьная подруга? – раздраженно переспросила мисс Нетта. – Мой дорогой Роджер! Колли, кто эта женщина и почему я никогда от тебя о ней не слышала?

Мисс Колумба продолжала с невозмутимым видом есть рыбу. В противоположность сестре, одетой в шелестящий шелк, она сидела за столом в просторном шерстяном одеянии табачного цвета, которое когда-то было повседневным платьем. Оно все еще грело, и мисс Колумба не видела причин с ним расставаться.

– Понятно, что это моя ровесница. В прошлом она была домашней учительницей.

Сказав это, мисс Колумба вновь принялась за рыбу.

Позже, в утренней комнате, которой пользовались вместо большой гостиной, так как ее было легче отапливать, Лона Дэй сказала Джуди то, о чем промолчала за ужином:

– Я не хочу, чтобы он кого-то сюда приглашал. Конечно, я не имею права голоса, но мне это не нравится. Я не знаю Роджера так хорошо, как члены семьи, но это очень плохо для капитана Пилгрима.

Джуди задумалась: «Как это странно, она говорит, что не знает Роджера, но называет его по имени, а Джерома при этом называет капитаном Пилгримом? Разве не его она должна знать почти что изнутри? Правда, он старше Роджера, как, впрочем, и она. Интересно, кстати, сколько ей – наверное, лет тридцать пять? Она всегда одета в черный бархат».

Джуди едва удержалась от усмешки, представив себе, чем должна заниматься сиделка или медсестра. Но смешливость исчезла, когда Джуди, как в первый вечер, вдруг показалось, что она где-то видела эту женщину, и на этот раз она вспомнила. Лона Дэй своим длинным черным бархатным платьем и золотисто-каштановыми волосами была, несомненно, похожа на шотландскую королеву Марию Стюарт. Глаза ее источали неподдельное очарование – теплое и неотразимое. Не хватало только жесткого гофрированного воротника и шотландского берета с пером. Идея показалась Джуди такой занимательной, что она некоторое время слышала только интонации голоса Лоны Дэй, не вникая в смысл сказанного.

Когда Джуди снова стала различать слова, Лона говорила:

– Я знаю, что ему очень нравится разговаривать с ней, и мне отвратительна сама мысль о том, чтобы лишать его этой радости, но меня очень тревожит это общение. Вы понимаете меня, я надеюсь?

Джуди не имела ни малейшего понятия, о чем она говорит, но надеялась, что следующей фразой Лона ее просветит. Так и случилось.

– Она – очаровательное дитя, но мне кажется, что ее не стоит пускать в его комнату.

– Но, мисс Дэй, капитан Пилгрим очень сильно привязался к девочке, и, честно говоря, я думаю, что общение с ней идет ему только на пользу.

– Я знаю, но ему нужен абсолютный покой. Все эти истории, которые он ей рассказывает, могут ему серьезно навредить. Знаете, он когда-то писал, и я боюсь, что он снова вернется к этому занятию.

– Но почему ему и в самом деле к нему не вернуться? Мне кажется, что для него это было бы очень хорошо.

Лона отрицательно покачала головой:

– Боюсь, что нет – это слишком его взволнует. Этого мы должны избегать любой ценой – он ни в коем случае не должен волноваться.

В Джуди разыграл странный дух противоречия. Что может быть плохого для Джерома Пилгрима в том, что он сочиняет забавные истории для четырехлетнего ребенка? Она подумала: «Они все подняли вокруг него ненужную суету. Мне кажется, что сейчас самый главный его враг – это смертельная скука. Я не буду мешать Пенни видиться с ним, если он этого захочет».

Лона Дэй печально улыбнулась, словно прочитав мысли Джуди.

– Вы, конечно, думаете, что это вздор, не так ли? Это вполне естественно – так думать. Но мы все любим его и чувствуем себя виноватыми – мы же стараемся изо всех сил ему помочь. Вы, конечно, не знаете, сколько заботы он требует. Если бы вы видели его во время его приступов, то все бы поняли. Надеюсь, вы их не увидите.

Джуди ощутила, как по спине пробежал холодок. Ее предупредили, ее предупредили о Пенни.

Словно опять прочитав ее мысли, Лона сказала:

– Не оставляйте ребенка с ним наедине, моя дорогая.

С этими словами она встала и направилась в комнату мисс Джанетты.

Мисс Сильвер приехала на следующий день и к чаю вышла одетой по-домашнему – в домашних туфлях, с убранными под сетку волосами и с мешочком для вязанья, перекинутым через руку. Она выглядела так, будто провела в доме несколько недель. Избегая трудностей запоминания имен, она непринужденно заменяла их обращением «моя дорогая», успокоила мисс Колумбу тем, что задавала ей вопросы, не требовавшие ответа. Впрочем, нашла что сказать каждому, и когда с чаем было покончено, мисс Сильвер завоевала сердце мисс Джанетты своим интересом к вышитым мебельным чехлам. Интерес этот, впрочем, был совершенно искренним. Мисс Сильвер от души восхищалась узором, цветовой гаммой, мелкими стежками, розовыми и голубыми розами на пастельно-сером фоне. Вышивка и в самом деле была очаровательной, просто очаровательной. Отличная работа.

С мисс Дэй она беседовала на другие темы. У сиделки очень интересная жизнь. Это такая неповторимая возможность изучать чужие характеры. К тому же сиделки часто путешествуют. Разве мисс Дэй не приходилось путешествовать?.. О, приходилось? На Восток? Как это интересно. Наверное, в Китай. Нет? Ну, значит, в Индию... Как интересно, это же настоящая страна чудес.

– У меня самой не было возможности путешествовать, – призналась со своим характерным покашливанием мисс Сильвер. – Труд домашней учительницы ограничивает.

– Вы все еще работаете?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Нет, я уже на пенсии.

Джером Пилгрим в тот день не вышел к чаю, оставшись у себя в комнате. Спускаясь к ужину, Джуди чувствовала, что ноги очень неохотно ей повинуются. Чем дальше она уходила от оставленной в комнате Пенни, тем явственнее звучали в ее ушах слова, сказанные Лоней Дэй: «Не оставляйте ребенка с ним наедине, моя дорогая».

«Не оставляйте ребенка...». Но она уже оставила Пенни одну, а всего лишь через несколько дверей от их спальни находится дверь, за которой в своем большом кресле сидит Джером Пилгрим. Она живо представила себе, как он сидит, подперев рукой голову и глядя на огонь. Положим, что он действительно ненормальный. Положим, что он опасен и... нет, она не могла даже предположить, что он ударит Пенни! Против воли ноги ее остановились. Она повернула назад. Фрэнк не хотел, чтобы она ехала сюда, умолял ее не делать этого. Но она проявила глупое упрямство.

Она была уже у двери своей комнаты, когда отворилась дверь в противоположном конце коридора, и Джером вышел из своей комнаты – он был в темном костюме и опирался на трость с

резиновым наконечником, с которой ходил по дому. Испуганная Джуди неуверенно остановилась. Джером приветливо окликнул ее:

– Вы вниз? Может быть, мы спустимся вместе?

Настроение Джуди резко переменилось. Пережитый всего мгновение назад страх показался чудовищно смехотворным. Ей стало так стыдно, что она, отвечая, постаралась придать голосу теплоту и дружелюбие:

– О, это очень мило! Вы идете на ужин?

Он подождал ее, и они вместе пошли по коридору.

– Лона просто в ярости, – сказал он. – Если бы она могла, то заперла бы меня в комнате и спрятала ключ. Но при этом всем своим видом она выказывала мягкий упрек. Она умеет держать в узде свои эмоции. Думаю, Лона просто теряет время, работая сиделкой, – ее место в Голливуде.

– Она привлекательна, – неуверенно произнесла Джуди.

Джером согласно кивнул.

– Да, да, и она превосходная сиделка – я очень многим ей обязан. Но, знаете, иногда так хочется улизнуть из-под опеки, и, если хотите знать, мне просто до смерти хочется увидеть школьную подругу тети Колли. Как она выглядит?

Джуди опасливо оглянулась через плечо.

– Ш-ш-ш! Ей отвели комнату рядом с моей.

Джером от души, по-настоящему, рассмеялся.

– Мы похожи на двух заговорщиков, не правда ли? Она страшный дракон?

Они начали спускаться по лестнице.

«Джерому нужно время, – подумалось Джуди. – Он очень спокойно и уверенно чувствует себя со мной – как будто мы знакомы много лет. Он привыкнет к людям, должен привыкнуть. Это неправильно – держать его взаперти. Он дружелюбен. Это сразу чувствуется, когда он выползает из своей норы». Рассмеявшись, Джуди сказала:

– О нет, совсем не дракон. Она аккуратная, немного чопорная викторианская женщина, как героини любимых романов моей тети Кэти, на которых я воспитывалась. Мисс Сильвер заставляет вас чувствовать себя, как на чаепитии в школе. – Помолчав, она добавила с удивившей ее саму теплотой: – Она очень мила.

За ужином Джером на самом деле разговорился. Мисс Колумба, которая была страшно рада его видеть, была в не меньшей степени смущена его интересом к ее школьным годам, воспоминаниями о которых она – по логике вещей – должна была делиться за ужином. Джуди не могла не восхищаться той ловкости, с какой мисс Сильвер выходила из этой щекотливой ситуации.

– Честно говоря, капитан Пилгрим, те дни кажутся мне очень и очень далекими – как сон или события, вычитанные из книг. Они – если вы понимаете, о чем я говорю – представляются не вполне реальными. Думаю, ваша тетя меня поддержит. Сама я едва ли вспомню имена даже полудюжины моих одноклассников, но я помню, как многие из них воздействовали на мои чувства.

Мисс Сильвер вызвала интерес у Джерома. Он задумчиво произнес:

– Имена – это всего лишь ярлык. Они ничто – как одежда, которую можно сменить. Индивидуальность – вот что важно. Она присуща каждому человеку.

Мисс Сильвер в ответ очаровательно улыбнулась:

– «Что в имени? Как розу ни зови – в ней аромат останется все тот же...»¹[12]

Эта цитата вызвала у Джерома еще больший интерес. Взгляд и улыбка мисс Сильвер позволяли ей эффектно произносить самые банальные и избитые цитаты из всей мировой литературы. Он уловил раздражение в капризной реплике мисс Джанетты:

– На самом деле, я считаю, что надо принять закон, запрещающий родителям называть детей в честь кинозвезд. Среди эвакуированных, живущих у Лесли Фрейн, две Глории. Вполне хватило бы одной Глории в семье Пелл, но теперь в деревне целых три Глории.

Улыбнувшись, мисс Сильвер возразила:

– Я слышала как-то раз об одном семействе по фамилии Уайт. Своего сына они нарекли именем Вообразите Себе Генри. Так получился Вообразите Себе Генри Уайт. Мне кажется, это не

¹ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Пер. Д.Л. Михаловского

очень удачный способ выделить своего ребенка из всех прочих. Имена часто превращаются в ловушки. Есть, правда, очаровательные женские имена. – Она улыбнулась мисс Колумбе. – Вот, например, у тебя очень необычное и привлекательное имя, как и у твоей сестры. Но в том, что касается мальчиков, то их я называла бы привычными, солидными именами – Уильямом, Джорджем, Эдвардом, Генри – все это хорошие имена, но мне говорили, что сейчас они вышли из моды.

Мисс Колумба оторвалась от печеного яблока:

– Моего отца звали Генри.

Мисс Сильвер ободряюще посмотрела на мисс Колумбу, так, как смотрят на застенчивого или косноязычного подростка, и сказала:

– Прекрасное имя. Эту традицию перенесли и на следующее поколение?

Возникла многозначительная пауза. Роджер буркнул нечто вроде: «Да, так звали моего кузена», а мисс Джанетта принялась расхваливать достоинства имени Питер, а потом сказала:

– Я не имею ничего против «Генри», но есть великое множество других хороших имен.

Мисс Сильвер согласилась. Обсуждение имен продолжалось.

Во время этого разговора мисс Сильвер по очереди оглядывала присутствующих, словно старалась проникнуть в сокровенные глубины их сознания. Она внимательно следила и за Роббинсом, когда он входил и выходил. Ее поразило замкнутое выражение его лица. Старый слуга не должен так выглядеть без основательной причины. В принципе Роббинс был по-своему привлекателен – правильные черты лица и прямая горделивая осанка. Возможно, в своей комнате он расслабляется и сбрасывает маску настороженности. Мисс Сильвер понравилось это слово – настороженность. Но что ее вызывает? Может быть, это его представление о манерах, подобающих дворецкому родовитого старинного семейства, или за этой настороженностью прячется что-то другое? Роббинс привлек внимание мисс Сильвер и возбудил ее любопытство.

Глава 11

На следующее утро мисс Колумба повела свою школьную подругу на экскурсию по дому. Мисс Колумба делала это с видом полнейшей обреченности, ибо понятно, что такая экскурсия предполагает подробный рассказ, а мисс Колли не привыкла много разговаривать. К тому же стояла прекрасная погода, и мисс Колумба с радостью занялась бы не показом дома, а высаживанием гороха. Садовник Пелл, правда, говорил, что еще рано, но мисс Колумба не считала его авторитетом. Если погода вдруг изменится, то это даст Пеллу преимущество, которым он, несомненно, воспользуется. Но мисс Колумба осознавала свой долг и подчинилась ему безропотно, хотя и без показного восторга. Во всяком случае, одета она была в огородные брюки и рыбацкий свитер, чтобы при первой же возможности ретироваться в огород и поспорить с Пеллом.

С домом были связаны три истории, и начинались они с верхнего этажа. В своей роли гида мисс Колумба была просто обязана говорить, но надо сказать, что после того, как лед был сломан и она настроилась на новую роль, «Приют пилигрима» был темой, для которой мисс Колумба могла найти нужные слова. Возможно, не слишком пышные, но вполне адекватные.

Когда они поднялись на верхнюю лестничную площадку, мисс Колумба сказала:

– Когда-то здесь заканчивался холл. В начале восемнадцатого века холл перекрыли потолком и разделили на комнаты, которые находятся внизу. Здесь получился чердак, но и его разделили на комнаты приблизительно в то же время.

Мисс Сильвер разглядывала дом с неподдельным любопытством птички, которая рассчитывает чем-нибудь поживиться. Потолки здесь были низкими, комнаты – маленькими. Их было много, и все они пустовали за исключением самой большой, которую, очевидно, занимали Роббинсы. Миссис Роббинс вышла из нее, когда мисс Колумба и мисс Сильвер проходили мимо.

– С добрым утром, – поприветствовала ее мисс Колумба. – Я показываю дом мисс Сильвер. – И добавила: – Миссис Роббинс живет у нас много лет. Вы давно с нами, Лиззи?

– Тридцать лет.

Это было сказано абсолютно бесцветным тоном. Бледные губы едва шевельнулись. Миссис Роббинс окинула обеих женщин быстрым, ничего не выражающим взглядом и сразу же отвела глаза в сторону.

Мисс Сильвер видела перед собой высокую сухопарую женщину болезненного и меланхоличного вида, одетую в темное платье и чистый белый передник. Миссис Роббинс спустилась по лестнице и исчезла.

Мисс Колумба повела гостью дальше по коридору к посудному шкафу и раковине, которая, как говорили, переполнилась водой, из-за чего обвалился потолок в комнате Роджера Пилгрима. Но эта комната находилась не под раковиной. Мисс Сильвер убедилась в правдивости рассказа Роджера Пилгрима, когда вошла в пустое чердачное помещение, находившееся над рухнувшим потолком. Воде надо было протечь сюда некоторое расстояние – от десяти до двенадцати футов. Поднятые доски пола до сих пор оставались не прибитыми и лежали свободно. Мисс Сильвер приподняла их, чтобы посмотреть, что находится под ними. Да, там долго стояла вода. Сейчас это место высохло, но вода там была. Остались ее следы. Она протекла сюда по узкой канавке от раковины до середины чердака. Вода текла, оставляя до сих пор видимые следы на балках и штукатурке под полом. Но почему вода остановилась и образовала большую лужу над спальней Роджера? В этом месте канавка превращалась в большое плоское углубление, пахнущее пылью и плесенью и до сих пор влажное. Все доски пола здесь сняли и открыли окна, но сырость до сих пор не улетучилась до конца.

Мисс Колумба стояла и терпеливо ждала, пока ее гостья закончит осмотр.

Однако первым делом мисс Сильвер заговорила о миссис Роббинс:

– Тридцать лет – большой срок работы в одной семье. Она выглядит больной...

– Она всегда так выглядела.

– Похоже, она несчастна...

– Несчастной она выглядит тоже очень давно.
Мисс Сильвер кашлянула.
– Можно узнать, насколько давно?
– У Роббинсов были неприятности, еще до войны.
– Какие неприятности? Простите, ради бога, мою настойчивость.
– Эта неприятность не имеет никакого отношения к тому, что происходило потом. Они потеряли дочь – красивую, умную девушку.
– Она умерла?
Мисс Колумба нахмурилась:
– Нет, она попала в неприятную ситуацию и сбежала из дома. Роббинсы не смогли ее найти и до сих пор это переживают.
– Кто был тот мужчина?
– Никто этого не знает.

Мисс Колумба решительно повела гостью на другой этаж, где отперла дверь комнаты, служившей раньше спальней Роджеру Пилгриму. Комната была до сих пор завалена грудой штукатурки.

Устройство дома было очень запутанным. Помимо главной лестницы, было еще три – крутые, узкие и винтовые. По одной из них они спустились на каменный пол коридора, ведущего назад в холл через дверь под лестницей.

Мисс Сильвер оглядела массивную стену дымохода над камином. Все остальные стены были обшиты деревянными панелями, и только каминная труба выделялась на фоне дерева серым камнем, из которого была сложена. На дымоходе были вырезаны стихи, о которых упомянул Роджер Пилгрим:

Когда, надев паломнический плащ, оставит Пилгрим свой приют,
На том пути не ждут его ни слава, ни уют.
Останься, Пилгрим, ибо там, где видится тебе величественный храм,
Несчастья ждут тебя, и смерть бредет за ними по пятам.

– Обычное суеверие, – пренебрежительно произнесла мисс Колумба, – но многие в него верят.

Потом, резко повернувшись, она направилась к входу и распахнула ближайшую к нему дверь справа. Это была столовая, такое же мрачное помещение, в каком они ели теперь, – дверь, закрытая массивной занавеской, мебель в тяжелом викторианском стиле, два окна, из которых были видны темный кустарник и высокая стена, отгораживавшая усадьбу от улицы. Были еще два окна, но снаружи их почти полностью закрывал плющ, оставивший небольшие щели, сквозь которые виднелись два кипариса. Ничего воодушевляющего в этой комнате не было. Никакого исторического интереса она тоже не представляла. В тех местах, где стену не закрывала тяжеловесная мебель, были видны обои – некогда красные, а теперь не отличавшиеся цветом от старого дерева. В двух местах на стенах висели трофеи – пистолеты, шпаги, рапиры и кинжалы.

Мисс Колумба подошла к двери, почти незаметной в тени громадного буфета красного дерева. Через эту дверь они снова попали в каменный коридор и дошли до запертой двери. Мисс Колумба извлекла из кармана брюк ключ и отперла ее. Как только дверь открылась, в нос ударил запах горелого дерева, смешанный с запахом неизбывной сырости. Мисс Сильвер сразу подумалось о том, что все эти старинные дома страшно негигиеничны.

– Здесь случился пожар, – сказала мисс Колумба.

Впрочем, она могла бы этого и не говорить. Картина говорила сама за себя. От деревянных ящиков и полок, некогда покрывавших все стены, остались лишь отдельные обугленные фрагменты, но стены, сложенные из того же камня, что и стены и своды коридора, нисколько не пострадали. Пол вымыли, мебель убрали. Комната была абсолютно пуста, остался только запах гари.

– Боже мой! – не удержала своих чувств мисс Сильвер.

После этого они вышли из комнаты и мисс Колумба заперла дверь.

Поперечным проходом они направились в кухонную пристройку. Миновав кухню, мисс Колумба отперла еще одну дверь:

– Это лифтовая комната.

Комната была квадратной и лишенной убранства – голые каменные стены и голый каменный пол. Больше в комнате не было ничего, если не считать входа в старинный лифт, шахта которого в виде выступа крепилась к наружной стороне стены слева. Окон в комнате не было.

Мисс Колумба сочла нужным дать пояснения:

– Это самая старая часть дома. Отсюда одна винтовая лестница вела на следующий этаж, а вторая – в подвал. Отец убрал лестницу и вместо нее поставил лифт. Это случилось после того, как он на охоте сломал ногу. Лифт ведет в комнату, которая расположена рядом с вашей комнатой. Отец пользовался лифтом для того, чтобы спускаться в подвал, где хранились его любимые изысканные вина. Он любил спускаться в подвал и любоваться своей коллекцией.

– У вас большой подвал?

– О да. Именно поэтому в доме относительно сухо. Это очень старый подвал.

– Я полагаю, что это не единственный вход?

– Нет, есть еще одна лестница в кухонном крыле.

Они прошли туда, вернувшись через столовую в холл и выйдя в другой длинный каменный коридор.

Кухонная пристройка была просторной и неудобной, как в большинстве старинных домов. Здесь было бесчисленное множество помещений, в основном пустых или представлявших собой склады разного хлама. Сама кухня красноречиво свидетельствовала о временах, когда гостеприимство оборачивалось подлинным проклятием. Призрак гомерических пиршеств витал здесь, будя воображение, рисовавшее обеды, состоявшие из двух супов и практически нескончаемых перемен блюд из рыбы, закусок, жаркого, птицы, двух сортов сладостей, специй, прохладительных напитков и десерта. После четырех лет войны эти призраки отдавали бесстыдством. Мисс Сильвер смотрела на весь этот грандиозный размах и думала о неудобствах такого каменного великолепия.

Они вышли из кухни и углубились в следующий коридор. Мисс Колумба открыла одну из дверей и включила свет.

– Это вход в погреба. Хотите его осмотреть?

Если она надеялась, что мисс Сильвер скажет «нет», то была разочарована. Уныло покоровшись судьбе, она повела гостью вниз по древней лестнице со ступеньками, выщербленными и разбитыми поколениями Пилгримов и их дворецких, спускавшихся в средоточие гостеприимства – винный погреб.

– Рассказывают, что у моего деда была лучшая в Англии мадера, – сказала мисс Колумба. – В его время все погреба слева были полны, но теперь осталось только одно помещение с вином. Думаю, что здесь до сих пор можно обнаружить бутылку-другую старого «Наполеона». Роджеру следовало бы вместе с Роббинсом проверить, что здесь осталось. В этот погреб никто не спускался с тех пор, как умер отец. Но я никак не могу заставить Роджера это сделать, погреб его совершенно не интересует. Роджер предпочитает виски с содовой и утверждает, что не умеет отличить одно вино от другого. Я сама трезвенница, но отец был большим любителем изысканных вин и умел отличать их друг от друга.

Это была самая длинная тирада, на которую решилась мисс Колумба, и мисс Сильвер поняла, что винный погреб для Пилгримов очень важен как основа семейной традиции и преемственности.

Мисс Колумба показала гостю, где заканчивалась шахта лифта, показала и тележки, на которых подвозили к лифту бутылки, чтобы не растряссти вино.

– В лифт бутылки ввозили очень осторожно, потому что старое вино ни в коем случае нельзя трясти. Отец заменил деревянные колеса тележки колесами с резиновыми шинами.

Погреб был поистине громаден. От центрального холла вправо и влево отходили коридоры, потолки которых покоились на мощных столбах. До появления электричества здесь, вероятно, царил леденящий душу мрак. Даже теперь оставались темные уголки, погруженные во тьму проходы. Воздух был застоявшимся и теплым, поразительно сухим. Многие помещения были забиты старой мебелью, сундуками и ящиками.

– Здесь находятся все вещи Джерома и моего второго племянника.

– Мистера Клейтона?

Мисс Колумба ответила не сразу:

– Да. – А затем без паузы продолжила: – Конечно же, здесь и вещи третьего моего племянника – Джека. Это родной брат Роджера. У нас нет о нем никаких сведений с тех пор, как он попал в плен в Сингапуре. – Ответ и его тональность говорили о том, что мисс Колумба не желает говорить о Генри Клейтоне.

Дойдя до конца погреба, они повернули назад. В тишине, застоявшейся духоте, тепле и сухости было что-то удручающее. Когда они останавливались и молчали, в погребе воцарялась абсолютная, непроницаемая тишина. Обычно в домах все время раздаются какие-то едва слышные звуки, которые, сплетаясь друг с другом, создают фон для возникновения наших мыслей и действий, но под землей этот фон исчезает – остаемся только мы наедине с подступающей тишиной.

Обе леди испытали невероятное облегчение, поднявшись по лестнице и оказавшись в подслеповатом, но дневном свете кухонной пристройки. Мисс Колумба выключила свет и заперла дверь.

Экскурсию по дому они закончили в большой и холодной гостиной, вся мебель в которой была покрыта чехлами. Шесть высоких длинных окон были обрамлены парчовыми занавесками. Окна выходили на вымощенные дорожки сада. Этот зал, когда был натоплен и заполнен людьми, производил, вероятно, совсем иное впечатление. Но сейчас он казался таким же призрачным, как и подвал. Призраки, сновавшие по комнате в своих лучших вечерних платьях и костюмах, тревожили и волновали не больше, чем меланхоличные старые акварели. На одной из стен висели четыре овальных акварельных портрета, будившие именно такие чувства. Мисс Сильвер сразу узнала мало изменившийся профиль мисс Джанетты. Остановившись перед портретами, мисс Сильвер принялась восхищенно их рассматривать.

– Как они очаровательны – на самом деле очаровательны. Это ваша сестра и вы, да? А кто эти двое? У вас, насколько я могу судить, было две замужние сестры.

– Да, – ответила мисс Колумба.

Но мисс Сильвер не удовлетворилась этим ответом.

– Одна – миссис Клейтон? И вторая?..

– Это мои сестры Мэри и Генриетта. Генриетта вышла замуж за нашего дальнего родственника. Джером – ее сын.

– Очень красивые портреты, сплошное очарование, а какая тонкая работа!

Четыре юные девушки в белых муслиновых платьях, голубых и розовых лентах безмятежно смотрели со стены на комнату. Даже в таком наряде мисс Колумба выглядела несколько чопорной и угрюмой. Однако Мэри, ставшая впоследствии миссис Клейтон, цвела, словно роза. Может быть, это впечатление создавали розовые ленты, а может быть, то удовольствие, какое эти ленты доставляли Мэри. Темные глаза и розовые губки счастливо улыбались.

Оставался кабинет – не слишком большое помещение, уставленное книжными полками и хранящее неизбывный запах древесного угля, табака и сухого тлена. Книги в роскошных старинных переплетах находились здесь в почетной отставке – Теккерея, Диккенс, Чарльз Рид, Оливер Уэнделл Холмс, Сертис и – это удивило мисс Сильвер – полное собрание сочинений миссис Генри Вуд. Все эти почтенные авторы, удобно расположившиеся на полках, судя по всему, впали в летаргический сон поколение, а то и два назад.

Глава 12

Какое это было удовольствие – вернуться в утреннюю комнату, находившуюся через холл от столовой и похожую на нее по стилю. Обставленная по вкусу мисс Джанетты комната нравилась мисс Сильвер светом и удобством. Правда, одно окно выходило на стену, но кустарников здесь было меньше, и стена не казалась такой темной, два же других окна выходили на юго-восток и пропускали в комнату много солнца. В розовом горшке китайского фарфора рос синий пепельник, а в синем горшке – розовый. На шторах, коврах и чинце², которым была обита мебель, в разных вариациях повторялись эти две темы. В комнате располагались большой диван мисс Джанетты и несколько уютных комфортабельных кресел. Мисс Колумба, увидев, что у окна стоит ее племянник Роджер и смотрит на улицу, немедленно закрыла дверь за мисс Сильвер и отправилась воевать с садовником за горшок.

То, что Роджер стоял к ней спиной, не сулило ничего хорошего, и мисс Сильвер предупредительно кашлянула.

– Буду рада поговорить с вами, майор Пилгрим.

Он так резко обернулся, словно был настолько поглощен своими мыслями, что не заметил, как открылась и закрылась дверь.

Мисс Сильвер, шагнув к нему навстречу, не преминула восхититься розовым пепельником.

– Прелестное растение, очень трогательного оттенка. Мисс Колумба – превосходный садовник. Она сказала мне, что это растение неприхотливо и боится только настоящего мороза.

– Вы, кажется, хотели поговорить со мной, – с тревогой в голосе произнес Роджер.

– Да, да, уж если нам представилась такая удачная возможность.

Было видно, что Роджер отнюдь не разделяет оптимизма мисс Сильвер. В голосе его не было радости, когда он произнес:

– Что вы хотели сказать?

– Я просто хочу получить у вас некоторые новые сведения. Думаю, нам лучше всего остаться здесь, у окна. Это будет выглядеть вполне естественно, когда мы прервем разговор и отойдем от окна, если кто-то войдет в комнату. – Она без паузы непринужденно продолжила: – У вас очень интересный – по-настоящему интересный дом. Мисс Колумба только что мне его показала. Я была просто заинтригована. Нет, благодарю вас, – сказала она, заметив, что Роджер взялся за спинку стула, – будет лучше, если мы останемся стоять. Должно быть, летом из этих окон открывается красивый вид. Там сирень – так? А там, кажется, золотой дождь? Наверное, это очень красиво, когда они одновременно цветут. – Она кашлянула и продолжила, не изменив интонацию: – Прошу вас, скажите, вы последовали моему совету?

Роджер нервно вздрогнул:

– Я не понял, что вы имеете в виду.

– Думаю, что вы все поняли. Перед тем как вы уехали от меня, во время нашей встречи, я посоветовала вам, вернувшись, объявить во всеуслышание, что вы отказались от намерения продавать дом. Вы сделали это?

– Нет, не сделал. – Подавив вздох сожаления, Роджер взорвался: – Да и как я мог это сделать?! Я уже возобновил переговоры, и от дома надо избавляться, он непомерно дорого нам обходится. Судите сами – вы же только что его осмотрели. Этот дом требует столько прислуги, сколько ее было раньше и сколько ее уже никогда и ни у кого не будет. Все надеются, что содержать дом буду я, но с какой стати я должен это делать? Да я и не хочу заниматься этим после всего, что здесь произошло. Я избавлюсь от этого дома и куплю жилище, которым смогу управлять соразмерно моим доходам. Я не люблю большие дома, мне не нравится старина. Я хочу иметь новый чистый дом, где не нужна армия слуг. Короче, я продаю этот дом!

Мисс Сильвер, казалось, вполне разделяла эти чувства майора Пилгрима. Она искренне придерживалась мнения, что старинные большие дома при всей их зрелищной живописности ни в

² Чинц – лощеная декоративная набивная ткань.

коем случае не являются местами, пригодными для удобного проживания. Вспомнив проржавевшие водопроводные трубы, недостаток современных удобств, подумав, что в подвале наверняка живут крысы, мисс Сильвер ответила Роджеру с неподдельным сочувствием в голосе:

– Вы, несомненно, имеете на это полное право. Я предложила вам этот ход как военную хитрость.

Он посмотрел на мисс Сильвер таким непонимающим взглядом, что она поняла: необходимо пояснение.

– Я посоветовала вам сделать это для того, чтобы ваши домочадцы подумали, что вы отказались от идеи продавать дом. Я полагаю, что вы могли бы попросить покупателя немного повременить.

Он посмотрел на мисс Сильвер с явным неудовольствием:

– Вы хотите сказать, что я должен был солгать. Но, знаете, я плохо владею этим ремеслом. – С равным успехом он мог бы признаться в том, что у него неважно с логикой.

Мисс Сильвер вежливо кашлянула.

– Это было бы полезно для вашей безопасности.

Он упрямо повторил тот же ответ:

– Я не умею лгать.

– Очень жаль. Знаете, майор Пилгрим, я хотела бы, кроме того, задать вам несколько вопросов о Роббинсах. Мне известно, что они работают у вас тридцать лет. Я хочу знать, есть ли у них основания – или не думают ли они, что у них есть – испытывать недовольство по отношению к вам лично или по отношению ко всей вашей семье?

Вопрос взволновал Роджера, но для этого могло быть несколько причин – удивление, обида или просто нервозность. Вслух он сказал:

– Отчего они могут испытывать какое-то недовольство?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Этого я не знаю, но хотела бы знать. Вы знаете об их недовольстве?

Он сказал:

– Нет, – но мог бы и промолчать, потому что в этом ответе не было ни грана убежденности. Должно быть, он и сам это понял, потому что тут же досадливо спросил: – Почему вы об этом подумали?

– Я должна думать о мотивах, майор Пилгрим. Вы сказали мне, что кто-то покушался на вашу жизнь. Для такого покушения должен быть мотив. Ни вы, ни я не можем допустить, чтобы кто-либо в этом доме был вне подозрений или вне досягаемости для расследования. Я знаю, что у Роббинсов была дочь...

– Мэйбл? Какое отношение она может иметь ко всему этому? Она умерла много лет назад.

– Мисс Колумба мне этого не сказала.

– Что же она вам сказала?

– Она сказала, что у девушки были какие-то неприятности и она сбежала. Родители так и не смогли ее найти.

Роджер отвернулся и принялся смотреть в сад:

– Да, это так, но случилось еще до войны, и я не вижу никаких причин копаться в этом деле.

Мисс Сильвер укоризненно кашлянула.

– Мы ищем мотив. Если вы не поделитесь со мной сведениями, о которых я прошу, то я, несомненно, узнаю их другими путями, несмотря на то, что мне не хотелось бы этого делать.

В голосе Роджера проскользнуло раздражение, когда он заговорил:

– В этом нет ни малейшей необходимости, я скажу вам все, что вы захотите узнать. Я просто не понимаю, какой прок в этом копаться. Мэйбл жила в нашем доме. Это был веселый, симпатичный ребенок. Она ходила в школу, превосходно ее окончила, сдала все экзамены и нашла хорошую работу в Ледлингтоне. Она жила там у тети, а на выходные приезжала сюда, к родителям. Потом, совершенно внезапно, они узнают – Роббинсы или тетя, мне кажется, что это была тетя, – что у Мэйбл будет ребенок. После этого девушка скрылась. Я в то время был со своим полком в Шотландии и узнал обо всем позже – летом тридцать девятого, перед самой войной. На Роббинсов было страшно смотреть, они были просто уничтожены этим несчастьем. Они пытались найти дочь, но безуспешно. Это то, что знает тетя Колли.

– Но есть что-то еще. Вы же сами сказали, что она умерла.

Роджер кивнул. Теперь, начав говорить, он перестал сдерживаться:

– Да. Это было во время массированных налетов в январе сорок первого. Я был в отпуске. Роббинс сказал мне, будто от кого-то узнал, что Мэйбл в Лондоне, и он собирается ехать туда на ее поиски. Мы поехали вместе. Мне надо было зайти в министерство обороны, я встретил там знакомого и провел с ним весь остаток дня. Вечером начался налет. Роббинс вернулся домой поздней ночью. На бедняге не было лица. Он сказал мне, что Мэйбл погибла. Ребенка убило на месте, а ее успели довести до больницы, где Роббинс ее видел. Он, кроме того, сказал, что должен сообщить эту страшную весть жене, но не хочет, чтобы кто-то еще об этом знал. Он сказал мне, что они пережили исчезновение Мэйбл и жили с этим, и он не хочет снова растревать старые раны. Я понял, что он прав, но сказал, что, по моему мнению, отец тоже должен знать все. Роббинс согласился со мной, но больше об этом не знала ни одна живая душа. Надеюсь, что вы тоже никому ничего не скажете. Думаю, Роббинсам будет тяжело снова пережить гибель дочери.

Мисс Сильвер серьезно посмотрела на Роджера и произнесла:

– Надеюсь, необходимости говорить об этом не возникнет. Но вы уже так много мне рассказали, что не ответите ли еще на один вопрос: кто обесчестил Мэйбл Роббинс?

– Я не знаю.

– Знает ли Роббинс?

Роджер повторил свой ответ:

– Я не знаю.

– Майор Пилгрим, подозрение не есть достоверное знание. Есть ли у вас или у Роббинов какие-то подозрения по существу дела? Поверьте, мне очень неприятно задавать вам этот вопрос, но я должна его задать. Есть ли у Роббинов причины подозревать кого-то из членов вашей семьи, или они подозревают кого-то, пусть даже не имея на то достаточных оснований? Я не предполагаю, что есть какие-то действительные причины, но мне надо знать, нет ли подозрений.

Роджер с ужасом воззрился на мисс Сильвер.

– Куда вы клоните? Если вы думаете...

Она подняла руку:

– Прошу вас, майор Пилгрим. Я считаю, что вы должны мне ответить. Я поставлю вопрос по-другому и без околичностей: Роббины кого-то подозревают?

– Говорю вам еще раз: я этого не знаю!

– Они подозревают вас?

Он резко обернулся и окинул мисс Сильвер гневным взглядом:

– Неужели они остались бы здесь, будь это так?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Может быть, да, а может быть, и нет. Может быть, они подозревают Джерома Пилгрима?

– На каком основании, позвольте вас просить?

– Не знаю. Возможно, подозрение касалось мистера Генри Клейтона?

Не отвечая, майор Пилгрим повернулся и вышел из комнаты.

Глава 13

В три часа пополудни того же дня дом погрузился в тишину. Роббинсы были отпущены на вторую половину дня. Обед закончился в час, и они успевали на ледлингтонский автобус, отправлявшийся в два сорок пять. Джуди смотрела им вслед. Роббинс был в черном пальто и черном котелке, его жена – тоже в черном и в чудовищной черной шляпе, которая когда-то была украшена пестрыми цветами, но теперь от всех украшений остались лишь ржавого цвета лента и обломки страусовых перьев.

Едва они скрылись из виду, как из дома вышла Лона Дэй в меховом жакете и ярко-зеленом тюрбане. Она тоже направлялась в Ледлингтон. Джером Пилгрим раз в неделю менял книги в местной библиотеке, и Лона Дэй поехала в Ледлингтон, где заодно собиралась купить что-нибудь для себя.

Роджер Пилгрим отправился на верховую прогулку, мисс Колумба возилась в теплице, мисс Джанетта и Пенни спали, мисс Сильвер писала письма, а Глория в буфетной домывала кастрюли и сковородки. В это время к дому подошла высокая женщина и позвонила в дверь «Приюта пилигрима».

Джуди поняла, кто это, еще до того, как открыла дверь. Она увидела перед собой добротный коричневый твид костюма и темно-коричневую шляпу, из-под которой падали на воротник прямые темные волосы, тонкие, красивой формы брови и добрые серые глаза. Несмотря на это, Лесли Фрейн едва ли можно было назвать красавицей. У нее было квадратное лицо, высокие, выраженные скулы, тяжелый подбородок и большой рот. Однако стоило ей заговорить, как в ней появилась невероятная привлекательность – в музыкальной интонации голоса и в честной приветливости глаз.

– Должно быть, вы – Джуди Элиот. Меня зовут Лесли Фрейн, и я горю желанием с вами познакомиться. Фрэнк Эббот писал и говорил мне, что скоро вы станете моей ближайшей соседкой.

Джуди отвела Лесли в утреннюю комнату, где они разговорились о Фрэнке, Пенни и эвакуированных мисс Фрейн, которых к тому времени осталось всего десятеро.

– Почти все – дети, и такие очаровательные. Может быть, вам стоит приводить к нам по утрам вашу малышку Пенни. У нас маленький детский сад. Мне помогает мисс Браун – у нее есть все необходимые сертификаты. Думаю, вам будет спокойнее знать, что она под присмотром и не попадет в какую-нибудь неприятность, пока вы заняты по дому. К тому же у девочки появятся друзья и подружки.

Джуди согласилась с облегчением, удивившим ее саму. Они поговорили еще немного, и Лесли сказала:

– Мне бы хотелось зайти к Джерому. Он ведь не спит после обеда?

– Не знаю, – честно ответила Джуди и, подумав, добавила: – Вам о них известно намного больше, чем мне. Фрэнк советовал обратиться к вам, если мне будет необходимо с кем-нибудь поговорить...

Она не хотела произносить этого вслух, признание вырвалось непроизвольно.

– Такая необходимость возникла? – спросила Лесли Фрейн.

Джуди порозовела от смущения.

– Думаю, что да. Все это... не знаю, что вам писал Фрэнк, но он не хотел, чтобы я ехала сюда.

– Нет, он ничего такого не писал, но я хорошо его понимаю.

Джуди решительно взглянула в лицо Лесли. Ей было страшно тяжело это говорить, но не сказать она не могла:

– Речь идет не обо мне, а о Пенни. Есть ли какая-нибудь причина, чтобы увезти ее отсюда?

Взгляд Лесли стал тяжелым, как свинец. Слова ответа падали так же тяжело и размеренно:

– Я... не... знаю...

Усилием воли Джуди заставила себя говорить дальше:

– Вы не против, если я кое-что у вас спрошу? Я не могу подвергать Пенни риску. Ей очень понравился капитан Пилгрим. Она в него просто влюбилась. Каждое утро, когда я убираюсь, она заходит к нему. Они разговаривают, он рассказывает ей интересные истории.

Лицо Лесли Фрейн просветлело.

– Как это хорошо для него!

– Я тоже так думала, но мисс Дэй хочет, чтобы я не пускала Пенни к капитану Пилгриму. Мисс Дэй говорит, что это слишком сильно волнует его, а его нельзя волновать. Лона говорит, что все эти сказки, которые он рассказывает Пенни, могут побудить его снова начать писать. Для меня это звучит как откровенная бессмыслица. Мне думается, что ему будет полезно заняться вещами, которые отвлекут его от погруженности в себя.

Лесли снова посерьезнела и сказала:

– Это нелегко – идти против сиделки, которая отвечает за своего подопечного.

Джуди пронзил внезапный страх.

– Мисс Фрейн, вы скажете мне правду? Речь идет о Пенни. Мисс Дэй сказала, чтобы я не оставляла Пенни наедине с ним. Я хочу знать, почему она это сказала. Я хочу знать, есть ли у нее причины так говорить. Пожалуйста, прошу вас, скажите.

Под смуглой кожей мисс Фрейн проступил темный румянец. Она стиснула зубы и помолчала полминуты, прежде чем сказала:

– Джером никогда не причинит зла ребенку.

На Джуди снизошло невероятное спокойствие и уверенность. Она с облегчением воскликнула:

– Я и сама это чувствовала, но мне хотелось услышать это от вас! Он ведь не обидит ее?

– Нет, – ответила Лесли и продолжила: – Я не знаю, что здесь происходит, но что-то здесь нечисто. Сначала эта история с потолком, потом с пожаром. Случались здесь и другие странности. Думаю, что ребенку не место в этом доме, Джуди. Именно это я хотела сказать вам, идя сюда, и вы предоставили мне такую возможность. Мисс Сильвер, знакомая Фрэнка, находится здесь, не так ли? Возможно, я увижусь с ней, прежде чем уйду. Фрэнк считает, что она сможет распутать это дело. От всей души надеюсь, что он окажется прав. Но почему бы, между делом, Пенни не пойти ко мне в гости? Мы можем сказать ей, что это облегчит вам работу. – Ее лицо вдруг расплылось в очаровательной улыбке. – К тому же это будет истинная правда, так как с тех пор как уволилась Айви, здесь все просто заросло пылью. Глория хорошая девочка, но сама она не умеет приняться за работу как следует. Ну, что скажете?

Джуди не знала, что и сказать. Она редко так быстро проникалась симпатией к людям, как она прониклась к Лесли, но предложение прозвучало так скоро и так неожиданно.

Вероятно, чувства Джуди были написаны на ее лице, потому что мисс Фрейн очень мягко и дружелюбно произнесла:

– Вам надо хорошенько обдумать мое предложение, не так ли? Не считайте, что вы обязаны вообще давать какой-то ответ. Приведите ее в половине десятого утра, когда начинаются игры, а потом я отправлю ее к вам на обед. Вы посмотрите, понравится ли девочке у нас. Если понравится, то единственное, что от вас требуется – это каждый день приводить ее ко мне. А сейчас я, пожалуй, поднимусь к Джерому.

Джером Пилгрим сидел в кресле с блокнотом на коленях и карандашом в руке. Он просто зарделся от удовольствия, когда Джуди, открыв дверь, сказала:

– Вас хочет видеть мисс Фрейн.

Уходя, она подумала: почему Джерому так редко доставляют это удовольствие? То, что визиты мисс Фрейн случались редко, Джуди поняла из слов, сказанных Джеромом, когда Лесли вошла в его комнату.

– Я, грешным делом, думал, что вы обо мне забыли. Прошло уже несколько недель с тех пор, как вы последний раз были здесь.

Мисс Фрейн осталась к чаю и привела с собой Джерома. Было видно, что эту женщину любила вся семья. Роджеру изменила его обычная хмурость, когда он, увидев мисс Фрейн, радостно воскликнул: «Привет, Лесли!» Мисс Джанетта и мисс Колумба с чувством с ней поцеловались. Лесли представили мисс Сильвер, и мисс Фрейн сразу же покорила ее, сказав, что обожает Теннисона и надеется, что он скоро снова займет в литературе подходящее ему место. Чаепитие

прошло в непринужденной и очень теплой и уютной обстановке. Пенни вела себя выше всяких похвал, не ударив в грязь лицом в присутствии гостыи. Она ела очень аккуратно и не привередничала, ловко управлялась с чашкой и говорила только тогда, когда к ней обращались.

Лона Дэй вернулась, когда чаепитие почти закончилось, но и она выразила свою радость.

– На улице страшно похолодало. Последние полчаса я могла думать только о теплой комнате и чашке горячего чая.

Усевшись рядом с Джуди на принесенный ею стул, она понизила голос:

– Как хорошо, что мисс Фрейн нашла время прийти. Я очень переживала за капитана Пилгрима – я не люблю, когда он остается один, но с мисс Фрейн ему не было скучно. Правда, теперь ему надо подняться к себе и отдохнуть до ужина, иначе он будет плохо спать ночью. Он любит видаться с друзьями, но боюсь, что за это ему придется потом дорого расплачиваться.

Она бросила на Джерома тревожный взгляд, а потом, расплывшись в лучезарной улыбке, принялась рассказывать о походе по магазинам.

Джуди тем не менее показалось, что выглядит Лона утомленной и взвинченной. Она уже не в первый раз подумала о том, что сиделка, безотлучно находящаяся с одним и тем же пациентом в течение многих лет, становится тревожной и склонной к подозрениям. Наверное, Лоне Дэй стоило изменить свое отношение к пациенту. Это пошло бы на пользу капитану Пилгриму.

Глава 14

В ту ночь Джуди очень долго не ложилась спать. Надо было многое обдумать, и она расхаживала по комнате взад и вперед, то шепча, то говоря вполголоса, стараясь понять, что происходит, но так и не пришла к какому-то определенному выводу. Единственное, что было ей ясно, это то, что она поступила опрометчиво, не прислушавшись к советам Фрэнка Эббота. Она испытывала страшное унижение от того, что приходилось засыпать с таким неприятным чувством.

Ей показалось, что промелькнуло всего одно мгновение, хотя на самом деле прошло около двух часов, когда она проснулась от громких звуков. До сих пор ей не приходилось слышать, как кричат мужчины, но теперь, услышав этот страшный вопль, она, словно подброшенная пружиной, вылетела из кровати и кинулась к двери. Коридор был погружен в темноту. Дикий крик умолк в вибрировавшем воздухе, но зато послышался стон, прерываемый более тихими вскриками.

Как была в ночной рубашке, Джуди бросилась к выключателю, чтобы включить в коридоре свет, ощупывая в темноте стену. Она включила свет и увидела, как за ее спиной открылась дверь, откуда вышла мисс Сильвер в красном домашнем халате, перехваченном на талии шерстяным поясом, собственноручно связанным крючком. Волосы были аккуратно причесаны, взгляд у мисс Сильвер был заинтересованным, но абсолютно спокойным. Джуди была так рада появлению мисс Сильвер, что едва не расплакалась.

– Что это? Что случилось? – спросила она.

Не успела Джуди задать последний вопрос, как дверь в противоположном конце коридора рывком распахнулась, и на пороге появился Джером Пилгрим. Жуткий стон мгновенно затих. Джером стоял в дверном проеме в разорванной на груди пижаме и размахивал руками до тех пор, пока не ухватился за дверные косяки. Он стоял тяжело дыша, как человек, взобравшийся на вершину холма и уставившийся на открывшийся вид безумными, ничего не видящими глазами.

Мисс Сильвер взяла Джуди за руку:

– Возвращайтесь в свою комнату, наденьте халат и оставайтесь с Пенни. Я сейчас вернусь.

Даже ради спасения собственной жизни Джуди не пошла бы дальше порога своей комнаты. Пенни, слава богу, не проснулась. Джуди застыла в двери, глядя на стоявшего у входа в комнату Джерома Пилгрима и быстро идущую к нему мисс Сильвер. Но прежде чем та успела дойти до Джерома, из комнаты напротив вышла Лона Дэй – в халате, золотистые волосы свободно падают на плечи – и твердо взяла Джерома за руку.

– Вам снова приснился кошмар, капитан Пилгрим. Идемте, вам надо лечь, а я дам вам что-нибудь успокаивающее. Смотрите, вы разбудили мисс Сильвер.

Джером Пилгрим с видимым трудом скосил взгляд на мисс Сильвер и дрожащим голосом произнес:

– О да, прошу прощения.

Трясущейся рукой он попытался запахнуть разорванный ворот. Опираясь на руку Лоны, он, спотыкаясь, вернулся в комнату. Дверь за ними закрылась.

Мисс Сильвер с минуту постояла на месте, а потом медленно пошла назад. Пройдя мимо своей двери, она подошла к Джуди и укоризненно покачала головой:

– Дорогая моя, где ваш халат? Немедленно наденьте его. Мы не разбудим Пенни, если я войду?

– Нет, она не проснется. Ее вообще трудно разбудить. Я включу ночник, он прикрыт с ее стороны.

Джуди трясло, когда она надевала халат.

– Вы поступили неразумно. Надеть халат надо было сразу, – сказала мисс Сильвер. – Наверное, вы были слишком сильно потрясены. Думаю, мисс Дэй заглянет к нам, как только сможет отойти от пациента. Полагаю, что это и есть один из тех приступов, о которых мы слышали. Это ужасно. Но мне кажется, что никаких причин для беспокойства нет. У капитана Пилгрима был обычный ночной кошмар. Когда мы с вами его увидели, он еще не вполне проснулся, но когда мисс Дэй сказала ему, что он меня разбудил, он пришел в себя и начал изо всех сил извиняться.

Он увидел также, что у него разорвана пижамная куртка, и попытался привести ее в порядок. Способность к такому самоконтролю говорит о сохранности душевного здоровья. Думаю, что вам не о чем тревожиться.

Но во всем этом не было, однако, и ничего хорошего. Джуды трясло, и этот озноб не желал проходить. Она ругала себя последними словами, обзывала жалким червем, но это не помогало. Вслух она сказала:

– Это было просто жутко. Я не могу здесь оставаться, я не могу держать здесь Пенни. Мисс Фрейн предложила водить Пенни к ней, и завтра утром я воспользуюсь ее предложением. Допустим, она бы проснулась, или я бы была внизу...

Мисс Сильвер положила руку ей на колено.

– Она не проснулась, а вы не были внизу, и глупо сейчас воображать себе всякие ужасы. Ну вот, к нам пожаловала мисс Дэй! – Мисс Сильвер встала, подошла к двери и открыла ее. – Мисс Дэй, прошу вас, входите. Надеюсь, что все хорошо. Это был неприятный эпизод, но, по счастью, очень короткий. Очень мило, что вы пришли успокоить нас.

Лона Дэй плавной походкой вошла в комнату. Она являла собой разительный контраст с мисс Сильвер. Зеленый цвет халата подчеркивал белизну кожи и рыжеватое золото волос. От мисс Дэй веяло теплом, которое порождает рыжеватый отблеск в волосах и глазах. Она выглядела моложе своих лет, энергичнее, хотя вид у нее был очень озабоченный.

– Джуды, я прошу простить меня. Боюсь, что вы очень сильно испугались. Наверное, мне следовало предупредить вас – и мисс Сильвер, – но это выглядело бы, как ожидание приступа, а мы всякий раз надеемся, что каждый из них окажется последним. У него не было таких кошмаров уже несколько недель. Давайте посчитаем... О... – В глазах умолкнувшей Лоны мелькнуло такое смятение, что мисс Сильвер поинтересовалась:

– Вы хотели что-то сказать о последнем приступе?

Было видно, что Лона сильно расстроена.

– Я хотела сказать, что последний приступ тоже совпал с посещением мисс Фрейн. – На глазах Лоны выступили слезы. – Конечно, было бы хорошо, если бы мне не пришлось этого говорить. Но что мне делать? Они все так ее любят – она большой друг семьи, и мистеру Пилгриму очень нравится с ней общаться. Но не надо обольщаться и притворяться. В ней есть что-то такое, что сильно его расстраивает. Не в момент ее прихода, потом. Приступы случаются почти каждый раз, когда она приходит. Вы подумайте, в какое положение это ставит меня. Это просто нечестно.

Мисс Сильвер посмотрела на нее дружелюбно, но испытующе.

– Могу я задать вам чисто профессиональный вопрос? Существует ли реальная опасность в этих приступах – не для самого капитана Пилгрима, а для окружающих?

Лона, уже собравшаяся уходить, застыла на полпути к двери и с чувством ответила:

– О нет, нет, нет! Как вы вообще могли такое подумать?

Глава 15

На следующее утро никто и словом не обмолвился о происшедшем ночью инциденте, хотя, конечно, он был у всех на уме. Мисс Колумба то и дело мрачно хмурилась, не произнося ни слова, а когда Джуди сказала ей, что отвела Пенни к мисс Фрейн, ограничилась в ответ короткой фразой: «Это хорошая идея», не сказав больше ни слова.

Пенни была просто очарована. Она упаковала воображаемый чемодан, сложив туда одеяла и подушки для своего следующего «воплощения» – медвежонка Бруно. «Он уже не совсем ребенок, потому что умеет говорить. Он очень хорошо говорит, правда, Джуди? Он говорит: мы будем каждый день играть с Джеромом и Джуди. Он любит Джерома, потому что тот подарил его мне, а еще он подарил чемодан, одеяла и подушку. Разве он не добрый? Мы с Бруно думаем, что он очень добрый».

Весь обратный путь Джуди летела, словно на крыльях. Пенни настолько увлеклась игрой с эвакуированными детьми, что даже не оглянулась, когда Джуди собралась уходить. Да, ребенок будет там просто счастлив, а самое главное, будет в полной безопасности. Все остальное не имело никакого значения. Джуди снова могла себя уважать. Теперь, когда она увела Пенни из странного дома, она сама уже не испытывала страха. Теперь она была готова спокойно убирать комнату Джерома Пилгрима. Готова-то она была, но ее туда не пустили. Лона Дэй взяла уборку на себя, практически захлопнув дверь перед ее носом. Джуди едва не взорвалась. Она смогла сдержаться и не наговорила всего, что вертелось у нее на языке, но глаза ее вспыхнули.

Лона, однако, сумела притушить это пламя.

– Сегодня я никого к нему не пущу. Ему сейчас нужен абсолютный покой. Прошу вас, не думайте, что я что-то имею против вас. Я просто боюсь, что он начнет говорить о вчерашнем происшествии, извиняться за беспокойство, которое вам причинил, а это сильно его взволнует и сможет спровоцировать новый приступ. Вы же понимаете меня, правда, Джуди?

Джуди стояла перед Лоной Дэй, чувствуя себя полной идиоткой.

В доме было неуютно, атмосфера казалась тяжелой и натянутой. Глаза у миссис Роббинс покраснели. Глория, убирая ванную, которую Джуди делила с мисс Сильвер, выболтала причину:

– Сегодня у ее дочери день рождения. Эта Мэйбл Роббинс оказалась никуда не годной девкой. Мама говорит, что она решила проглотить слишком большой кусок и поперхнулась. Она сдала какие-то экзамены, кончила школу и слишком много о себе вообразила. Знаете, у нее были чудесные волосы, почти черные, выющиеся – ей не надо было делать перманент и все такое, а глаза у нее были синие и очень красивые. Но она была плохой девушкой и плохо кончила. Никто, правда, не узнал, кто был ее парень. Должно быть, она познакомилась с ним в Ледлингтоне, как говорит мама. Миссис Роббинс совсем из-за этого сломалась. И еще скажу вам кое-что – я случайно услышала, как миссис и мистер Роббинс разговаривали. Я сегодня пришла раньше, чем всегда, и случайно услышала их разговор. Она сказала: «Сегодня ее день рождения, – и я, конечно, сразу поняла, о ком она говорит. – Любой человек может иногда заплакать», – сказала она еще. А мистер Роббинс сказал на это: «Никакими слезами не вернешь ее назад». А она ему: «Нельзя быть таким жестоким». А он ей: «Если бы я мог, я бы сделал совсем другое». Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что надо вымыть краны, они очень грязные, – ответила Джуди, чувствуя, что надо было сказать это раньше.

Выходя из ванной комнаты, она едва не столкнулась с мисс Сильвер, которая стояла у входа в ванную с пакетом мыльной стружки в одной руке и носовыми платками в другой. Джуди стало интересно, сколько времени мисс Сильвер простояла перед дверью.

За обедом напряжение в доме достигло своего пика. Мисс Джанетта капризничала, говорила, что не может уже видеть эти сосиски, что ей надоела капуста, которая одна, наверное, только и растет у них в огороде, и жаловалась на сквозняки.

– Вы уверены, что нигде не раскрыто окно, Роббинс? Я простужусь от малейшей щелочки. Посмотрите, все ли окна и двери плотно закрыты.

Мисс Колумба не поднимала взгляда от тарелки. Мисс Сильвер невинно поинтересовалась, нельзя ли купить в Ледлингтоне хорошую рыбу, но оказалось, что это было очень больное место. Визгливо рассмеявшись, ей ответила мисс Джанетта:

– Да, там можно купить рыбу, и мы ее покупаем. Но она слишком часто оказывается с гнилым душком. Вот в чем неприятность.

– На прошлой неделе мы купили вполне приличную рыбу, – возразила ей Лона Дэй, решив успокоить пожилую леди.

Но эти слова не успокоили мисс Джанетту. Она так потрянула головой, что растрепались тщательно уложенные кудри.

– Моя дорогая Лона! Конечно, все зависит от того, что именно вы называете приличным. Конечно, о вкусах не спорят, но я привыкла к тому, что рыба должна быть свежей. Наверное, меня плохо воспитали, но боюсь, что мне уже поздно меняться. Я бы с удовольствием это сделала, но не знаю как.

Роджер Пилгрим ел молча. Дождавшись, когда Роббинс отошел от дальних окон, он вдруг произнес раздраженно и сердито:

– Если ты хочешь изменений, тетя Нетта, то обещаю тебе, что они произойдут, и очень скоро, и я нисколько об этом не пожалею. Я слишком долго колебался относительно продажи дома. И наконец принял предложение и продам дом как можно скорее. Если вы спросите мое мнение, то я скажу, что это будет самым лучшим решением для всех нас.

Сидевшие за столом оцепенели и застыли в молчании. Мисс Колумба не подняла головы. Лона Дэй, приоткрыв рот, подалась вперед, впившись взглядом в лицо Роджера Пилгрима. Роббинс остановился посреди комнаты, руки и ноги его стали похожи на деревянные протезы. Мисс Джанетта скорчила жалобную гримасу.

– Нет, нет, это неправда. Роджер, ты не можешь так поступить, ты шутишь и шутишь неудачно! – Выкрикнув это, мисс Джанетта бурно разрыдалась.

Роджер Пилгрим не стал молча наблюдать эту тягостную сцену и громче, чем следовало, произнес:

– Я отвечаю за каждое сказанное мной слово!

Сказав это, он отодвинул стул, покинул столовую и вскоре вышел из дома. Все услышали, как хлопнула входная дверь.

Мисс Джанетта продолжала плакать, утирая слезы салфеткой. Лона Дэй подошла к ней. Мисс Колумба наконец подняла голову и посмотрела на сестру.

– Не будь такой душой, Нетта! – жестко произнесла она.

В тот же вечер, между шестью и семью часами, Роджер Пилгрим выпал из окна чердака на мощеную садовую дорожку. От полученных травм он скончался на месте.

Глава 16

Доктор Дэйли вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Его обычно жизнерадостное лицо было сегодня серьезным и значительным.

– Все очень плохо, и ни я, и никакой другой врач ничего не смогли бы сделать, даже если бы были здесь во время падения. У него вывих правого плеча и перелом в шейном отделе позвоночника. Так, во всяком случае, выглядит травма. Надо поставить в известность полицию.

Мисс Колумба посмотрела врачу в лицо и спросила:

– Зачем?

– Не стоит волноваться по этому поводу, просто таково требование закона. Если происходит несчастный случай со смертельным исходом, то о нем непременно надо ставить в известность полицию. После этого коронер будет решать, надо возбуждать уголовное дело или нет. Я бы сделал это сам, но сейчас хочу навестить капитана Джерома. Может быть, вот эта леди – простите, я запаматовал фамилию...

– Мисс Сильвер, – угрюмо подсказала мисс Колумба.

Доктор Дэйли посмотрел на мисс Сильвер и, обрадованный ее собранностью и спокойствием, обратился к ней:

– Просто позвоните в Ледлингтон и попросите соединить вас с полицейским участком. Расскажите им, что произошло. Это все, что надо сделать. Я пойду к пациенту. Но скажите мне, он знает?

– Мисс Дэй, наверное, сказала ему.

Лицо Дэйли немного разгладилось.

– О, мисс Дэй... Что бы он стал без нее делать, бедняга? Вам просто повезло, что вы ее нашли, – и это во время войны.

Он вышел в коридор в сопровождении мисс Колумбы.

Мисс Сильвер спустилась в кабинет и позвонила в полицейский участок Ледлингтона:

– Я бы хотела поговорить с начальником участка.

Басовитый голос на другом конце провода начал было возражать, но мисс Сильвер твердо повторила свою просьбу:

– Я хочу говорить с начальником участка. Скажите ему, что звонит мисс Сильвер.

Много лет назад Рэндалл Марч и его сестры получили свое первое образование под руководством молодой, но талантливой учительницы – мисс Сильвер. Теперь, став полицейским начальником, Рэндалл тем не менее выполнял просьбы мисс Сильвер с не меньшим рвением, чем в те годы, когда был ее учеником. Мисс Сильвер сохранила теплые и дружеские отношения с его семьей, а за последние несколько лет судьба сталкивала их в таких обстоятельствах, которые еще больше укрепили уважение Рэндалла к его бывшей учительнице. В случае с отравленными гусеницами – он сам это признавал – мисс Сильвер, без преувеличения, спасла ему жизнь. Леди поэтому уверенно ждала у телефона.

– Мисс Сильвер?

– Да, Рэндалл. Я нахожусь недалеко от вас, в «Роще святой Агнессы». Должна сделать вам официальное заявление. Вам знакомо семейство Пилгримов?

– Да, я слышал о нем, а с Джеромом даже был знаком лично.

– Роджер Пилгрим мертв, – официальным тоном произнесла мисс Сильвер. – Около получаса назад он выпал из чердачного окна. Я сейчас нахожусь в доме. Доктор Дэйли попросил меня позвонить вам.

Воскликнув нечто не вполне членораздельное, Рэндалл сказал:

– Это очень плохо. Я сейчас же пришлю туда Доусона.

Мисс Сильвер это не устроило.

– Мой дорогой Рэндалл, я же сказала, что нахожусь здесь. Я была бы очень вам обязана, если бы вы приехали сюда сами.

Рэндалл Марч на другом конце провода делал в это время заметки в блокноте. Он достаточно хорошо знал мисс Сильвер. Если она хотела, чтобы он приехал, значит, ему надо было ехать. Она несколько раз настаивала на его приезде, и каждый раз такая просьба оказывалась вполне обоснованной. Рэндалл беспрекословно смирился с судьбой и тотчас ответил:

– Хорошо, я сейчас приеду.

Поблагодарив Рэндалла Марча, мисс Сильвер положила трубку на рычаг. Обернувшись к выходу, она увидела, что в комнату вошла мисс Колумба. Она была одета для работы в саду. Сапоги были до самых голенищ замазаны грязью и навозом, грязь на щеках, седые кудри растрепались. В иных обстоятельствах она смотрелась бы комично, но сейчас, глядя на нее, смеяться не хотелось. Тяжелое лицо было исполнено достоинства, глаза смотрели прямо и очень серьезно. Она остановилась, опершись спиной о косяк двери, как это делают мужчины, и ждала, когда мисс Сильвер подойдет ближе.

– Это был несчастный случай, – сказала мисс Колумба.

Мисс Сильвер выдержала тяжелый взгляд:

– Вы так думаете?

– Это был несчастный случай.

– Об этом будет судить полиция.

Лицо мисс Колумбы осталось абсолютно бесстрастным. Она сказала:

– Вас нанял мой племянник. Он мертв. Ваш договор можно считать утратившим силу. Я хочу, чтобы вы как можно скорее покинули дом.

Мисс Сильвер не выказала ни малейшей обиды, но спросила:

– Вы уверены, что хотите этого?

– Что вам теперь здесь делать? Роджер мертв.

– Но другие живы.

– Он думал, что вы сможете ему помочь, но он умер.

– Он не последовал моему совету. Вчера я умоляла его во всеуслышание объявить, что он раздумал продавать дом. Вы сами видели, как он меня послушался.

Но решимость мисс Колумбы осталась непоколебимой.

– Теперь все кончено. Он мертв. Это был несчастный случай.

Мисс Сильвер покачала головой:

– Вы же сами так не думаете, как, впрочем, и я. Давайте будем честны друг с другом, тем более что здесь, кроме нас, никого нет. Я буду рада, если вы позволите мне высказаться.

– Говорите.

– Вы только что сказали, что все кончено, но это не так. Насильственной смертью умерли два человека, возможно, что и три. Станут ли эти смерти последними? Если вы можете поверить в то, что смерть Роджера наступила в результате несчастного случая, то сможете ли вы поверить в то, что случайностями были три покушения на его жизнь? Каждое из первых двух могло закончиться его смертью. Третье закончилось смертью. Если вы можете поверить в то, что все это были случайности, то можете ли вы поверить и в то, что каждый из этих случаев совпадал с попыткой предотвратить продажу дома?

Мисс Колумба испустила долгий тяжкий вздох, не стон, но что-то очень на него похожее. Она прислонилась затылком к косяку и сказала:

– Какая от всего этого польза?

– Хочу напомнить вам об оставшихся в живых членах семьи. У вас есть племянник, который сейчас находится в японском плену. Я понимаю, что усадьба теперь принадлежит ему. Если он вернется и захочет продать дом, то не станет ли он следующей жертвой так называемого несчастного случая? Если же его нет в живых, то права на дом перейдут к капитану Джерому Пилгриму. Если он решит продать дом, то не ждет ли и его та же участь?

Теперь лицо мисс Колумбы дрогнуло. В глазах промелькнуло какое-то выражение, но движение это было мимолетным. Она невнятно пробормотала:

– Это не так, это просто невозможно.

– Но какой иной мотив может здесь быть? Вы сами его видите?

Мисс Колумба отрицательно тряхнула головой так, что снова рассыпались ее седые кудри.

Мисс Сильвер твердо произнесла, глядя ей в глаза:

– Кто-то решил ни в коем случае не допустить продажи дома. Ни один его владелец не будет в безопасности, пока не выяснится, кто этот человек.

Мисс Колумба выпрямилась и отстранилась от двери. Голос ее прозвучал хрипло и грубо, когда она сказала:

– Дом принадлежит Джеку, а он в Малайе. Не надо будить спящих собак.

С этими словами она резко повернулась и вышла из комнаты.

Мисс Сильвер сжала губы и задумалась о недостатках своего пола. Она не стала бы признаваться в них старшему инспектору Лэмбу или начальнику участка Марчу. Она была высокого мнения о женщинах и их способностях, но осознала, что женщинам – увы! – абстрактная страсть к справедливости неведома.

Вполне возможно, что ей придется бесславно покинуть «Приют пилигрима», не исполнив своего долга – или исполнив его лишь наполовину. И это было неправильно. Роджер Пилгрим нанял ее как профессионального детектива, но она не смогла спасти его жизнь. Он, конечно, воспротивился ее советам, но она все равно чувствовала себя в долгу перед ним. В еще большем долгу она была перед справедливостью и правосудием, которым беззаветно служила.

Глава 17

Рэндалл Марч пробыл в доме чуть больше часа, прежде чем попросил позвать к нему мисс Сильвер. В его планы не входило афишировать перед обитателями дома их близкое знакомство, и он ни в коем случае не хотел знать ее мнение до того, как составит свое собственное. Рэндаллу отвели место в кабинете. Он сидел за письменным столом, за которым сживали представители трех поколений семейства Пилгримов, и на фоне оливково-зеленых штор и стен, уставленных непрочитанными книгами, смотрелся скорее как деревенский джентльмен, чем офицер полиции. Правда, он был больше похож на офицера армейского. Верхний свет освещал отличную фигуру, открытые мужественные черты лица, ясные синие глаза и выгоревшие светлые волосы.

Он встал, когда в кабинет вошла мисс Сильвер со своим неизменным вязаньем. Ее лицо было строгим и официальным, пока не расплылось в приветливой улыбке, когда она пожала руку Рэндаллу. Даже в присутствии убийцы мисс Сильвер умудрилась бы сохранить приличия.

– Мой дорогой Рэндалл! Надеюсь, у вас все в порядке.

В этом не усомнился бы ни один человек, лишь взглянув на цветущее лицо Рэндалла Марча, но он вежливо ответил на вопрос.

– Как дела у вашей матушки? – продолжала мисс Сильвер. – Надеюсь, она оправилась от простуды, которую подхватила перед Рождеством?

– Да, да, она поправилась и прекрасно себя чувствует.

– Как дела у дорогих Маргарет и Изабель? Надеюсь, от них приходят только хорошие новости.

У мисс Сильвер никогда не было любимчиков. То, что она употребила эпитет «дорогие» перед именами Изабель и Маргарет, лишь подчеркивало эту непоколебимую беспристрастность. Если бы она разговаривала с Изабель и Маргарет, то никогда не употребила бы в отношении Рэндалла этот эпитет. Самой себе она могла признаться в том, что синеглазый, светловолосый мальчик с ангельской улыбкой и граничившим с гениальностью талантом сопротивляться любым наставлениям был ей симпатичнее, чем две прилежные умненькие девочки, но она никогда не призналась бы в этом никому другому. Правда, она умела преодолевать его сопротивление, и результат налицо: вот он стоит перед ней, без пяти минут начальник территориального управления полиции, а ведь ему нет еще и сорока. Даже происшедшее в доме убийство не смогло погасить улыбку, с какой она узнала, что Маргарет в Каире, что ее муж в Италии, а Изабель совсем недавно вступила в корпус армейских медсестер.

Обменявшись этими любезностями, он пододвинул мисс Сильвер стул и сел сам. Он смотрел на нее через стол, думая о том, как мало она изменилась – как мало она вообще менялась. От сетки на волосах до остроконечных туфелек – она оставалась прежней и неповторимой, островком стабильности в это зыбкое и ненадежное время.

Мисс Сильвер достала из сумочки неоконченный свитер для Этель Беркетт и застучала спицами. Тридцать пять лет промелькнули, как один день. Это мог быть тот же свитер, те же спицы и та же мисс Сильвер его детства.

«Мой дорогой Рэндалл, вы отвлекаетесь», – она не сказала этих слов, но вполне могла их сейчас произнести, и Рэндалл Марч поспешил опередить ее:

– Итак, что вы хотите мне сообщить?

– Что вы уже знаете, Рэндалл?

Рэндалл перелистал лежавший перед ним на столе блокнот.

– Пока могу сказать следующее: Роджер Пилгрим днем катался верхом, потом опоздал к чаю, за которым почти не разговаривал, а потом поднялся в комнату на чердаке, чтобы заняться бумагами отца. Я знаю, что почти все они были повреждены во время пожара десять дней назад, но то, что удалось спасти, отнесли в пустовавшее чердачное помещение. Сохранились два оловянных ящика, а также полубогоревшие документы, хранившиеся в бюро и ящиках комода. Приблизительно в половине шестого позвонили в дверь, и Роббинс впустил в дом Лесли Фрейн. Она сказала, что Роджер ждет ее, и поднялась вверх. Она очень близка с этим семейством. Что я еще могу о ней сказать?

Мисс Сильвер подсказала:

– Она была помолвлена с Генри Клейтоном. Вы непременно вспомните, что он исчез буквально накануне свадьбы.

– Конечно, конечно! Они, кстати, узнали, что с ним произошло?

Мисс Сильвер ненадолго отвлеклась от вязания и посмотрела в глаза Рэндаллу.

– Нет.

Про себя она подумала: «Он ждал, что я что-нибудь скажу по этому поводу». Снова застучали спицы.

– Какие же происходят с людьми неожиданности! Да, я помню этот случай. Но им занимался Скотленд-Ярд. Генри был важной шишкой в министерстве информации. По-моему, это дело вел Фрэнк Эббот, да?

– Да.

– Ну, хорошо. Вернемся, однако, к мисс Фрейн. Похоже, она была последней, кто видел Роджера живым. Она говорит, что он позвонил ей и попросил прийти, чтобы помочь в разборе бумаг. Отец Роджера очень любил ее и часто обсуждал с ней важные семейные проблемы. Она говорит, что бумагами они занимались приблизительно три четверти часа. Потом она посмотрела на часы. Было уже четверть седьмого. Она сказала Роджеру, что ей надо идти домой, чтобы помочь уложить детей – у нее полон дом эвакуированных детей. Она спустилась вниз и ушла, ни с кем не попрощавшись. Но когда она вышла в коридор, куда выходят двери спален, и зашагала к лестничной площадке, то увидела мисс Дэй, которая только что вышла из комнаты Джерома и направилась в свою комнату. Они не разговаривали, так как находились в разных концах длинного коридора. Мисс Дэй сказала нам, что она то и дело заходила в комнату Джерома и возвращалась к себе, потому что он неважно себя чувствовал после ночного приступа, но мисс Фрейн она не видела. Это, скажем так, пункт первый. Теперь переходим к пункту второму. Мисс Джуди Элиот говорит, что находилась в это время в ванной у черной лестницы, мыла там раковину. Дверь была приоткрыта, и она видела, как Роббинс поднимался по лестнице на чердак. К сожалению, она не знает, во сколько это происходило, но считает, что после шести и до четверти седьмого, потому что было еще светло. Она думает, что половины седьмого еще не было, но точно в этом не уверена. Роббинс говорит, что было начало седьмого, и он поднимался в свою комнату, чтобы взять носовой платок. Он утверждает, что находился у себя не больше пяти минут и что мисс Элиот не слышала, как он спускался, потому что он воспользовался другой лестницей. Почему он это сделал, Роббинс не знает.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Здесь между этажами по четыре лестницы, две из них ведут на чердак. Это очень неудобно и причиняет массу хлопот прислуге.

Рэндалл Марч согласно кивнул.

– Из-за этого нам невозможно проверить показания Роббинса, – сказал он. – Миссис Роббинс подтверждает его слова. Но это вполне естественно – она говорит, что в комнате он пробыл всего пять минут. Дневная прислуга к тому времени уже ушла домой. Конечно, у нас нет никаких причин в чем-то подозревать Роббинса. Все же тридцать лет службы что-то значат.

Мисс Сильвер подняла голову.

– За тридцать лет может произойти очень многое, – сказала она.

Рэндалл посмотрел на мисс Сильвер и с удивлением, и с несогласием.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я все вам расскажу, а сейчас продолжайте, пожалуйста.

– Роббинс говорит, что мисс Фрейн была у Роджера, когда сам Роббинс находился у себя в комнате, рядом с помещением, где хранятся уцелевшие бумаги. Я спросил его, откуда ему это известно, и он ответил, что слышал их голоса. Я сказал: «Вы могли слышать голоса, но как вы поняли, что один из них принадлежит мисс Фрейн? Может, это был кто-то другой». Он ответил, что нет, это была именно мисс Фрейн, потому что он увидел ее, когда выглянул наружу, закрывая окно. Соседнее окно было открыто, и на подоконнике, спиной к улице, сидела мисс Фрейн. Роджер стоял перед ней. Роббинс слышал, как она говорила: «О, Роджер, ты не должен этого делать, не должен!» Потом Роббинс закрыл окно и вышел на лестницу. Я спросил об этом мисс Фрейн, и она подтвердила, что очень расстроилась, когда Роджер сообщил ей, что собирается

продать дом. Она не помнит точно, что она ему сказала, но что-то в этом роде. Я спросил ее, почему было открыто окно, и она ответила, что Роджер включил масляный обогреватель, и в комнате стало очень жарко. Действительно, за разбором бумаг им могло стать жарко. Я спросил, не поссорились ли они, и она ответила, что нет, ни в коем случае. Потом я спросил, как скоро она ушла после того разговора. Мисс Фрейн ответила, что почти сразу. Это в какой-то степени подтверждает слова Роббинса, потому что мисс Фрейн с самого начала сообщила, что ушла в четверть седьмого, а Роббинс сказал, что вошел в свою комнату в десять минут седьмого. Вся беда в том, что мы не знаем точного времени падения. Никто ничего не слышал, и это очень странно.

Мисс Сильвер сосредоточенно стучала спицами.

— Это не так странно, как кажется, — сказала она. — Спальни, выходящие окнами в сад, — это спальня старого мистера Пилгрима и спальня, которой пользовался Роджер. Обе эти комнаты сейчас пустуют. Там же располагается спальня, куда перебрался Роджер, а с другой стороны лестницы находятся одна пустая комната и комната, в которой живет капитан Джером Пилгрим. На первом этаже в сад выходят две пустующие гостиные и кабинет. Комната мисс Дэй, комнаты, которые занимаю я, мисс Элиот и обе комнаты сестер Пилгрим, выходят на улицу.

Он согласно кивнул.

— Да, я видел эти комнаты. Джером мог что-то слышать, но у него в это время работал приемник. Но даже в этом случае, надо подумать... — Он умолк и, нахмурившись, принялся листать блокнот. Потом поднял голову и снова заговорил: — Пелл нашел его, когда пошел запирать ворота. Это было почти в семь часов. Дэйли говорит, что к моменту осмотра тела майор Пилгрим мог быть мертв от полудня до трех четвертей часа, а он осматривал тело в пять минут восьмого. Он был дома, и ему надо было пройти всего сотню ярдов по улице, чтобы попасть в «Приют пилигрима», после того как ему позвонила мисс Колумба. Видите, как все неопределенно у нас со временем. Если верить Роббинсу, то Роджер был жив и разговаривал с мисс Фрейн в десять минут седьмого. Если верить мисс Фрейн, то он был жив, когда она в четверть седьмого посмотрела на часы. Я с пристрастием спросил Дэйли, не мог ли Роджер быть мертвым до этого времени, но он сказал, что никто в мире не сможет достоверно ответить на этот вопрос. Врач не считает, что Роджер был мертв больше сорока пяти минут до момента осмотра, но в принципе такое тоже возможно. Если это было самоубийство, то Роджер совершил его сразу же после ухода мисс Фрейн. Я и сам склонен так думать. Дэйли говорит, что в последнее время Роджер все время находился в очень взвинченном состоянии. Он намеревался продать дом, несмотря на возражение и противодействие всей семьи. То, что сказала ему мисс Фрейн, стало последней каплей, переполнившей чашу. Он дождался, когда она уйдет, и выбросился из окна.

Мисс Сильвер кашлянула и сказала:

— Нет, Рэндалл, это не было самоубийство.

— Вы так уверенно это говорите...

— Я действительно в этом уверена.

— Почему?

— Он не хотел умирать. Он хотел продать дом и жить в маленьком современном доме. Он, правда, не был помолвлен, но у него была привязанность. Он собирался жениться и устроить свою жизнь. Я совершенно убеждена, что это было не самоубийство.

— Значит, это был несчастный случай. У этих окон очень низкие подоконники. Он вполне мог оступиться и, потеряв равновесие, упасть через низкий подоконник, особенно если у него вдруг закружилась голова.

Мисс Сильвер отрицательно покачала головой:

— Нет.

Рэндалл посмотрел на нее с плохо скрытым отчаянием.

— Ну так расскажите мне тогда, что здесь, по-вашему, произошло.

Мисс Сильвер подняла голову, положила руки на почти готовый свитер для Этель и мрачно произнесла:

— Нет, я не могу сейчас этого сделать. Но это было убийство, Рэндалл. Роджера Пилгрима убили.

Глава 18

В комнате повисло молчание, какое обычно не замечаешь, ибо оно оглушает сильнее любых звуков.

Убийство – это слово, к которому, сколь часто его ни повторяй, невозможно привыкнуть.

Рэндалл Марч первым нарушил затянувшееся молчание:

– У вас есть доказательства, что это было именно убийство?

Мисс Сильвер взяла в руки спицы и снова сосредоточенно принялась за вязание.

– У меня нет доказательств, – ответила она. – Но я могу рассказать вам массу интересных вещей. Для начала должна сообщить, что нахожусь здесь как частный детектив по просьбе Роджера Пилгрима, который был уверен, что на его жизнь было совершено два покушения.

– Что это были за попытки?

Она коротко ответила на этот вопрос, а потом продолжила:

– Вы можете сами пойти и посмотреть на те две комнаты. Обрушение потолка объяснили незакрытым краном и переполненной раковиной, а пожар – попаданием искры из камина на бумаги, которые в тот момент разбирал Роджер Пилгрим. Насчет первого случая надо сказать, что раковина находится в двенадцати футах от места обрушения, над коридором, потолок которого странным образом уцелел. Думаю, вы согласитесь со мной, что, судя по следам воды, скопившейся над рухнувшим потолком, воду туда налили преднамеренно. Во втором случае Роджер был уверен, что его чем-то усыпили. Он уснул мертвым сном, выпив немного виски с содовой, а проснувшись, обнаружил, что комната в огне. Мало того, он рассказал мне, что комната оказалась запертой. Ключ торчал снаружи в замочной скважине, так как он, уходя из той комнаты, всегда ее запирает, чтобы никто из посторонних не смог заглянуть в конфиденциальные бумаги и документы. Это была подсознательная привычка – запирает комнату. Но выбраться из комнаты через дверь он не смог. Ему пришлось разбить окно и выпрыгнуть через него во двор. К тому времени, когда огонь был потушен, комната оказалась отпертой.

– Вы поверили в то, что это были покушения?

Мисс Сильвер продолжала быстро вязать:

– Я просто попыталась здраво рассуждать. Но прямых доказательств, конечно, не было, и Фрэнк Эббот прямо сказал об этом Роджеру.

– Эббот?

– Они вместе учились в школе. У Фрэнка есть родственники в деревне. Он посоветовал Роджеру обратиться ко мне.

– Какой может быть мотив? – отрывисто спросил Рэндалл Марч.

– Помешать продаже усадьбы.

– Что?!

– Роджер собирался как можно скорее продать дом. В подобных обстоятельствах его отец тоже погиб в результате несчастного случая.

Мисс Сильвер нахмурилась, посчитав восклицание Рэндалла неуместным. Не скрывая укора, она рассказала ему о том, что, по словам Роджера, старый конюх Уильям обнаружил колючку под седлом лошади, убившей старшего Пилгрима.

– Я не могу сказать, правда это или нет. Я могу лишь утверждать, что Роджер был в этом уверен. Я сочла неудобным спрашивать об этом самого Уильяма, но вы вполне можете это сделать.

Рэндалл Марч подался вперед и оперся локтями на стол.

– Моя дорогая мисс Сильвер, вы всерьез хотите убедить меня в том, что двух человек убили ради того, чтобы помешать продаже имения?

– Я твердо в этом уверена, Рэндалл.

– Но зачем? Боже милостивый – вы хотите сделать из этого мотив! У кого может быть этот мотив? Следующий наследник – Джек Пилгрим. Он находится за границей уже четыре года. Зачем кому-то было убивать мистера Пилгрима и Роджера, чтобы наследником стал Джек?

Мисс Сильвер покашляла.

– Для того чтобы имение не было продано.

– Но зачем, зачем, зачем?

Мисс Сильвер наклонилась к Рэндаллу и ответила:

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам надо вернуться на три года назад.

– На три года?

– Да, Рэндалл, нам надо вернуться к исчезновению Генри Клейтона.

Рэндалл сначала удивился, но потом насторожился:

– Вы объясните мне, зачем?

– Да, и попрошу отнестись к моему объяснению непредвзято.

– Надеюсь, вы не станете отрицать, что я всегда отношусь к вам непредвзято.

В знак согласия мисс Сильвер наклонила голову, потом резко выпрямилась и начала быстро стучать спицами.

– Я должна напомнить вам о заявлениях, сделанных в то время Роббинсом и мисс Фрейн. Они были, в указанном порядке и согласно их показаниям, последними, кто видел Генри Клейтона. Он жил в «Приюте пилигрима», будучи, как вы, вероятно, знаете, племянником мистера Пилгрима, а значит, двоюродным братом майора Роджера и капитана Джерома, которые в тот момент тоже находились дома. Это было приблизительно через семь месяцев после Дюнкерка, где был ранен капитан Пилгрим, и через три месяца после его выписки из госпиталя. Его отпустили домой на попечение мисс Лоны Дэй, которая в то время уже жила у Пилгримов и ухаживала за мисс Джанеттой. Генри Клейтон, как вам известно, работал в Лондоне, в министерстве информации. Он приехал в приют для того, чтобы жениться на мисс Фрейн. До свадьбы оставалось три дня. В день своего исчезновения Генри получил от дяди свадебный подарок – пятьдесят фунтов. Генри просил выдать ему деньги наличными, так как хотел потратить их на медовый месяц. У мистера Пилгрима была многолетняя привычка хранить дома большие суммы денег наличными – он сам собирал арендную плату за угодья и не относил ее в банк. Нам неизвестны номера банкнот, полученных Генри от мистера Пилгрима.

Рэндалл Марч мрачно улыбнулся:

– Все сразу становится таким милым и простым, не так ли?

Мисс Сильвер укоризненно посмотрела на него:

– Здесь нет ничего милого и простого. Позвольте, я продолжу. Никто не отрицает, что во второй половине того дня мистер Клейтон и мисс Фрейн немного поссорились. Если верить мисс Фрейн, в той размолвке не было ничего серьезного. Роббинс утверждает, что около половины одиннадцатого вечера он слышал, как мистер Клейтон по телефону договаривался о встрече с мисс Фрейн. Он – в передаче Фрэнка Эббота – сказал следующее: «Нет, Лесли, конечно, нет! Дорогая, как ты вообще могла такое подумать?» После этого он сказал, что сейчас придет, когда Лесли ему возразила, он ответил, что еще не поздно, всего половина одиннадцатого. Он сказал Роббинсу, что навестит мисс Фрейн и очень скоро вернется, но просил старого слугу не ждать его, так как он возьмет с собой ключ, а вернувшись, сам накинёт на дверь цепочку. После этого Генри вышел на улицу, в чем был – в темном повседневном костюме, без шляпы, пальто и шарфа. Если верить Роббинсу, то в тот момент он в последний раз видел Генри.

– И что именно вы хотите этим сказать?

Мисс Сильвер покашляла.

– Я еще не все закончила, позвольте, я продолжу. Роббинс показал, что решил не полагаться на мистера Генри, так как мистер Пилгрим был очень щепетилен в отношении запираания дверей. Слуга Роббинс сходил на кухню, предупредил жену, что задержится, а потом вернулся в холл, накинул на дверь цепочку и принялся ждать. Он слышал, как часы пробили полночь, а потом уснул, и его разбудили часы, пробившие шесть утра.

– Сколько времени он отсутствовал в холле, отлучившись к жене?

– Я не знаю. Фрэнк считает, что Роббинс отсутствовал в холле несколько минут. Мне думается, что не меньше пяти минут. Теперь переходим к показаниям мисс Фрейн.

– Я их помню, – сказал Марч. – Она ждала мистера Клейтона у окна и видела, как он, выйдя из дома, направился по улице. Потом она отошла от окна, чтобы он не увидел, с каким нетерпением она его ждет. Знаете, я очень хорошо понимаю ее чувства.

Мисс Сильвер, невозмутимо стуча спицами, промолвила:

– Мазки природы роднят людей.

– Это вы верно заметили. Она была последней, кто видел Генри Клейтона. Что это нам дает?

Стук спиц замедлился. Мисс Сильвер неторопливо произнесла:

– У нас есть показания двух человек. Если один из них лжет, то исчезновение Генри Клейтона становится менее загадочным. Возможно, они оба не лгут, но говорят не всю правду. Возможно, мисс Фрейн действительно, как она утверждает, видела, как Генри Клейтон выходил из дома, но это не значит, что она больше его не видела. Возможно, их ссора была более серьезной, чем она готова признать. Может, вместо примирения между ними произошел окончательный разрыв. Я не склонна к этому варианту, потому что он не объясняет две последовавшие затем смерти, но если считать их случайными, то такое объяснение может подойти.

Марч кивнул:

– Вы знаете, мне все время казалось, что скорее всего произошло именно нечто в таком роде. По отзывам родственников, Клейтон был перекати-полем, и, получив пощечину в виде отказа накануне свадьбы, он мог сорваться и совершить какую-нибудь безумную выходку.

– Я так не думаю и продолжу, опять-таки с вашего позволения. Хочу высказать версию. Мистера Клейтона видели, когда он покинул «Приют пилигрима», а потом кто-то выходит в стеклянную галерею, ведущую на улицу, и окликает его. Генри возвращается в дом, и его уводят в столовую – первую комнату слева от входа. Это вполне современное помещение, но непосредственно за ним находится старая часть дома. Дверь ведет из столовой в вымощенный камнем переход. В этом переходе Генри Клейтон получает смертельную рану. Не думаю, что убийца воспользовался огнестрельным оружием. В столовой на стенах висит самое разнообразное холодное оружие – кинжалы, шпаги, рапиры. Убийца мог воспользоваться этим оружием. Из перехода можно на лифте спуститься в подвал – для этого надо сделать всего лишь пару шагов по коридору, выйдя из столовой. Тело спустили в подвал и доставили куда-то на удобной тележке.

– Вы говорите это серьезно?

– На самом деле очень серьезно, хотя это всего лишь гипотеза.

– Но мотив? Дорогая моя мисс Сильвер, я полагаю, что вы подозреваете Роббинса. Но какой мог быть мотив у Роббинса?

Мисс Сильвер дала весьма рассудительный ответ:

– У него мог быть очень серьезный мотив. У его дочери были большие неприятности, из-за которых она сбежала из дома. Приблизительно за месяц до исчезновения Клейтона Роббинс узнал, что его дочь в Лондоне, и поехал туда ее искать. Дочь и ее ребенок были смертельно ранены во время воздушного налета, но Роббинс видел ее в госпитале до того, как она умерла. Если она сказала, что ее соблазнил Генри Клейтон, то у Роббинса появился мотив.

– Кто вам все это рассказал?

– Роджер Пилгрим. Он сказал, что только он и отец знали о смерти Мэйбл. Роббинс не хотел никому об этом говорить. Он сказал, что они с женой уже пережили это горе и не хотели ворошить его вновь.

– Роджер не сказал вам, что Генри Клейтон был любовником девушки?

– Нет, Рэндалл. Но Мэйбл Роббинс росла и воспитывалась в доме. Она получила хорошее образование и нашла в Ледлингтоне приличную работу. Домой, к родителям, она приезжала на выходные и в праздники. Никто не замечал, что у нее появился мужчина. Я спрашивала у Роджера Пилгрима, подозревал ли Роббинс кого-то из семьи. Этот вопрос сильно расстроил Роджера и привел его в замешательство. Я спросила, не подозревает ли Роббинс его или капитана Пилгрима, но Роджер оба раза воскликнул: «Нет!» Когда же я спросила, не подозревает ли Роббинс Генри Клейтона, Роджер, не отвечая, вышел из комнаты.

– Вот как, вот как. – Рэндалл сложил губы трубочкой, словно собираясь свистнуть, но стук спиц удержал его. Подумав, он энергично кивнул головой и сказал: – Из вашей шляпы, мисс Сильвер, выскакивает слишком много кроликов. Что прикажете с ними делать?

Мисс Сильвер пошевелила рукой кучку шерсти на коленях.

– Я бы посоветовала вам хорошенько обыскать подвал.

– Вы говорили вполне серьезно...

– Конечно, Рэндалл.

– Вы представили гипотезу и превосходно ее объяснили, но не дали ни одного доказательства в ее обоснование. Вы ждете, что я теперь получу ордер на обыск по делу трехлетней давности, которым к тому же занимался не я, не имея никаких улик и доказательств?

– Вам не потребуется никакого ордера на обыск, если вы получите разрешение мисс Колумбы.

В ответ Рэндалл, не скрывая сарказма, едко поинтересовался:

– Вы полагаете, что она даст такое разрешение?

– Я не знаю.

Марч рассмеялся:

– И после этого вы считаете себя знатоком человеческих характеров! Даже мне при моих весьма скромных способностях понятно, что мисс Колумба озабочена в жизни только одним, и это ее устремление можно выразить кратким афоризмом: «Пусть палец приличия прикроет губы молчания!»

Не получив ответа, он откинулся на спинку стула и задумался о мисс Сильвер и обо всей ситуации. Немного помолчав, он заговорил:

– Знаете, если бы все это мне сказал кто-то другой, я, ни минуты не задумываясь, нашел бы что ответить. Но это сказали вы, и я считаю своим долгом объяснить вам мое положение, а потом снова спросить вас о том, как мне поступить. Полковник Хаммерсли, начальник территориального управления полиции графства, в конце месяца собирается на пенсию. Мне довольно прозрачно намекают, что комитет склонен всерьез рассмотреть на его место мою кандидатуру. Я не собираюсь притворяться и говорить, что мне безразлична эта перспектива, но если я устрою беспочвенный скандал вокруг такого семейства, как семейство Пилгримов, которые живут здесь с тех пор, как Ноев ковчег остановился на Арарате, то комитет может переменить свое мнение обо мне.

Мисс Сильвер процитировала по-французски афоризм, хотя и с сильным патристическим акцентом:

– *«Fais ce que dois, advienne que pourra»*.

Марч невесело и коротко рассмеялся:

– «Делай что должно и будь что будет». Да, это восхитительный девиз, но объясните, почему я должен это сделать, а потом швырнуть в канаву мои карьерные перспективы?

Мисс Сильвер негромко покашляла, прежде чем дать ответ:

– Вам надо самому убедить себя, Рэндалл, а мне больше нечего вам сказать.

Глава 19

Рэндаллу Марчу не пришлось ни испытывать на прочность свою совесть, ни рисковать карьерой. Простодушная поговорка, гласящая «Не было дождя, да вдруг ливень», оказалась как нельзя уместной. На следующее утро, через час после завтрака, за которым все хранили гробовое молчание, Роббинс позвал мисс Колумбу к телефону:

– Это телефонограмма, мадам. Я начал ее принимать, но потом подумал, что вы предпочтете сделать это сами...

Мисс Колумба встала и, не говоря ни слова, пошла к телефону.

Через десять минут она вернулась. Не меняясь в лице, не меняя голоса, она обратилась к мисс Сильвер, которая в тот момент одна находилась в утренней комнате:

– Пришла телеграмма из военного министерства о моем племяннике Джеке. В министерстве точно установили, что он погиб.

Соболезнования мисс Сильвер были искренними и по-светски сдержанными, но именно такими они только и могли быть в этом случае. При всей любви мисс Колумбы к племяннику, при всей ее скорби, все, собственно говоря, уже давно свыклись с мыслью о смерти Джека, и мисс Колумба восприняла ее как должное. Потом она снова раскрыла непослушные губы.

– Джером... – сказала она, не отрывая взгляда от лица мисс Сильвер. – Вы вчера говорили серьезно? Джером действительно находится в опасности?

– Непосредственной опасности нет, но она непременно возникнет, если он вознамерится продать дом.

Мисс Колумба понизила голос до хриплого шепота:

– Ему придется его продать – надо будет платить двойной налог на наследство, а денег у него нет...

Теперь было понятно, кому была отдана привязанность и любовь мисс Колумбы. Она испытывала естественную скорбь по поводу смерти двух своих племянников. Но когда она поняла, что Джерому угрожает реальная опасность, на лбу ее выступил пот, а в глазах отразилось сильнейшее душевное страдание.

Вперив в мисс Сильвер этот красноречивый взгляд, она сказала:

– Я просила вас уехать, но обстоятельства изменились, и теперь я прошу вас остаться.

Мисс Сильвер не отвела взгляда, в котором странным образом отражались одновременно твердость и доброта.

– Меня просил о помощи ваш племянник Роджер. Теперь вы просите меня помочь вам?

– Да.

– Вы, однако, должны понимать, что я не знаю, куда выведет меня расследование, и не могу гарантировать, что его результаты будут вам по душе.

Тем же хриплым шепотом мисс Колумба сказала:

– Выясните, что здесь происходит. Сохраните жизнь Джерому.

Мисс Сильвер ответила очень серьезно:

– Я сделаю все, что в моих силах. Начальник полицейского участка Марч – очень хороший человек, он тоже приложит все силы. Но вы должны нам помочь. Скорее всего, он захочет обыскать дом. Будет лучше и конфиденциальнее, если вы сами разрешите ему это сделать, чтобы не пришлось брать у прокурора ордер на обыск.

– Сохраните Джерому жизнь, – повторила мисс Колумба и вышла, не сказав больше ни слова.

Полчаса спустя она лично разрешила Рэндаллу Марчу искать все, что он захочет, где ему будет угодно. После этого удалилась в сад, где старик Пелл, увидев застывшее в угрюмой гримасе лицо мисс Колумбы, не решился перечить, позволив ей самой распорядиться ранним горохом. Потом он сказал Уильяму, что горох все равно померзнет, и они долго после этого обсуждали плачевные последствия женских капризов.

Обыск начался в два часа дня. Когда последний из обутых в тяжелые сапоги полицейских спустился по изношенной лестнице в подвал, мисс Сильвер направилась по коридору в кухню. В

руке у нее была чашка, а на лице застыло выражение простодушного любопытства. Если все эти ухищрения были направлены на то, чтобы иметь оправдания на случай, если ее сочтут назойливой, то, надо признать, они оказались излишними, так как движение двери и мягкие шаги мисс Сильвер остались незамеченными, и не без основательной причины. Миссис Роббинс стояла у плиты, размешивая что-то в большой кастрюле и судорожно рыдая, а ее муж, демонстративно повернувшись к ней спиной, созерцал булыжник двора, куда выходило окно кухни.

Роббинс заговорил с явным раздражением, видимо, повторяя только что сказанное.

– Прекрати, Лиззи! Что толку думать обо всем этом?

– Мне жить не хочется! – ответила на это миссис Роббинс.

Мисс Сильвер отступила от двери в коридор и остановилась, продолжая слушать.

Миссис Роббинс продолжала рыдать. Потом, немного успокоившись, заговорила тоном, в котором сквозило беспросветное отчаяние.

– Я не знаю, чем все это закончится, я правда не знаю! – Помолчав, она продолжила: – Я больше не могу это выносить – сначала мистер Генри, потом мистер Пилгрим, теперь еще мистер Роджер и мистер Джек. Похоже, что над этим домом висит какое-то проклятие!

– Не говори глупостей, Лиззи!

Она напустилась на мужа, продолжая судорожно всхлипывать:

– Конечно, это же так глупо – любить людей! Ты всю жизнь издевался надо мной, как хотел, и в этом, конечно, нет твоей вины! Ты был тяжелым, жестоким мужем, Альфред, и ты был жестоким отцом для нашей бедной девочки, которая из-за этого ушла от нас. Если бы ты не был таким, ей не пришлось бы прятаться, когда она попала в беду.

Он рывкнул на жену, но она не дала ему заговорить.

– Да, сейчас ты скажешь, что любил ее, и, наверное, ты и правда по-своему ее любил, но ты любил ее хорошенькое личико, ты гордился ее умом, потому что ее достоинства возвышали тебя в твоих глазах. Это не любовь, Альфред, это гордыня, а она ведет к падению – так сказано в Писании. Ты должен был привезти ее сюда, чтобы похоронить, но ты не сделал этого, и я не могу тебе этого простить. Ты оставил ее и дитя лежать среди чужих людей, потому что не смог привезти ее. Еще бы, ведь это задело бы твою гордыню!

– Лиззи! – воскликнул он. – Это неправда, и не тебе об этом говорить! Может быть, я сделал больше, чем ты думаешь, чем ты знаешь. Я сделал для нее больше, чем ты! Есть разные способы показать, что ты думаешь о людях.

– Ты даже забыл о ее дне рождения, – заливаясь слезами, бросила ему упрек миссис Роббинс.

В конце коридора стукнула дверь и раздались приближающиеся шаги. Мисс Сильвер неохотно повернула назад навстречу Глории и, подойдя, протянула ей чашку:

– Нельзя ли налить немного кипятка, если вам, конечно, не трудно. Мне не хочется заходить на кухню, но если вы...

– Ладно, сделаем! – радостно ответила Глория, чем едва не заставила мисс Сильвер содрогнуться, взяла чашку, убежала на кухню и очень быстро вернулась с полной чашкой.

– Роббинсы опять ругаются, – доверительно сообщила она. – Что проку в таком браке, зачем он нужен? Чтобы каждый день ссориться? Они страшно расстроены, что в доме полиция. Он орет на нее, а она на него. Точно вам говорю, мама очень расстраивается из-за этого. Но во всем этом есть что-то интересное, и я бы побывала тут, но у меня смена кончилась. Если бы я в другой день захотела слинять пораньше, то меня черта с два бы отпустили, а сегодня я, видите ли, всем мешаю. Роббинс, и мисс Колумба, и миссис Роббинс – все говорят, чтобы я выметалась. Вот мама удивится, что я так рано приду!

Она, громко топая, бегом спустилась с лестницы и от всей души хлопнула дверью.

Мисс Сильвер, вылив полчашки в раковину буфетной, оставила ее в сушилке, пересекла холл и вошла в кабинет, оставив дверь приоткрытой. Время, казалось, застыло на месте. В доме ничего не происходило. Мисс Джанетта объявила, что совершенно обессилела, и мисс Дэй, получив на руки второго инвалида – куда более требовательного, чем капитан Пилгрим, – разрывалась на части и не могла при всем желании спуститься вниз. Мисс Сильвер не имела ни малейшего понятия, где находятся остальные, но на самом деле их отсутствие ее не особенно расстраивало.

Когда за дверью раздались шаги, мисс Сильвер вышла в холл. Там она увидела Рэндалла Марча, который увел ее обратно в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь.

– Итак, – произнес он, – вы были правы.

– Господи, Рэндалл, я просто потрясена! – вырвалось у мисс Сильвер.

Это было искреннее признание. У мисс Сильвер не было привычки громко радоваться своему торжеству, как не любила она и беспричинного смирения. Она и в самом деле была не на шутку потрясена.

Марч кивнул:

– В дальнем конце подвала, за сваленными в кучу старыми стульями, мы нашли дверь, ведущую во внутренний погреб. Тело мы обнаружили в железном сундуке. Нет сомнения, что это труп Генри Клейтона.

Они молча посмотрели друг на друга.

– На самом деле это просто ужасно, – сказала мисс Сильвер.

Рэндалл Марч помрачнел:

– Ваша версия подтвердилась вполне материально. Она, видимо, полностью соответствует фактам. Кто-то позвал Клейтона назад, под надуманным предлогом заманил его в лифтовый холл и убил. Все дальнейшее расследование пойдет, как предсказали вы. Я собрал висевшее на стенах холодное оружие и сделал соскобы с пола лифта – это может понадобиться криминалистам. К счастью, пол сделан из некрашеного дерева, но все же прошло уже три года... – Он вскинул руку и резко сменил тон: – Я предложу начальнику управления обратиться в Скотленд-Ярд и попросить их прислать сюда Эббота как представителя. Они, несомненно, вмешаются в расследование убийства, а Эббот занимался расследованием исчезновения Клейтона. Думаю, никаких затруднений не возникнет. Ну вот, а теперь мне надо идти звонить по телефону начальству.

Глава 20

Джуди Элиот услышала топот ног и остановилась у выхода на черную лестницу возле ванной. До ее слуха донеслись обрывки разговоров, от которых у нее зашевелились волосы на голове. Что-то случилось, что-то новое и не менее ужасное. Это было ясно, но не было понятно, что именно произошло. От этой неизвестности становилось еще страшнее. Если знаешь, что происходит, то, призвав на помощь разум, можно справиться с ситуацией. Но если не знаешь, то неизвестность превращает тебя в дикаря, приходящего в ужас от того, что он неспособен понять.

Топот прекратился. Джуди спустилась на несколько ступенек и увидела в самом начале лестницы миссис Роббинс. Ее лицо было белым как мел. С миссис Роббинс Джуди практически не разговаривала; все их общение сводилось к обмену приветствиями по утрам. Роббинсы не хотели, чтобы Джуди жила в доме, и давали ей это почувствовать. Но сейчас, видя, что миссис Роббинс держится за перила и смотрит в пространство так, словно видит там привидение, Джуди бросилась к ней.

– Что с вами? – крикнула она. – Что случилось?

Миссис Роббинс протянула руку и схватила Джуди за плечо. Смертельный холод пальцев миссис Роббинс Джуди ощутила даже сквозь ткань одежды.

– Миссис Роббинс, что с вами? Вы больны?

Женщина едва заметно отрицательно качнула головой. Ледяная хватка стала еще сильнее. Шевельнулись побелевшие губы:

– Они нашли мистера Генри.

По спине Джуди пробежал нестерпимый холод. По крайней мере раз в неделю Джуди слышала один и тот же рассказ Глории о том, как три года назад мистер Генри Клейтон вышел из дома накануне своей свадьбы и исчез – исчез навсегда и бесследно. Джуди лишилась дара речи, голос отказался ей повиноваться. Наконец она произнесла севшим, чужим голосом:

– Он же ушел...

Миссис Роббинс снова едва заметно качнула головой и едва слышно прошептала:

– Все это время он пролежал в погребе – его убили и засунули в железный сундук. Альфред говорит, что он получил по заслугам, но я так не думаю. Нельзя так поступать с человеком, что бы он ни сделал, ни в коем случае нельзя. Но Альфред говорит, что так ему и надо.

Джуди все больше и больше становилось не по себе. Вид миссис Роббинс, ее замогильный шепот – все это порождало в душе Джуди невыразимый ужас. Джуди не знала, что сказать.

Миссис Роббинс рывком отпустила ее руку и начала подниматься по лестнице. Сначала раздавался мерный звук ее медленных шагов, а потом донесся глухой стук чердачной двери. У Джуди у самой подкашивались ноги, когда она по коридору шла к своей двери. Она решила побыть одна, чтобы собраться с силами и прийти в себя. Людей убивают каждый день – об этом пишут все газеты. Не было никакого смысла в ощущении холодной пустоты в груди и трясущихся ног – как у куклы, у которой изнашивались резинки и разболтались суставы целлулоидных конечностей, – только из-за того, что три года назад убили незнакомого ей Генри Клейтона.

Пока она стояла перед дверью своей комнаты, в ее мозгу внезапно что-то звонко щелкнуло – как скрипичная струна, которую ущипнул музыкант, – и внутренний голос тихо произнес: «Генри Клейтона убили три года назад, а Роджера Пилгрима – вчера, а это значит, что убийца до сих пор находится в доме. Кто станет завтра его следующей жертвой?»

Красный ковер, которым был застлан коридор, расплывался перед ее глазами и кренился набок. Джуди протянула руку и ухватила за косяк двери, чтобы не упасть к двери ванной Джерома Пилгрима. Не успела она подумать об этом и о том, как удивится Лона Дэй, как дверь спальни капитана Пилгрима открылась, и он вышел в коридор, сделав Джуди знак подойти.

Джуди сразу вспомнила, что она – горничная, и пол тотчас встал на место. Джером прижимал палец к губам, и Джуди, повинаясь этому безмолвному приказу, молча пошла к нему по середине красного ковра.

Капитан Пилгрим взял ее за руку, увел в комнату и закрыл за собой дверь.

– Что здесь происходит?

Что в такой ситуации должна делать бедная горничная? Если бы она знала, что лгать невротичку-инвалиду – это часть работы горничной, она бы трижды подумала, стоит ли на нее соглашаться, ибо никогда в жизни Джуди не лгала. Что-то внутри у нее взорвалось от ярости. Почему она должна лгать? Какая может быть польза от лжи? Он должен знать все.

Джером взял в руки трость, но не стал на нее опираться. На губах его дрогнула едва заметная улыбка. Он ободряюще произнес:

– Прекратите измышлять удобную ложь и скажите правду – вам это пойдет гораздо лучше. Это дело Лоны – пичкать меня сладким сиропом, так что говорите, пока она не вернулась и не вывела вас отсюда за ухо. Почему в доме полно полицейских?

– Откуда вам это известно?

– Я смотрел в окно из комнаты тети Колумбы и видел, как они приехали. Что им нужно?

Джуди сдалась:

– Они обыскали дом.

– Но здесь обыска не было. – Он проковылял до кресла и сел на его подлокотник. – Марч предъявил ордер на обыск, или тетя Колумба сама разрешила его произвести?

– Думаю, что мисс Колумба добровольно согласилась на обыск.

– И где был этот обыск?

Когда Джуди ответила, что в погребах, ей снова едва не стало дурно. Она подошла к стулу и села на краешек. Джером Пилгрим взгляделся в ее побледневшее лицо и спросил:

– Они что-нибудь нашли?

Джуди молча кивнула, понимая, что если заговорит, то наверняка расплачется. Она увидела, что Джером снова взялся за трость.

– Полагаю, они нашли Генри.

Джуди кивнула.

Он молчал, казалось, целую вечность, потом встал и снял домашний халат.

Джуди тоже встала.

– Что вы собираетесь делать?

Капитан Пилгрим был полностью одет, не хватало только пиджака, который он теперь и надел.

– Мне надо поговорить с Марчем, но я не хочу ругаться из-за этого с Лоней. Помогите мне, дитя мое. Шляпа, пальто и шарф в шкафу. Отнесите их в коридор первого этажа и позаботьтесь о том, чтобы их никто не видел, пока я буду говорить с Марчем, а потом я оденусь и ненадолго уйду.

– Уйдете? – Джуди воскликнула это с таким изумлением, что Джером невольно улыбнулся.

– Я же не похороненный здесь мертвец, – сказал он и добавил:

– Кто-то должен сказать об этом Лесли, и мне кажется, что это должен сделать я.

Глава 21

Начальник участка Рэндалл Марч положил на рычаг телефонную трубку и, подняв голову, увидел входившего в кабинет Джерома Пилгрима. Отодвинув стул, Марч встал, чтобы поздороваться с капитаном Пилгримом. Никаких церемоний в этой встрече не было.

– Приветствую вас, мой дорогой друг! – воскликнул Рэндалл. – Вы уверены, что это вам по силам?

– Да, но все же я хочу сесть.

Усевшись на стул, Джером некоторое время молчал.

– Вы не будете возражать, если при нашем разговоре будет присутствовать мисс Сильвер? Не знаю, известно ли вам это, но она – частный детектив, которого нанял Роджер...

Джером поднял руку:

– Да, я знаю, он мне говорил. Да, пусть мисс Сильвер останется. Я слышал, что вы обыскали подвал.

– Да.

– И нашли там Генри.

– Да.

– Вы расскажете мне об этом?

Марч рассказал.

– Значит, это было убийство. Его убили.

– Да.

– Как именно?

– Точно мы узнаем это после вскрытия. Пока похоже, что его закололи ударом в спину. В одежде есть отверстие от клинка. Одежда очень хорошо сохранилась. Орудия убийства на месте обнаружения тела мы не нашли. Могу я спросить, кто рассказал вам об этом?

Джером подался вперед и поставил локти на стол, подперев ладонями подбородок.

– Джуди Элиот, – ответил он.

– Кто сказал ей?

– Не знаю, спросите ее сами, она в холле.

Марч подошел к двери, открыл ее и громко позвал:

– Мисс Элиот!

Вошла Джуди с вещами капитана Пилгрима. Марч забрал у нее одежду и снова сел за стол. Слева от него в викторианском кресле, словно привезенном из ее собственной квартиры, сидела за вязанием мисс Сильвер.

Джуди не знала, как ей ко всему этому отнестись. Похоже, она сделала то, чего делать в принципе не следовало. Она стояла и ждала, что скажет ей Марч. Красивый полисмен предложил ей стул, но сидеть Джуди не хотелось. Стоя человек выглядит более внушительным.

– Мисс Элиот, капитан Пилгрим утверждает, что это вы рассказали ему, что в погребе нашли тело мистера Клейтона. Откуда вы об этом узнали?

Джуди рассказала о своей встрече на лестнице с миссис Роббинс.

– Она мне сказала: «Они нашли мистера Генри».

– Это было все, что она сказала?

Все трое одновременно посмотрели на нее. Тошнотворное ощущение вернулось и навалилось на Джуди всей своей непомерной тяжестью. Она отрицательно покачала головой – это было легче, чем говорить.

– Вы сообщите нам, что именно она сказала?

Теперь ей придется говорить – хочет она того или нет. Она вспомнила все слова, сказанные миссис Роббинс, но как же трудно было произнести их вслух.

– Его засунули в железный сундук, и Альфред говорит, что он получил по заслугам.

– Вы уверены, что она сказала именно это?

Джуди кивнула:

– Да, а потом она еще раз повторила это в конце. Сказала, что не важно, что он сделал, но человека нельзя так хоронить. Она повторила это дважды, а потом добавила: «Но Альфред говорит, что он это заслужил». – Она умолкла и посмотрела на Марча потемневшими глазами. – Потом я поднялась по лестнице. Я была сильно расстроена. Меня увидел капитан Пилгрим и спросил: «Что происходит?»

Джером поднял голову:

– Теперь оставьте это дитя в покое. Мисс Элиот просто позеленела, когда я вытягивал из нее правду. Она не хотела мне ничего говорить, но едва ли можно было ожидать, что я останусь безучастным к тому, что творится в доме. Я не глухой, а у ваших полицейских очень тяжелая поступь. – Он встал. – Спасибо, это все, что я пока хотел узнать. Мы поговорим, когда я вернусь. Я сейчас пойду к мисс Фрейн.

На мгновение в кабинете повисла тишина. Потом Марч, не прибегая к официальному тону, сказал:

– Вы уверены, что справитесь?

– Да, спасибо. Подайте мне пальто, Джуди. Вы можете пойти со мной и навестить Пенни.

Они вышли из кабинета вместе.

Мисс Сильвер продолжала вязать. Рэндалл Марч обернулся к ней. В его глазах явственно читалось отчаяние.

– Ну и?..

– Я не знаю, что сказать, Рэндалл.

– Я не смог уговорить его не ходить к мисс Фрейн.

– Как бы вы могли это сделать?

– Что вы теперь думаете о Роббинсе, исходя из слов миссис Роббинс в передаче Джуди Элиот?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Думаю, что Джуди повторила то, что слышала. Она употребила нетипичные для нее обороты речи. Она просто повторила то, что слышала от миссис Роббинс.

– Да.

Джуди и Джером Пилгрим прошли по застекленной галерее на улицу. Пилгрим так давно не выходил из дома, что все вокруг казалось ему необычным и странным. Когда долго не видишь какие-то вещи, воспринимаешь их по-новому. По небу, оставляя синие щели, плыли серые облака. Лицо обдувал прохладный влажный ветер. Зима выдалась сухой, и в канаве на противоположной стороне улицы было мало воды. В другой ситуации эти впечатления переполнили бы Джерома, но сейчас он смотрел на все, словно через темное стекло.

Они дошли до середины ворот конюшни, когда сзади раздался звук торопливых шагов. Оглянувшись, они увидели раскрасневшуюся Лону Дэй.

– Капитан Пилгрим!

Он остановился, опершись на трость.

– Прошу вас, идите домой, Лона. Мне надо повидать мисс Фрейн. Я скоро вернусь.

Она в изумлении уставилась на него.

– Я увидела вас из окна мисс Джанетты и не поверила своим глазам. Вам нельзя этого делать, вы не выдержите. Прошу вас, возвращайтесь, очень вас прошу! Джуди, вам не следовало это допускать – вы очень, очень плохо поступили.

– Оставьте в покое Джуди. Мои действия не имеют к ней никакого отношения, и я буду вам весьма обязан, если вы прекратите эту безобразную уличную сцену. Я скоро вернусь. – Он повернулся и пошел дальше.

Постояв мгновение на месте, Лона решила вернуться в дом. Действительно, от уличной сцены не было никакой пользы. Она огляделась. Никогда не знаешь, кто может выглянуть из окон этих деревенских домиков. В деревне найдут, о чем посплетничать, и без этого. Все подумают, что она выбежала вслед за Пилгримом, чтобы что-то ему сказать.

Лесли Фрейн была безмерно удивлена, когда пожилая горничная, открыв дверь, объявила:

– Капитан Пилгрим.

Она вышла в прихожую, протянув руки ему навстречу:

– Джером, дорогой мой, я просто восхищена вами!

В прихожей капитан Пилгрим снял пальто и шляпу, прислонил к стулу трость и пожал протянутую руку мисс Фрейн.

– Давайте присядем, Лес, вот здесь, на диван.

Когда они сели, Лесли посмотрела на Джерома с серьезным интересом.

– Дорогая моя, я пришел вам кое-что сказать.

Лесли Фрейн немного побледнела.

– В чем дело, Джером? Мне звонила мисс Колумба и рассказала о Джеке.

– Я расскажу вам не о Джеке, дорогая мисс Фрейн.

Джером все еще держал ее за руки, и она чувствовала, что он сдвигал их сильнее. Затем он тихо произнес:

– Это касается Генри...

– Да, я слушаю вас. – Она высвободила руки и внимательно посмотрела на них, потом сказала: – Он мертв.

– Да, моя дорогая.

Прошло не меньше минуты, прежде чем она снова заговорила:

– Расскажите мне все.

– Лес, он умер уже очень давно.

– Когда?

– Три года назад.

Она посмотрела на Джерома, затаив дыхание.

– Он умер той ночью?

– Да.

– Как это случилось?

– Лес, вы храбрая женщина...

– Говорите, – перебила она его.

– Его убили. Полицейские думают, что его ударили ножом в спину.

– О-о-о... – Лесли Фрейн испустила долгий тяжкий вздох.

– Сегодня нашли его тело. Марч обыскал подвал. Генри был там, в маленьком погребке, в дальнем конце, за грудой старой мебели.

Он снова взял ее за руки, и она не стала сопротивляться.

– Значит, все это время... О, Джером!

Они надолго замолчали. А когда снова были готовы заговорить, кто-то постучал в дверь. Лесли встала и вышла из комнаты. Джером не понял, с кем она говорила и что говорил пришедший, но слышал безмятежный голос Лесли, отвечавшей обычным спокойным тоном:

– Нет, сейчас я не могу прийти, у меня капитан Пилгрим... Скажите ей, что этого делать не надо, это сильно меня разочарует. Скажите, чтобы она помнила свое обещание.

Она закрыла входную дверь и вернулась к Пилгриму.

– Джером, кто это сделал?

– Я не знаю.

– Кто мог это сделать? Не могу даже вообразить. Я сейчас не могу ни думать, ни чувствовать. Это такое, такое... потрясение. Кажется, это просто невозможно. Я подозревала, что он умер, долго об этом думала, но не могла себе даже представить, что его могли вот так убить.

– Бедняжка!

Она жестко посмотрела ему в глаза.

– Нет, не надо так сильно меня жалеть. Все не так просто. Я скажу вам откровенно – я не собиралась выходить за него замуж.

– Не собирались?

– Нет, кое-что произошло – сейчас это не имеет никакого значения, – и я не могла делать вид, будто ничего не случилось. Я бы сказала ему об этом, если бы он пришел, но он не пришел.

– Кто-нибудь знает об этом?

– Нет.

– Значит, я буду хранить это при себе.

– Я посмотрю, как мне поступить. Если смогу, то я ничего не стану рассказывать, но полиция начнет задавать вопросы, а мне не хочется лгать.

– Но три года назад вы говорили полицейским, что размолвка между вами была пустяковой.

– Сама по себе она и была пустяковой. Но потом случилось еще кое-что, и я почувствовала, что не смогу. Когда Генри позвонил и сказал, что придет, я приняла решение разорвать нашу помолвку. Но потом, когда он исчез и дело было предано огласке, я подумала, что не стоит усугублять ситуацию. Я ведь не порвала с Генри – он не знал, что я собиралась это сделать, и, поэтому мое решение никак не могло повлиять на его исчезновение. Мое решение так и осталось при мне. Я не рассказывала об этом никому, кроме вас.

Глава 22

Фрэнк Эббот приехал на следующий день. Около получаса он совещался за закрытыми дверями с Марчем и мисс Сильвер, а затем полицейские послали за Роббинсом. Он пришел. В его внешности не было заметно ничего необычного – те же неприметные черты, болезненный цвет лица, отсутствие каких-либо особых эмоций.

Фрэнк достал блокнот и принялся записывать, как только начался допрос.

– Вам известно, что вчера в подвале был найден труп?

– Да, сэр.

– Вам известно, чей это труп?

– Полагаю, сэр, что это труп мистера Генри. – Роббинс откашлялся. – Это было сильное потрясение для всех нас.

– Что позволило вам предположить, что было обнаружено тело именно мистера Генри Клейтона?

– Об этом говорили все, сэр.

– Я спросил, что позволило именно вам это предположить.

– Я не могу это объяснить – это просто пришло мне в голову.

– Вы услышали, что в подвале нашли труп, и сразу подумали, что это тело мистера Клейтона?

– Да, сэр.

– Почему?

В лице Роббинса ничего не изменилось, когда он ответил:

– Мне всегда казалось странным его исчезновение – он пропал, и никто больше о нем не слышал. Я всегда – невольно – думал, что он мертв.

– Кто сказал вам о том, что найден труп?

– Я слышал, как об этом говорили двое полицейских.

– И вы сразу сказали об этом жене?

– Мы оба слышали этот разговор.

Марч сидел за столом, Эббот писал, а мисс Сильвер безмятежно вязала. Роббинс, неохотно севший на предложенный ему стул, сидел неестественно выпрямившись – словно проглотил шомпол. Белая льняная рубашка резко контрастировала с темно-землистым цветом лица и почти черными волосами, обильно помеченными сединой.

«Какое странное лицо, – подумал Марч. – Интересно, какие мысли прячутся за его фасадом?» Вслух он произнес другое:

– В разговоре с женой вы произнесли фразу: «Он получил по заслугам»?

– Зачем бы я стал это говорить?

– Ваша жена передала эту вашу фразу мисс Элиот.

– Миссис Роббинс была страшно расстроена, сэр. Она знала мистера Генри еще мальчиком. Мне неизвестно, что она сказала мисс Элиот, но она была в такой истерике, что могла наговорить все, что угодно.

Марч подался вперед:

– Вы не ответили на мой вопрос, Роббинс. Вы произнесли эти слова: «Он получил по заслугам»?

– Я не помню, чтобы я их произносил.

– Были ли у вас причины, или, может быть, вы думали, что они были, употребить это высказывание в отношении мистера Клейтона?

– Какие могли быть у меня причины, сэр? Я тоже знал его еще ребенком.

Марч откинулся на спинку стула и слегка нахмурился.

– Прошу прощения, что затрагиваю сугубо личную тему, но я должен спросить вас: не считали ли вы, что мистер Клейтон виноват в каких-то несчастьях вашей семьи?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, сэр.

– Боюсь, что я не приму ваш ответ. У вас случилось несчастье с дочерью. Я спрашиваю вас: вы считали виновником этого несчастья мистера Клейтона?

Нельзя сказать, что лицо Роббинса изменилось. Оно просто застыло, и на нем резче обозначились морщины.

– Мы так и не узнали, кто был виновником.

– Вы подозревали мистера Клейтона?

– Мы не знали, кого подозревать.

– Но ведь верно, что в январе сорок первого вы, узнав, что ваша дочь в Лондоне, отправились туда ее искать?

– Кто вам сказал об этом, сэр?

– Мистер Роджер Пилгрим сказал об этом мисс Сильвер.

Роббинс покосился в сторону стучащих спиц.

– Тогда, я полагаю, он сказал вам и то, что моя дочь погибла в результате бомбежки.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Он сказал мне, что вы видели ее в госпитале до того, как она умерла.

– Это был не госпиталь, а станция «Скорой помощи», мисс.

– Но вы ее там видели?

– Да, мисс.

Марч решил:

– Она сказала вам, что мистер Клейтон был отцом ее ребенка?

На землисто-темном лице не дрогнул ни один мускул. Роббинс опустил глаза, избегая взгляда Марча, и произнес:

– Она умирала, когда я пришел туда. Она ничего мне не сказала.

Мисс Сильвер снова кашлянула.

– Майор Пилгрим сказал мне, что она могла говорить.

Роббинс обернулся и посмотрел на мисс Сильвер.

– Она смогла произнести всего несколько слов, мисс. Она сказала: «Мне конец» и попросила позаботиться о ребенке – она не знала, что его убило.

– Она не упоминала имени Генри Клейтона? – спросил Марч.

– Нет, сэр, на это у нас не было времени.

– Вы хотите сказать, что надеялись, что она назовет Генри Клейтона, если бы у вас было время?

– Нет, сэр.

– Вы не затаивали злобу на мистера Клейтона и не подозревали, что он бесчестно обошелся с вашей дочерью?

– Нет, сэр.

– Тогда почему вы сказали миссис Роббинс: «Он получил по заслугам»?

– Не помню, чтобы я это говорил. Обычно я не употребляю таких выражений.

Теперь снова заговорил Марч:

– Хорошо, вернемся к тому вечеру, когда исчез мистер Клейтон. Это было двенадцатого февраля, через месяц после смерти вашей дочери и за три дня до свадьбы Клейтона. Передо мной ваши показания, я бы хотел сейчас вспомнить их вместе с вами. Здесь есть несколько пунктов, по которым вы могли бы нам помочь.

Марч напомнил Роббинсу телефонный разговор Генри Клейтона, случайно подслушанный Роббинсом, и их короткий диалог в холле.

– «Мистер Клейтон вышел из дома в чем был, сказав, что скоро вернется. Он сказал, чтобы я его не ждал, потому что он возьмет с собой ключ от парадной двери, а потом сам накинет цепочку на дверь». Это ваши слова?

– Да, это мои слова.

– Потом вы сказали, что пошли на кухню и предупредили жену, что задержитесь. Почему вы это сделали?

– Я решил дожидаться мистера Генри.

– Зачем?

– Он был очень безалаберным человеком, сэр. Мистер Пилгрим был очень щепетилен в вопросах порядка и всегда следил за тем, чтобы двери были закрыты. Я сказал миссис Роббинс, что задержусь, и вернулся в холл.

– Понятно. Сколько времени вы отсутствовали в холле?

– Не очень долго, сэр.

– Мысленно вернитесь в тот вечер, вспомните, что вы делали и говорили. Возможно, тогда нам удастся понять, сколько времени вас не было в холле.

– Я пересек холл и по коридору прошел на кухню. Миссис Роббинс была в буфетной. Я подошел к ней, сказал, что мисс Фрейн и мистер Генри, похоже, поссорились, о чем он говорил по телефону, а потом он собрался к ней улаживать отношения. Миссис Роббинс еще сказала, что уже довольно поздно, чтобы ходить в гости. Мы немного поговорили об этом, и я вернулся в холл.

– То есть вас не было в холле около пяти минут?

Роббинс ненадолго задумался.

– Ну, может быть, чуть дольше.

– Десять минут?

– Это слишком долго. Наверное, больше пяти, но меньше десяти минут – так будет верно.

– Когда вы вышли из холла... постойте-ка, какой замок у вас на входной двери? Он защелкивается сам, когда закрывают дверь?

– Да, сэр.

– Значит, мистеру Клейтону не надо было пользоваться ключом, когда он выходил?

– Нет, он должен был им воспользоваться, сэр.

– Не понял вас.

– Тогда в двери был еще старый замок, сэр. Новый замок врезали позже.

Марч присвистнул.

– Как выглядел тот ключ?

– Это был большой старинный ключ.

– Хорошо, но давайте вернемся к тому моменту, когда вы покинули холл. Парадная дверь в тот момент была закрыта?

Роббинс недоуменно уставился на Марча:

– Ее запер мистер Генри, когда вышел из дома, как мне кажется.

– Была ли дверь закрыта, когда вы вернулись в холл? Вы попробовали открыть дверь, прежде чем накинуть цепочку?

– Да, дверь была закрыта.

– С того момента на дверь была накинута цепочка. Когда вы открыли дверь?

– Я не мог ее открыть, сэр. Я заснул в кресле, потому что слышал, как часы пробили двенадцать, а потом проснулся, когда они пробили шесть. Дверь была закрыта, цепочка – накинута. Я ждал до восьми часов, а потом поставил в известность обо всем мистера Пилгрима. Мы не смогли открыть дверь, потому что ключ был у мистера Генри. Нам пришлось вызывать слесаря, делать новый замок и ключ.

Мисс Сильвер негромко кашлянула и спросила:

– Вы не пытались открыть дверь, прежде чем уйти из холла к жене?

– Нет, мисс.

– Тогда откуда вы можете знать, что мистер Клейтон запер дверь за собой?

– Но для этого он и взял с собой ключ.

– Но вы же не могли знать наверняка, воспользовался он им или нет, не так ли? Вы только что сказали, что он был довольно безалаберным человеком. В тот момент он думал о предстоящем разговоре с мисс Фрейн и вполне мог взять ключ, но забыть запереть дверь. Может быть, он и не собирался ее запирасть, решив, что все равно скоро вернется. Это ведь вполне возможно, не правда ли?

Роббинс наконец поменял положение, подвинувшись немного ближе к спинке стула и положив руки на колени. Лицо его по-прежнему ничего не выражало, правой рукой он поглаживал ткань брюк.

Фрэнк Эббот размышлял: «Она думает, что кто-то вышел из дома, окликнул Генри и позвал его в дом. Если кто-то действительно это сделал, то дверь была не закрыта, потому что иначе этот кто-

то не смог бы выйти вслед за Генри. Это был единственный промежуток времени, когда он мог войти в дом незамеченным – в те пять – десять минут, пока не было Роббинса, если, конечно, не сам Роббинс позвал его назад. В этом случае Роббинс не отлучался из холла, но зачем ему тогда понадобилось выпустить Генри из дома, а потом звать его назад, чтобы убить? В этом нет никакого смысла. Он не мог знать, что Лесли будет смотреть в окно. Я не могу связать здесь концы с концами. Может быть, получится у Моды».

Он услышал, как Роббинс ответил:

– Не знаю, мисс.

Мисс Сильвер тотчас уцепилась за этот ответ.

– Роббинс, никто не говорил, что вы глухой, но я заметила, что у вас нелады со слухом. Если мистер Клейтон запер дверь, то вы, вероятно, не услышали скрежет ключа в замочной скважине?

Роббинс ответил не сразу:

– Нет, я ничего не слышал.

– Вы не привыкли к этому звуку и не могли его пропустить. Но на самом деле вы не могли знать – и не знали, – запер ли мистер Клейтон дверь.

Наступила долгая пауза.

– Нет.

Последовали другие вопросы, но они так и не позволили выяснить что-то новое. В самом конце мисс Сильвер задала вопрос, казалось бы, не имевший никакого отношения к делу:

– Вы служили во время прошлой войны? Вы были во Франции или на Востоке?

Вопрос явно удивил Роббинса.

– Я служил в территориальных войсках, мисс. Нас отправили в Индию.

Мисс Сильвер согласно наклонила голову.

– Да, я помню – территориальные полки были отправлены в Индию. Вы были там довольно долго, как я понимаю?

– Да, мисс, но мистер Пилгрим меня не уволил – он ждал, когда я отслужу и вернусь.

Когда Роббинс был уже в дверях, Марч окликнул его:

– Вам знакома эта вещь?

Рэндалл извлек из коричневого конверта ключ и положил его на лист белой бумаги. Ключ был очень красив старинной работой и тремя тщательно выкованными кулачками бородавки.

Роббинс мрачно покосился на ключ.

– Да, сэр, – ответил он.

– Это старый ключ от парадной двери?

– Да. – Роббинс помолчал, а потом спросил: – Можно узнать, где вы его нашли, сэр?

Марч посмотрел Роббинсу в глаза:

– А как вы думаете?

– Я могу думать все, что мне вздумается, сэр, но это не предмет для гадания.

– Конечно, нет, Роббинс. Этот ключ нашли в кармане пиджака мистера Клейтона.

Глава 23

С Фрэнком Эбботом Джуди встретилась в верхнем коридоре. Они некоторое время смотрели друг на друга, а потом Фрэнк нарушил молчание:

– Марч хочет побеседовать с мисс Джанеттой. Я сказал ему, что она хочет написать ему записку.

Джуди не смогла скрыть удивления.

– У Диккенса есть одна старая дама, которая, умирая, написала: «Розовую занавеску для докторов». Может быть, это была прабабушка тети Нетты?

– Мисс Джанетта не умирает, – сдержанно заметила Джуди и внезапно вздрогнула. – Не говори о смерти, я этого не вынесу.

– Ну конечно же, не умирает. Так, почему-то вспомнилось.

Он обнял ее за талию, завел в большую пустую спальню и закрыл дверь, потом обнял ее второй рукой и несколько раз поцеловал.

– Ты дуручка, да? – произнес он непривычно дрожащим голосом.

– Это было ужасно...

– Детка, я же тебя предупреждал, но ты не послушалась.

Он еще раз поцеловал ее, но на этот раз Джуди его оттолкнула.

– Фрэнк, известно, кто это сделал?

– Пока нет. Слушай, Джуди, я хочу, чтобы ты сегодня же отсюда ушла.

– Я не могу.

– Нет, можешь, еще как можешь. Ты можешь приходить сюда днем, делать свою работу и уходить на ночь. Я договорюсь с Лесли Фрейн – она тебя приютит.

– Пенни находится там, – сказала Джуди, – и это единственное, что имеет значение.

– Но ты имеешь значение для меня. Я все улажу.

– Нет, я никуда отсюда не уйду. Я живу рядом с мисс Сильвер, и дверь в спальню запирается на ключ. Да и потом, кто будет меня убивать? – Она снова вздрогнула. – Не смотри на меня так. Я никуда отсюда не уеду.

– Ты поступаешь глупо, – сухо сказал Фрэнк. – Если у Джерома начнутся приступы, тебе будет очень несладко по ночам. Я слышал, что приступ у него был пару дней назад.

– Прошлой ночью у него ничего не было.

– Может быть, ему дали успокоительное.

– Ему дают успокоительное всегда, но два дня назад приступ все равно был.

Он внимательно посмотрел на нее:

– Что выбило его из колеи, как ты думаешь?

– Визит мисс Фрейн, – без всякого выражения ответила Джуди. – Смотри, у него начинается приступ после прихода Лесли, но нет приступов после того, как Роджер вываливается из окна, или после того, как находят тело Генри. Тебе не кажется это странным?

– Кажется.

Он снова поцеловал ее, на этот раз не так страстно, и пошел к двери.

– У меня совершенно нет времени на себя. Бывают моменты, когда надоедает быть полицейским. Зайди к мисс Джанетте и спроси у нее, когда она будет готова побеседовать с Марчем. Только не надо говорить, что ей плохо или что-нибудь в этом духе. Марч серьезно намерен с ней поговорить, и никакой Дэйли ему не помешает.

Он стал ждать, и ждать ему пришлось довольно долго, но в конце концов Джуди вернулась и сказала, что мисс Джанетта примет инспектора Марча через двадцать минут и при этом надеется, что его визит будет, по возможности, коротким, так как она совершенно выбилась из сил.

Фрэнк Эббот спустился в кабинет и увидел там Лесли Фрейн, которая подала ему руку и дружески улыбнулась. Он, как всегда, подумал, что она очень милая женщина, и какая жалость, что она не вышла замуж и не родила собственных детей, вместо того чтобы возиться с эвакуированными. Хотя, конечно, для них это было очень кстати.

Фрэнк сел, достал блокнот и принялся записывать бесконечную череду вопросов и ответов. На ее месте он бы уклонился от некоторых вопросов, но мисс Фрейн, сохраняя достоинство, отвечала на вопросы без торопливости, какой, казалось бы, требовали некоторые из них. Марч проявлял предупредительность, но ему надо было исполнять свои обязанности, а они заключались в том, чтобы выяснить мотив убийства Генри Клейтона.

– Прошу меня простить, мисс Фрейн, за то, что вынужден задавать вам вопросы, на которые вы, возможно, не захотите отвечать по личным причинам. При расследовании обстоятельств исчезновения Генри Клейтона свидетели упомянули о размолвке, произошедшей между вами в тот день. Можете ли вы указать причину размолвки?

– Боюсь, что нет. Это сугубо частное дело.

– В ходе расследования убийств часто раскрываются многие частные дела. Когда вы давали показания в прошлый раз, у нас не было никаких причин предполагать, что Генри Клейтон мертв. Сейчас ситуация изменилась. Найденное в подвале тело опознано. Это на самом деле Генри Клейтон. Его имя значится на ярлычке, пришитом к пальто. Обнаруженный на Клейтоне перстень с печатью опознан Джеромом Пилгримом. У нас нет никаких сомнений в том, что это убийство. Представляется вероятным, что он по какой-то причине вернулся в дом после того, как вышел оттуда. В доме он был заколот возле лифта или в лифте, соединяющем первый этаж с подвалом. В качестве орудия убийства использовали кинжал из висевшей на стене коллекции холодного оружия. Мы нашли следы крови на клинке одного из них. Кроме того, следы крови обнаружены и в соскобах с пола лифта. В такой ситуации, как вы понимаете, я вынужден просить вас ответить на мой вопрос. Причина размолвки между вами и Клейтоном может пролить свет на мотивы преступления.

– Я очень сильно в этом сомневаюсь.

– Возможно, вам трудно об этом судить. Вы не хотите изменить свое решение?

В ответ Лесли отрицательно покачала головой:

– Это будет нечестно с моей стороны и может причинить вред невиновным.

– Вы хотите сказать, что ваша ссора была связана с женщиной?

– Это была, собственно говоря, не ссора. Эта размолвка не поможет вам приблизиться к разгадке. Мы просто разошлись во взглядах на одну вещь – и это все.

– Вы не могли бы остановиться на каких-то деталях без упоминания имен?

Мисс Фрейн задумалась, потом проговорила:

– Да, я могу это сделать. Эта тема возникла случайно во время нашего разговора. Я приняла одну точку зрения, а Генри – другую.

– О чем шла речь?

– Речь шла о незамужней женщине, родившей ребенка. Я придерживалась мнения, что ребенок нуждается в обоих родителях и это его право должно перевешивать все остальные соображения.

– А Клейтон?

– Он не согласился со мной. Сказал, что мужчина, конечно, должен платить, но не несет никакой иной ответственности. Так говорят очень многие мужчины. Так что никакой ссоры не было.

Марч внимательно посмотрел на нее:

– Вы обсуждали то, что случилось с Мэйбл Роббинс?

Мисс Фрейн мгновенно залилась краской.

– Нет, конечно, нет!

– Я не понимаю, почему вы говорите «конечно». Вы же наверняка знали эту девушку.

– Разумеется, я ее знала. Она была само очарование.

– Значит, было бы вполне естественно, если бы вы говорили о ней, не так ли?

– Это был другой случай – случай, описанный в газетах.

– Возможно, что случай был другой, но мысленно вы все равно связали его с Мэйбл Роббинс. Это было бы естественно, не правда ли?

– Мистер Марч, неужели вы всерьез полагаете, что я могу вспомнить, что было у меня на уме три года назад?

– Думаю, что вы бы помнили, что подумали о Мэйбл Роббинс. Продолжайте, мисс Фрейн. Вы не хотели говорить, потому что не желали навредить невинному. Вы будете утверждать, что этот невинный не принадлежит к семье Роббинсов?

Мисс Фрейн посмотрела в лицо Марчу и бесстрастно произнесла:

– Знаете, я, пожалуй, действительно все расскажу. Я думала в тот момент о миссис Роббинс. Мне всегда было ее очень жалко – и я не хотела говорить ничего, что могло бы разворошить историю Мэйбл. Прошу вас, поймите меня правильно. Тот случай, о котором мы говорили, не имел никакого отношения к Генри, но я понимала, что если бы упомянула его, то в дело непременно втянули бы и Роббинсов, что в конце концов и произошло.

Марч жестко посмотрел в глаза Лесли.

– Мисс Фрейн, вы знали, что Мэйбл Роббинс умерла?

– Да, мне сказал об этом мистер Пилгрим. Он сказал мне также, что Роббинс не желает огласки, и я никогда не упоминала об этом в разговорах с другими людьми.

– Но вы знали. Вы знали об этом во время размолвки с Генри Клейтоном?

– Нет, не думаю. Мне кажется, что мистер Пилгрим сказал мне об этом позже.

– Вы уверены?

– Да, я уверена, что это произошло позже.

– Вы знали, кто был отцом ребенка Мэйбл Роббинс?

– Нет.

– Мистер Пилгрим что-нибудь говорил вам об этом?

– Да, – ответила мисс Фрейн после долгого молчания.

– Не говорил ли он, что считает Клейтона отцом ребенка?

– Он говорил, что очень этого боится.

– Роджер не говорил вам, почему он так думает?

Мисс Фрейн сильно побледнела и произнесла тихим, немного дрожащим – несмотря на все ее усилия – голосом:

– Он говорил, что ему сказал об этом Роббинс.

Глава 24

Когда Марч, постучав в дверь мисс Джанетты, вошел к ней, он обнаружил в комнате Лону Дэй. Занавески, прикрывавшие окна, были разрисованы розами и незабудками. Полотно окрашивало холодный зимний свет в розовые тона.

Рэндалл понял, что сценарий готов и все роли, включая его собственную, уже расписаны. Ему была уготована роль грубого полицейского, вломившегося в покои больной дамы.

Мисс Дэй какими-то неведомыми путями провела его по лабиринту мебели до кровати и предложила сесть на стоявший рядом с ней стул. Через пару минут Марч освоился и смог различить мисс Джанетту на фоне розовых простыней и вышитого одеяла, прикрывавшего ее до пояса. Больная нашла в себе силы сесть. На леди была надета блузка, увенчанная ярдами кружев. Волосы были тщательнейшим образом уложены в безупречную прическу. Кружевная шляпка была кокетливо украшена бутоном розы и незабудками. На пальцах были надеты дорогие перстни. Марчу показалось, что дама больше похожа на дрезденскую пастушку, чем на умирающего инвалида.

Она заговорила с ним из розового тумана:

– Прошу прощения за то, что заставила вас ждать. Для меня все это стало таким ужасным потрясением. Я не так сильна, как моя сестра. Вы не будете возражать, если при нашем разговоре будет присутствовать сиделка?

– Мне все же хотелось бы поговорить с вами наедине, мисс Пилгрим.

Мисс Джанетта прерывисто вздохнула:

– Знаете, я бы все-таки попросила вас разрешить ей остаться. Лона, дорогая, подайте мне нюхательную соль.

Лона сочувственно посмотрела в глаза Марчу и сказала:

– Думаю, будет лучше, если я действительно останусь.

Рэндалл сдался. Если он будет настаивать, то с пожилой леди, чего доброго, случится обморок, и тогда придется все начинать сначала.

Подав флакон с солью, мисс Дэй тактично отошла к окну. Мисс Джанетта обратилась к Марчу:

– Скажите, что вы хотите знать, и я, насколько смогу, отвечу на ваши вопросы. Мне правда надо беречь силы, и я надеюсь, вы мне в этом поможет.

– Я не задержу ваше внимание больше, чем это будет необходимо. Я хочу, чтобы вы рассказали мне, как в семье отнеслись к продаже имения. Когда эта идея впервые возникла?

Мисс Джанетта тотчас забыла обо всех своих недомоганиях и заговорила с неожиданной энергией:

– Это все мой брат. Не могу себе даже представить, как он до этого додумался. Такого потрясения я не испытывала ни разу в жизни. Да и Роджер тоже – решил отказаться от права наследования! Я вообще не понимаю, о чем они оба думали. Мы были просто в ужасе.

– Кого вы подразумеваете, когда говорите «мы»?

Мисс Джанетта так тряхнула головой, что слегка растрепала кудри.

– Я подразумеваю всех нас – всю семью. Моей сестре он просто разбил сердце. Она живет ради сада. К тому же – наверное, вы не поймете этого чувства – Пилгримы всегда жили в «Приюте пилигрима».

Марч сочувственно улыбнулся:

– Да, это грустно, когда такие старые родовые гнезда переходят в чужие руки. Но, как я понимаю, мистер Пилгрим твердо решил продать усадьбу и уже предпринял какие-то шаги.

Мисс Джанетта испустила тяжкий вздох.

– Он твердо решил это сделать. Он вообще был очень упрямым человеком. Если бы он не умер, то нас всех давно бы вышвырнули на улицу.

От окна к кровати неслышно подошла мисс Дэй и примирительно произнесла:

– Вы слишком много говорите, дорогая, это очень утомительно для вас.

Слова мисс Дэй пришлись совсем некстати. Ответ был едким и оскорбительным:

– Думаю, что вам лучше наведаться к Джерому и узнать, не нужно ли ему чего-нибудь. Потом можете вернуться.

Марч мысленно даже пожалел сиделку, но она, наверное, привыкла к такому обхождению. Ну и жизнь!

Мисс Дэй вышла из комнаты, и Рэндалл спросил:

– Сделка рассыпалась после смерти вашего брата?

Мисс Джанетта испустила следующий вздох.

– Да. Я вижу в этом руку Провидения. Конечно, его смерть была ужасным несчастьем, но он был очень нездоров, и, умерев, он не узнал о смерти Роджера, бедного Джека, а теперь еще и Генри.

Мисс Джанетта поднесла к глазам кружевной платок.

Марч был готов рискнуть последней монетой в кармане, побившись об заклад, что это был чисто ритуальный жест.

– Да, – сказал он вслух. – Но Роджер тоже был готов продать имение, не правда ли?

Мисс Джанетта вспыхнула до корней волос, из-за чего, в сочетании с румянами, ее лицо приняло не вполне естественный оттенок.

– И посмотрите, что из этого вышло! – сказала она.

– Моя дорогая мисс Пилгрим...

Она снова энергично тряхнула кудрями:

– Я полагаю, что вы не верите в такие вещи, но я верю. Мой брат хотел продать дом и умер. Роджер тоже хотел продать и тоже умер. Об этом есть стихи, они выбиты на каминной доске в холле:

Когда, надев паломнический плащ, оставит Пилгрим свой приют,
На том пути не ждут его ни слава, ни уют.
Останься, Пилгрим, ибо там, где видится тебе величественный храм,
Несчастья ждут тебя, и смерть бредет за ними по пятам.

– Да, я видел эти стихи, – сухо ответил Марч. – Тем не менее Генри Клейтон не продавал дом, не так ли? Как можно объяснить его смерть?

Всю живость мисс Джанетты сняло как рукой. Глаза ее потускнели.

– Не знаю, но мой брат попытался продать дом – и это повлекло за собой несчастье, и мы не знаем, кто станет следующим. Вы можете не верить в такие вещи, но я убеждена в их истинности. Если Джером попытается продать имение, с ним тоже что-нибудь случится.

– Я так не думаю, – мрачно произнес Марч.

– В «Приюте пилигрима» всегда должен жить Пилгрим, – упрямо возразила мисс Джанетта.

Ничего более ценного Рэндаллу от нее добиться не удалось. Она, правда, помнила тот вечер, когда исчез ее племянник Генри. В тот день она была сильно утомлена большим семейным вечером и ушла к себе в половине десятого. Но ей не спалось – как и всегда, она мучилась страшной бессонницей.

– Ваши окна выходят на улицу. Мисс Пилгрим, вы не слышали, как Клейтон выходил из дома?

Выяснилось, что она не слышала ровным счетом ничего.

– Я очень чувствительна к холоду и по совету доктора Дэйли всегда держу окна закрытыми.

Марч не мог избавиться от ощущения, что бессонница мисс Джанетты существовала лишь в ее воображении. Ни один человек, находящийся в этой комнате, просто не мог не услышать – если он не спал, – как открывается входная дверь.

Потом Рэндалл спустился вниз и продолжил дознание.

Мисс Колумба понесла свое упавшее настроение в сад. Ей и в самом деле было очень тяжело на душе. Какое же было облегчение сажать в ряды ямок горох под неодобрительным взглядом Пелла. Он укладывал горошины в ямки, засыпал их рыхлой землей и разравнивал. Пелла до глубины души возмущало, что мисс Колумба проделывает лунку средним пальцем, делая отдельную ямку для каждой горошины. То, что ее грядки всегда выглядели лучше, чем его, вызывало у него приступ застарелой болезненной зависти, из-за которой он постоянно жаловался Уильяму на «этих баб».

– Господь не назначал бабам возделывать землю. Землю пахал Адам, а не эта вертихвостка Ева. Дети и готовка – вот, чем должно заниматься все это бабье, – убежденно говорил Пелл. – Ходить в штанах и делать мужскую работу – это грех перед Господом, и никуда от этого не денешься.

Тяжесть, давившая на сердце мисс Колумбы, стала легче, когда она принялась сажать горох. В доме все ее жалели. Все, за исключением Джанетты, которая всегда думала только о себе. Даже Роббинс жалел, хотя в этом она не была уверена. Чужая душа потемки. Роббинс – как дерево, вся его сущность в корнях и скрыта от глаз. Она вспомнила яблоню своего детства, которая никогда не цвела и не плодоносила. Отец вырыл ее из земли. Шесть футов спутанных корней уходили вниз и продолжались дальше, в неведомую глубину, в потемки, мрак. Яблоню пересадили, положив на дно ямы большой плоский камень. После этого она начала цвести.

Раздался голос Пелла, который до этого что-то невразумительно ворчал, сея горох:

– Внученька моя пожаловала домой.

Мисс Колумба ловко проделала пальцем лунку и опустила туда горошину.

– Какая из них?

– Мэгги. Приехала покрасоваться в форме. Как-то это неправильно, скажу я вам.

– Она приехала в отпуск?

Пелл откашлялся.

– Задавака. Называет себя капралом – подумать только, аж две нашивки на рукаве. Искушение это перед лицом Господа, вот что я вам скажу.

Мисс Колумба посадила следующую горошину.

– Мэгги – хорошая девушка.

– Была хорошая, да вся вышла. Губы красит.

– Все девушки красят губы.

Пелл хрипло рассмеялся:

– Как Иезавель! Что только из нее выйдет? Скажите мне!

Мисс Колумба проделала еще две лунки, опустила в них горошины и изрекла тоном, не терпящим возражений:

– Мэгги – хорошая девушка.

Эта перебранка – странное дело – окончательно успокоила мисс Колумбу: «Пелл меня не жалеет. Если бы вся семья сейчас лежала мертвой, он остался бы таким же ворчливым и несговорчивым, каким был всегда. Такие вещи поддерживают, укрепляют в привычном мире – мире нормальных неприятностей: северо-восточного ветра, майских заморозков, града, сквозняка, зеленых мух, глистов и Пелла. Эти неприятности придают жизни устойчивость. Вот убийство – это ненормальная вещь. Это что-то, не поддающееся контролю. Что-то из области безумия и ночных кошмаров. Вывертывание мира наизнанку. Страшное действие. Убиение. Не надо думать о нем. Сажай горох. Он пустит корни, расцветет, принесет плоды, исчезнет и вернется в землю удобрением. Это естественно, а убийство не естественно. Не думай о нем. Думай о Пелле. Думай о Мэгги».

Она положила в землю еще одну горошину и сказала:

– Мне очень хочется увидеть Мэгги. Скажите ей, чтобы она зашла ко мне.

Глава 25

Марч пришел к предварительным выводам расследования после обеда. Мисс Сильвер уютно устроилась на маленьком стуле без подлокотников – они мешают вязать, а Фрэнк Эббот непринужденно уселся на ручку большого, обитого кожей кресла с таким видом, словно никогда в жизни не работал, что было очевидной неправдой, так как под правой рукой Марча лежала увесистая стопка отпечатанных им листков.

– Эббот, я просмотрел ваши записи, и, не знаю, как вы, склоняюсь к мысли, что это Роббинс.

Фрэнк согласно кивнул:

– Однако нам нужны дополнительные доказательства.

– О да. Правда, я не вижу, где мы их возьмем. Тем не менее я хотел бы обсудить и другие возможности. Может быть, попутно что-нибудь и нароем. Что-то может прийти в голову вам или мисс Сильвер.

Мисс Сильвер между тем заканчивала правый рукав свитера для Этель Беркетт. Сейчас все ее внимание было поглощено резинкой манжеты. Марч немного нервничал, проявляя нетерпение. Он полностью доверился мисс Сильвер, она не могла пожаловаться, что ее оттеснили от расследования, и Марчу казалось, что какая-то реплика с ее стороны была бы сейчас более чем уместна. Но никаких реплик не последовало. С равным успехом мисс Сильвер могла сидеть в соседней комнате. Она могла никогда не слышать о Генри Клейтоне. Вообще могла быть и в Тимбукту. Пока Марч не желал ей там оказаться, но если дело так пойдет и дальше... Он взял со стола лист бумаги, покрытый его записями:

– Я начну с Роббинса – краткие выводы. Нет никакого сомнения, что он подозревал Клейтона в том, что тот соблазнил его дочь. Возможно, она сказала ему об этом перед смертью, а возможно, что это было лишь подозрение. В этом отношении для нас важны показания мисс Фрейн. Она сообщила, что мистер Пилгрим опасался, что Клейтон действительно был виновен, сказав, что об этом говорил ему сам Роббинс. Здесь мы имеем мотив. Судя по всему, это был очень тяжелый удар для Роббинса. Он не упоминал имени дочери, не привез ни ее, ни ребенка сюда, чтобы похоронить их на деревенском кладбище – миссис Роббинс очень тяжело это переживала, – и более того, он даже не сказал никому, что его дочь погибла. Все это говорит о том, что эта беда очень глубоко и, я бы сказал, аномально задела его. И вот, через месяц после трагической гибели дочери и ее ребенка во время воздушного налета, Генри Клейтон приезжает в имение, чтобы жениться на другой женщине. Это, мне кажется, еще больше усилило мотив. Что касается возможностей, то у него их было больше, чем у кого бы то ни было. Рассказ Роббинса о том, что случилось в тот вечер после половины одиннадцатого, подтверждается только одним обстоятельством – Генри Клейтон действительно выходил из дома. Мисс Фрейн видела, как он вышел из дома и направился к ней. Она говорит, что он был на полпути от стеклянной галереи до ворот конюшни, когда она отошла от окна. Это расстояние равно приблизительно десяти – пятнадцати ярдам. Я допускаю такую погрешность, потому что он шел прямо по направлению к мисс Фрейн и стояла лунная ночь – оба эти фактора мешают точной оценке местоположения. В любом случае расстояние было таким, что Роббинс вполне мог окликнуть Генри Клейтона от галереи или догнать его. Как бы то ни было, Клейтон вернулся домой. Под каким предлогом Роббинс заманил его в дом, мы не знаем, но Клейтон, несомненно, вернулся в дом. Возможно, у Роббинса уже был наготове кинжал, которым он ударил Клейтона в галерее или в холле, а может, увел его под каким-то предлогом в столовую или в переход, к лифту. Этого мы не узнаем, если он сам нам не расскажет. Если убийство было запланировано, то, конечно, Роббинс постарался бы увести жертву как можно дальше. Но возможно, что никакого плана или приготовлений не было вовсе – может быть, Роббинс просто горел желанием расплатиться с Клейтоном за дочь. Видеть, как Клейтон идет к мисс Фрейн, было для него невыносимо. Если Роббинс внезапно обвинил Клейтона в том, что тот погубил его дочь, Клейтон вполне мог бы и вернуться. Мало того, он и сам едва ли хотел, чтобы кто-нибудь подслушал этот неприятный разговор. Для разговора очень удобна столовая – она находится в противоположном конце дома от спальни мистера Пилгрима и

от комнат теток. Когда они вошли в столовую, под рукой у убийцы очень кстати оказались кинжалы. Думаю, что все происходило именно так.

Фрэнк провел ладонью по безупречно причесанным волосам:

– Все верно относительно расположения комнат, но этим расположением мог воспользоваться не только Роббинс. Я не возражаю, я просто высказываю соображение. Если убийство было спланировано, то убийца выбрал бы столовую в любом случае, так как оттуда можно сразу попасть в каменный коридор с лифтом. Если же убийство не было заранее спланированным, то трудно придумать более удобное место для ссоры, чем столовая. Комната, которую сейчас занимает Джуди Элиот, пустовала. Сам Генри остановился в комнате, где сейчас живет мисс Сильвер. Потом идет еще одна пустая комната, а потом спальня Лоны Дэй. Комната Джерома выходит на другую сторону и вообще находится очень далеко от столовой. Лона – единственный человек, который мог что-то слышать, но это маловероятно, потому что и стены и потолки сложены из толстых массивных камней.

Марч согласно кивнул:

– Вот и все, что мы имеем. Таковы соображения насчет виновности Роббинса в смерти Генри Клейтона. Переходим теперь к смерти мистера Пилгрима. Конюх Уильям подтвердил, что нашел под седлом колючку – длинный черный шип, сорванный с ветки, нависшей над двором конюшни. Но у нас нет и не будет доказательств того, что эта смерть не была случайной. Если же она не была случайной, то убить его мог Роббинс так же, как и любой другой обитатель дома. Есть и мотив. В случае если бы мистер Пилгрим продал дом, то в подвале нашли бы труп Генри Клейтона, а этого убийца ни в коем случае допустить не мог.

– Это так, – согласился Фрэнк Эббот.

Мисс Сильвер продолжала вязать, не поднимая глаз.

Марч нахмурился и продолжил.

– Переходим теперь к смерти Роджера Пилгрима. Он был убит по тому же мотиву. Если бы не было обнаружено тело Генри Клейтона, то следователь по убийствам и жюри вынесли бы вердикт о несчастном случае, полагая, правда, что это скорее всего самоубийство, о чем не стали бы упоминать, чтобы пощадить чувства семьи.

Фрэнк Эббот коротко рассмеялся:

– И некоторые еще говорят, что мы не сентиментальная нация!

Мисс Сильвер одобрительно кашлянула.

Марч снова заговорил:

– Обнаружение тела Генри Клейтона делает более вероятным то, что смерть Роджера Пилгрима следует считать убийством. Помимо ныне покойного мистера Пилгрима, у которого не могло быть мотивов к убийству собственного племянника, в доме продолжали находиться те же люди, что жили в нем в момент исчезновения Генри Клейтона. Это с большой долей вероятности означает, что кто-то из них, совершив одно убийство, имел серьезный мотив совершить еще одно убийство, чтобы скрыть предыдущее. Теперь посмотрим, как приложить это объяснение к смерти Роджера. Мисс Элиот видела, как Роббинс поднимался по лестнице. Это было позже шести, но раньше четверти седьмого. Мисс Элиот думает, что это было раньше половины седьмого, но точно в этом не уверена. Кроме того, она видела, как Роббинс поднимался, но не видела, как он спускался. Сам Роббинс утверждает, что это было сразу после шести, в своей комнате он не пробыл и пяти минут и спустился по лестнице в другом крыле, что мне кажется странным, потому что до той лестницы ему надо пройти весь коридор. По словам Роббинса, мисс Фрейн и Роджер были в комнате на чердаке, когда он подошел к лестнице. Мисс Фрейн говорит, что ушла в четверть седьмого. Получается, что Роббинс мог дождаться ухода мисс Фрейн, потом войти в комнату и столкнуть Роджера в окно через низкий подоконник. Незадолго до этого Роббинс видел из своей комнаты, что Роджер стоял прямо у окна. Если он хотел его столкнуть вниз, то лучшей возможности для этого было бы трудно придумать. Все это, как вы понимаете, свидетельствует против Роббинса. Перейдем теперь к обрушению потолка. Роббинс легко мог залить водой все пространство над потолком – он и его жена жили на этаже одни и могли делать там, что угодно. Теперь о пожаре. Роббинс принес Роджеру поднос с напитками в выгоревшую комнату. Роджер утверждал, что в виски подсыпали снотворное. Я думаю, что у Джерома было достаточно разного рода снотворных, и Роббинсу не составило бы большого труда добыть пару-другую таблеток.

Потом все было очень просто – Роббинс проник в комнату, поджег бумаги и запер дверь. Поперечный коридор соединяет сгоревшую комнату и лифт, а Роббинс невозбранно пользовался лифтом, соединяющим кухню и столовую.

Марч положил на стол лист бумаги и взял следующий.

Мисс Сильвер принялась закрывать петли.

Фрэнк Эббот сказал:

– Так, это Роббинс. Что у нас насчет остальных?

Глава 26

Марч нахмурился.

– Не знаю, – сказал он. – Слабое звено – это мотив. Единственный человек, у которого помимо Роббинса мог быть мотив, – это мисс Фрейн.

– Нет, не верю, это не в ее характере, – возразил Фрэнк Эббот.

– Согласен, но нам надо рассмотреть и этот вариант. Видите ли, я думаю, что ее конфликт с Клейтоном был очень серьезным. Я не хочу сказать, что она нам лгала, – нет, она сказала правду. Но хотя конфликт начался из-за несогласия по поводу совершенно абстрактного примера, я считаю невозможным, чтобы эти два человека не вспомнили о Мэйбл Роббинс, а этот случай мог всколыхнуть самые горькие чувства. Мы, конечно, не можем знать, подозревала ли мисс Фрейн Генри Клейтона в том, что он был любовником Мэйбл, но по поведению мисс Фрейн, я думаю, что так оно и есть. Думаю, что откровенность мистера Пилгрима не стала для нее сюрпризом.

Фрэнк согласно кивнул:

– Да, Генри был тот еще фрукт – его можно было подозревать, но с Лесли мы теряем время. Она из тех редких людей, которые органически не способны на преступление. Однако продолжайте.

– Тем не менее теоретически она могла это сделать. Но для этого нужен был план. Вероятно, он созрел после телефонного разговора. Мисс Фрейн выглядывает в окно, видит приближающегося Клейтона и выходит ему навстречу. Они вместе возвращаются в «Приют пилигрима». В столовой мисс Фрейн закалывает его. Нож она могла принести с собой или воспользовалась одним из висевших на стене столовой кинжалов. В любом случае она могла это сделать.

Глаза сержанта Эббота были холодны как лед. Всем своим видом он являл образец спокойствия. Мисс Сильвер, хорошо его знавшая, понимала, что Эббот страшно разозлен. Закрыв последнюю петлю, мисс Сильвер с довольной улыбкой сложила руки на готовом свитере.

Фрэнк небрежным тоном заметил:

– Когда же она, по-вашему, заперла дверь? И как вышла из дома, если она его заперла? Ключ находился в кармане у Генри. Если Роббинс невиновен и мы примем его объяснение, то дверь была заперта, а цепочка накинута в течение десяти минут после того, как Генри вышел из дома.

Марч кивнул:

– Это слабое звено моих рассуждений. Роббинс в таком случае должен был выпустить мисс Фрейн из дома и запереть за ней дверь. – Он улыбнулся. – Вы же понимаете, что я не обвиняю мисс Фрейн всерьез и вполне согласен с вашей оценкой ее характера. Перейдем к другим обитателям дома. Мисс Колумба – тот же мотив, что и у остальных родственников, та же любовь к дому и саду, но при всем том невероятная привязанность к своим племянникам. Я не могу себе представить, как она убивает двоих из них. В случае с Генри Клейтоном мотив со стороны мисс Колумбы вообще не просматривается. То же самое касается и мисс Джанетты. Она тщеславный и эгоистичный человек, в ней нет цельности характера ее сестры. Она только что сказала мне, что смерть ее брата была «рукой Провидения», так как помешала ему продать имение. Но я не вижу, почему она могла хотеть смерти Генри Клейтону. Я помню, каким он был, когда я впервые появился в этом доме, и могу сказать, что эти незамужние тетки души в нем не чаяли.

Фрэнк рассмеялся:

– Да, он всегда был голубоглазым херувимчиком, это правда! Он воровал лошадей там, где люди даже не могли заглянуть за изгородь. Он уводил их так ловко, что даже перышко на шляпе не колыхалось. Правда, надо сказать, что он слишком часто бегал по чужим конюшням.

Марч снова заглянул в листок.

– Теперь Джером. Единственный вопрос: действительно ли он подвержен припадкам безумия? Если да, то он вполне мог это сделать. Полагаю, что его физическое состояние позволяет ему совершить убийство. Не надо иметь слишком много сил для того, чтобы зарезать человека острым ножом, протащить тело до лифта и спрятать его в сундук, или для того, чтобы вытолкнуть

ничего не подозревающую жертву из окна с очень низким подоконником. Никому из тех, кто его знал, не пришло бы в голову заподозрить Джерома в том, что он мог бы совершить убийство, находясь в здравом уме. Однако бедняга был тяжело ранен в голову, и с тех пор, как сказал мне Дэйли, его преследуют – как доктор их называет – нервные припадки. Дэйли говорит, что эти припадки возникают ночью, во сне, после физического или нервного напряжения. Сам врач этих припадков не видел и поэтому может судить о них только со слов сиделки. По ее рассказам, нельзя, однако, сказать, что Джером страдает каким-либо психическим расстройством. Это просто очень яркие и страшные ночные кошмары. Просыпаясь, больной чувствует себя разбитым и оглушенным, но при этом ни в малой степени не склонным к насилию.

– Это правда, – сказала мисс Сильвер.

Удивленный уверенностью, с какой это было произнесено, Марч повернулся к мисс Сильвер.

– Я слышала и видела его во время одного из таких припадков, Рэндалл. Его крик действительно звучит страшно. Так может кричать человек, яростно обороняющийся от нападающих на него людей. Я слышала только один вопль. Я говорю «только», потому что я слышала только тот вопль, который меня разбудил. Моя комната, как вам известно, находится недалеко от спальни Джерома. Теперь я понимаю, почему остальные члены семьи спят в другом крыле дома.

– Джуди Элиот тоже слышала эти вопли, – произнес Фрэнк.

– Да, мы с ней вышли в коридор одновременно. Почти сразу после этого в дверях своей комнаты появился капитан Пилгрим в разорванной на груди пижамной куртке. Он держался за дверной косяк. На его лице была написана растерянность и страх. Я подошла к нему в тот момент, когда из своей комнаты появилась мисс Дэй. Ее комната находится напротив спальни капитана Пилгрима. Сам он в это время уже вел себя кротко, послушно и вежливо. Когда мисс Дэй сказала Пилгриму, что ему снова приснился страшный сон и что он своими криками разбудил меня, Джером уже настолько владел собой, что принес мне извинения.

Марч кивнул:

– Мисс Дэй говорит, что эти приступы бывают у капитана Пилгрима только во сне и склонность к насилию он проявляет, когда ему кажется, что на него нападают. Стоит ему проснуться, как агрессивность пропадает, и остаются только оглушенность и отчаяние. Громкие крики – это постоянный, неизменный симптом припадка. Это означает, что капитан Пилгрим едва ли мог задумать и методично исполнить убийство Генри Клейтона, особенно учитывая тот факт, что оно было совершено сравнительно рано, когда в доме еще не все спали. Например, мисс Дэй говорит, что она читала, лежа в постели, до полуночи, но ничего не слышала. Так, теперь мы переходим к ней самой. Она приехала сюда в начале декабря сорок третьего года, чтобы присматривать за мисс Джанеттой, которая в то время болела гриппом. Потом мисс Дэй осталась сиделкой при капитане Пилгриме, который приехал домой двадцатого числа. Генри Клейтон появился в доме на Рождество. Мисс Дэй утверждает, что до приезда в «Приют пилигрима» не была знакома ни с одним из членов семьи Пилгримов. С Клейтоном она была знакома очень поверхностно. Она находила его очаровательным, но виделись они очень редко, так как приезжал он только на выходные и почти все время проводил с мисс Фрейн. В ночь его исчезновения мисс Дэй, по ее словам, вышла из комнаты Джерома Пилгрима в четверть одиннадцатого, оставив его слушать радио, а сама отправилась принять ванну. В свою комнату она вернулась в одиннадцать и читала до полуночи. Мисс Дэй не слышала, как запирали входную дверь – она вообще ничего не слышала. У мисс Дэй нет даже тени мотива для убийства Генри Клейтона, и если не она убила Клейтона, то и не она убила Роджера. Если он был убит, то скорее всего для того, чтобы предотвратить продажу дома и обнаружение следов первого преступления. На самом деле я не могу представить себе версию, в которой фигурировало бы несколько убийц. Я уверен, что он был один и тот же человек.

– Согласен с вами, – сказал Фрэнк Эббот.

Марч продолжил:

– Последней в списке подозреваемых у меня числится миссис Роббинс. Вы видели ее и слышали ее показания. Думаю, у нас нет оснований ее подозревать. Больше всего меня лично поражает ее преданность «мистеру Генри». Очень трогательная, несчастная женщина. Думаю, что она больше, чем кто-либо другой, подозревала Клейтона в том, что именно он соблазнил ее дочь.

Смотрите, что она говорит. — Он взял со стола следующий лист бумаги и прочитал: — Показания миссис Роббинс: «Она так и не сказала мне, кто был тот мужчина, она просто сбежала и спряталась от нас. Но если этим мужчиной был Генри Клейтон, то я не могу ни в чем винить дочь. Он мог заставить любую женщину забыть обо всем на свете, стать для нее единственным мужчиной в жизни. Дочь оступилась и сбежала. Но мистер Генри на самом деле мог заставить любую женщину забыть о приличиях и воспитании». — Потом она разрыдалась, и было решительно невозможно добиться от нее чего-то вразумительного. Впрочем, она сказала, что Роббинс действительно предупредил ее, что мистер Генри ушел к мисс Фрейн. После этого миссис Роббинс легла в постель и крепко уснула. Она очень устала за день и спала до утра мертвым сном, поэтому даже не знала, вернулся муж в комнату или нет.

Марч положил последний листок в стопку и тщательно ее выровнял.

— Это все. Таким образом, могу сказать, что единственный, против кого есть весомые улики, — это Роббинс. Все остальные вне подозрений.

Мисс Сильвер вдруг посмотрела на дверь, потом быстро встала, подошла к ней и открыла. Дверь выходила в коридор, который в этом месте поворачивал в сторону холла. Подойдя к повороту, мисс Сильвер заглянула за угол. В холле и в коридоре никого не было. Слева находилась лестница, ведущая наверх, на второй этаж, где располагались спальни. Одни двери выходили в коридор, другие — в холл. Мисс Сильвер обошла эти двери и вернулась в кабинет под удивленными взглядами Эббота и Марча.

— Что случилось? — спросил Рэндалл.

Прежде чем ответить, мисс Сильвер подошла к стулу и взяла в руки готовый свитер.

— Мне показалось, что где-то скрипнула дверь.

Глава 27

Именно в этот момент Фрэнк Эббот отчетливо понял, что к их компании присоединился кто-то четвертый. Все время, что они сидели в кабинете, Фрэнка не покидало ощущение, что в поведении мисс Сильвер что-то не так. Он не мог словами определить это «что-то» и не мог придать ему определенную форму. Если она соглашалась с тем, что говорил Марч, то почему молчала, не вставив ни единой подходящей цитаты из покойного лорда Альфреда Теннисона, ни собственного пронизательного замечания? Если она не соглашалась, то могла бы достаточно едко, хотя и вежливо, высказать свое несогласие. Почему Мод предпочла молчать?

Потом сержанта Эббота вдруг осенило: Мод не хотела говорить всего «при детях», не хотела возражать Марчу в присутствии младшего по званию офицера из Скотленд-Ярда. Мод была хорошо воспитана. Большую часть своей сознательной жизни она учила детей правильно себя вести. Мисс Сильвер скорее бы умерла, чем позволила себе неделикатность, в особенности если у нее не было серьезных причин ни для неделикатности, ни для возражений. Он подумал также, что, пожалуй, младшему офицеру Скотленд-Ярда стоит на несколько минут исчезнуть из кабинета. Кстати, это время можно будет потратить на разговор с Джуди Элиот.

– Я ненадолго выйду, с вашего позволения, – сказал он и удалился.

Оставшись одни, Марч и мисс Сильвер некоторое время молчали. Сложив свои записи, Марч поднял голову и задал вопрос:

– Так в чем дело?

Мисс Сильвер подошла к камину и задумчиво посмотрела в него. Готовый свитер она перекинула через левую руку. Потом повернулась к Марчу и сказала:

– Мы останемся в этой комнате, Рэндалл? Если да, то, может быть, стоит затопить камин?

– Нет... да... я не знаю. Вы не ответили на мой вопрос. Я сказал: «Так в чем дело?»

Мисс Сильвер кашлянула.

– Что вы хотели этим сказать?

– Как будто вы не понимаете! Вы что-то недоговариваете, и я хотел бы знать, что именно.

Она осталась стоять у камина, не отводя задумчиво-серьезного взгляда с Рэндалла Марча.

– Мне очень не нравится это дело, Рэндалл.

Марч выдержал прямой взгляд в глаза.

– Мне оно тоже не нравится. Но хотелось бы убедиться, что нам не нравится одно и то же. Я буду рад, если вы поделитесь со мной своими соображениями.

– Мне кажется, что у меня нет никаких соображений, – сказала она. – Сейчас мы одни, и я буду с вами вполне откровенна. На меня сильно давит смерть Роджера Пилгрима. Он обратился в полицию и заявил, что его жизни угрожает опасность. Мне он сказал то же самое. Полиция ему не поверила, но я поверила. Я посоветовала ему сделать кое-какие вещи, чтобы защититься. Я имею в виду продажу усадьбы. Я умоляла его убедить домашних в том, что он отказался от этой идеи, но он, вместо того чтобы последовать моему совету, спровоцировал убийцу, объявив в столовой, что решил продать дом.

– Кто при этом присутствовал?

– Все – мисс Колумба, мисс Джанетта, я, Джуди Элиот, мисс Дэй, капитан Джером Пилгрим и Роббинс. Как я сказала, все произошло за обедом.

– За этим последовала бурная сцена?

– Думаю, что это можно назвать и так. Мисс Джанетта просто взорвалась. Если я правильно помню, она заявила, что он не может этого сделать, что в «Приюте пилигрима» всегда должны жить Пилгримы. На это Роджер с жаром ответил, что твердо решил это сделать. Я не помню, сказал ли он: «Не важно, что вы все по этому поводу думаете», но смысл высказывания был именно таков. Это была очень неудачная вспышка эмоций с его стороны – как мне кажется.

– Мисс Фрейн при этом не присутствовала?

– Нет.

– Но присутствовал Роббинс?

– Да.
– Вы не заметили, как он это воспринял?
– Заметила. Он был в ужасе, но это вполне естественно, он тридцать лет прослужил в этом доме, куда ему идти?

Рэндалл издал неопределенный звук, потом спросил:

– Все ограничилось возмущением мисс Джанетты?

– Да. Другие были, я думаю, потрясены не меньше, но промолчали.

Марч задумчиво произнес, будто обращаясь к самому себе:

– Мисс Джанетта? Но это же абсурд.

Мисс Сильвер молча бросила в огонь несколько поленьев, а потом обернулась к Марчу:

– Вы не сделаете мне одно одолжение?

– Если смогу...

– Мне надо, чтобы вы обыскали комнату мисс Джанетты.

– Вы это серьезно?

– Вполне, Рэндалл.

Он, не скрывая недовольства, удивленно посмотрел на мисс Сильвер.

– Это же все равно, что махать красной тряпкой перед носом быка. Что вы хотите там найти?

– Маленькие лепешки, возможно, в капсулах, возможно, в виде пилюль. Если они не покрыты оболочкой, то имеют бледно-зеленоватую окраску.

Марч был поражен настолько, что забыл о недовольстве и раздражении.

– Мисс Сильвер, о чем вы?

Она кашлянула.

– Об индийской конопле, о гашише – *Cannabis indica*.

Она снова покашляла.

– Конечно, я могу ошибиться, но не хочу, чтобы вы обвиняли меня в том, что я от вас что-то утаиваю. У меня нет никаких доказательств, кроме моих впечатлений, и вы можете с полным правом не принимать их во внимание.

– Мне было бы легче, если бы я понимал, о чем вы говорите.

– Я говорю о приступах Джерома Пилгрима. Мне говорили о них до того, как я сюда приехала. Мне сказали, что они случаются после волнения или физического напряжения. После того как я стала свидетелем одного такого приступа, расстроенная мисс Дэй сказала, что это мисс Фрейн оказывает такое негативное влияние на ее подопечного. Она сказала, что это доставляет ей массу неприятностей и ставит в неловкое положение, потому что вся семья буквально влюблена в мисс Фрейн. Мне кажется, что мисс Дэй была расстроена совершенно искренне. Если она говорила правду, то ее положение действительно трудно назвать завидным. Я осторожно расспросила других людей и выяснила, что в трех других случаях приступы на самом деле начинались после посещений мисс Фрейн.

– То есть вы обвиняете Лесли Фрейн в том, что она сознательно травит Джерома наркотиками? – без обиняков спросил Марч.

– Нет, я ни в коем случае ни в чем ее не обвиняю, совсем нет. Слишком много времени прошло после ухода мисс Фрейн до начала приступа, поэтому ваше предположение едва ли справедливо.

– Почему вы думаете, что его сознательно травил наркотиком? Почему именно гашишем?

Мисс Сильвер ответила только на второй вопрос:

– Потому что он видит страшные, ужасающие сны. Как вы знаете, индийская конопля – нелегальное лекарственное средство. Этого лекарства нет в британской фармакопее, но его иногда выписывают больным за границей. Одна моя подруга обнаружила гашиш в составе лекарства, которое ей выписали в Индии. Доза была очень маленькой, буквально микроскопической, но и она вызвала у подруги страшные сновидения. Я слышала и о других подобных случаях. Когда я увидела капитана Пилгрима на пороге спальни, у меня возникло ощущение, что он находится под действием какого-то наркотика.

– Но кому это надо – пичкать его наркотиками?

– Это надо тому, кто хочет изолировать его от мисс Фрейн. Это одна причина, но возможна и другая. Убийце Генри Клейтона было бы очень выгодно найти козла отпущения. Если в доме, где

находится инвалид, подверженный тяжелым нервным припадкам, случается насильственная смерть – теперь или в прошлом, – то становится очень легко направить на него подозрение. Три года назад ни одна из приходящих служанок не желала ночевать в этом доме – Глория Пелл до сих пор от этого отказывается. Она объясняет свое нежелание пугающей природой приступов капитана Пилгрима. Разве это не выгодно убийце, Рэндалл?

Он с сомнением посмотрел на нее.

– Но мисс Джанетта... Какое отношение может она иметь к гашишу?

– Естественно, это был первый вопрос, который я себе задала. Если капитану Пилгриму давали гашиш, то кто в доме мог иметь это средство? В нашей стране вообще найдется очень мало людей, имеющих отношение к распространению нелегальных лекарственных средств. За их поступлением в страну тщательно следят, а за незаконное распространение так сурово наказывают, что охотники находятся только среди наркоманов, которые готовы платить за гашиш любые деньги и не останавливаются перед риском. В этом доме нет ни одного зависимого от гашиша человека. Но, возможно, в прошлом у кого-то из членов семьи были контакты, позволившие приобрести гашиш за границей. В Индии была мисс Дэй. Роббинс провел в Индии пять лет – во время и сразу после прошлой войны. Мисс Джанетта жила в Каире зимой тридцать восьмого – тридцать девятого года. Каждый из них, как мне кажется, мог приобрести гашиш. Я не готова обсуждать мотивы, по которым они могли в то время его добыть, но в Индии и Египте индийская конопля вполне доступна. Дальше этого я в своих рассуждениях пока не пошла.

– Мисс Дэй... – задумчиво произнес Марч, а потом добавил:

– В том, что касается лекарств, надо в первую очередь подумать о сиделке. Но какой мог быть мотив у нее?

Мисс Сильвер кашлянула.

– На этот вопрос можно дать несколько ответов, Рэндалл. Ей надо было сохранить этого пациента, он позволял ей жить в комфортных условиях, но поймите, я не обвиняю мисс Дэй.

Нахмурившись, Марч сдвинул брови:

– Вы пытаетесь связать предположение о том, что Джерома Пилгрима травил наркотиками, с гибелью Генри Клейтона и Роджера Пилгрима, не так ли?

Мисс Сильвер ответила не сразу и очень серьезно:

– На первый взгляд, такой связи нет, не правда ли? На самом деле у нас вообще нет ни доказательств, ни улик, есть лишь неподтвержденные версии, одну из которых я и прошу вас проверить. Возможно, эта версия заведет нас в тупик. Но думаю, вы согласитесь со мной, что если в доме совершаются серьезные преступления, то наш долг проверить все версии, даже те, что кажутся невероятными. Возможно, какие-то события не имеют никакого отношения к преступлению, но и пренебрегать возможной связью, мы не имеем права.

– Нет, конечно же, нет.

Мисс Сильвер подошла к столу и остановилась возле него – маленькая, неброская в своем неизменном оливково-зеленом кашемировом платье.

– Если капитана Пилгрима пичкали наркотиками, то это, как мне думается, странное событие, разве нет? Но не менее странным мне представляется то, что это отравление сейчас прекратилось.

– Что вы хотите этим сказать?

– У капитана Пилгрима не было ни одного приступа с тех пор, как в доме обнаружили труп Генри Клейтона.

– Дорогая мисс Сильвер, тело Клейтона обнаружили только вчера, так что это отсутствие приступов ни о чем не говорит.

Она кашлянула.

– Вернемся еще дальше назад. У Джерома не было ни одного приступа после смерти Роджера Пилгрима. – Она оперлась рукой о стол. – Рэндалл, ни одного приступа не было после того, как в доме появилась полиция.

Рэндалл улыбнулся:

– Ни одного приступа в течение всего лишь двух дней. Что же в этом странного?

Это был неправильный ответ. Ситуация напомнила ему его школьное детство.

– Вы не подумали, Рэндалл, – резко произнесла мисс Сильвер. – Все не раз говорили, что приступы провоцируются волнением или физическим напряжением. Рассудите, какие события

происходят в доме в течение последних двух дней: насильственная смерть человека и обнаружение трупа другого человека, на плечи капитана Пилгрима ложится вся ответственность за дом и семью. Разве все это не должно было спровоцировать приступы? Но ни одного приступа не последовало. Капитан Пилгрим подверг себя невыносимым до этого нагрузкам. Он настоял на своем визите к мисс Фрейн и лично сообщил ей страшные новости. Этот разговор был волнующим для капитана Пилгрима, но обошелся без последствий. Вы можете, конечно, возразить, что сильное потрясение заставило инвалида забыть о своей болезни. Это вполне правдоподобное объяснение. Но есть и другое, тоже возможное, объяснение – присутствие в доме полиции. За всеми в доме следят, и эта обстановка, естественно, вызывает тревогу у человека, использовавшего гашиш, и удерживает его – или ее – от ненужного риска.

– Его или ее? – спросил Марч.

– Я все сказала, Рэндалл.

– Вы многое сказали, – серьезно произнес Марч. – Например, вы предложили другое объяснение тому, зачем капитану Пилгриму давали гашиш. Вы указали, что приступы имели очевидную связь с посещениями мисс Фрейн. Вы предположили, что кому-то было выгодно создать впечатление, будто ее посещения причиняют вред Джерому. То есть кому-то было выгодно их разлучить. Какие отношения связывают мисс Фрейн и капитана Пилгрима?

– Между ними дружба и глубокая привязанность – во всяком случае, с его стороны. Думаю, что это очень глубокая привязанность.

– Вы хотите сказать, что он в нее влюблен?

– Я не могу этого утверждать. Я лишь один раз видела их вместе. Он выглядел совершенно другим человеком.

– Но кому вдруг понадобилось их разлучать? Тетям, сиделке? Знаете, если речь идет о такого рода ревности, то она точно не связана с убийством.

Мисс Сильвер наклонила голову:

– Совершенно верно.

– Тетки могут быть большими собственницами – например, мисс Колумба очень преданно относится к нему. Сиделка же хочет сохранить свою работу, а может быть, и она сама любит его. В таком случае это всего лишь ухищрение, вызванное ревностью. Но какое отношение ко всему этому может иметь мисс Джанетта? Мне кажется, что у нее мотивов меньше, чем у всех остальных. – Марч вопросительно взглянул на мисс Сильвер.

Она промолчала. Поняв, что ответа не дождется, он отодвинул стул и встал.

– Ну, хорошо. Мне надо идти. Я должен получить результаты вскрытий, а потом вернуться с ордером и арестую Роббинса. Здесь останутся Эббот и один из моих людей – сержант. Они обыщут комнату мисс Джанетты. Думаю, что она на это время сможет перебраться в комнату сестры. Это будет чисто рутинное мероприятие – чтобы не вызывать лишней тревоги. – Он осекся и внимательно посмотрел на мисс Сильвер. – Все-таки мне хотелось бы знать, почему вы попросили меня обыскать комнату мисс Джанетты, а не комнату Джерома, ванную или спальню мисс Дэй?

Мисс Сильвер сосредоточенно покашляла.

– Потому что их комнаты я обыскала сама.

Глава 28

Мисс Сильвер вышла из кабинета и направилась в свою комнату. Дверь на черную лестницу была открыта. Потом до слуха мисс Сильвер донесся звук шагов и голоса. Один из них принадлежал Глории. Мисс Сильвер подошла ближе, чтобы посмотреть и послушать, что там происходит. В открытых дверях ванной стояли две девушки: одна – розовощекая болтушка Глория, а вторая – постарше, очень серьезная, в хаки и с капральскими нашивками на рукаве.

Мисс Сильвер кашлем привлекла к себе их внимание.

– Глория, это твоя сестра? Мне давно хотелось с ней познакомиться.

Мэгги Пелл была хорошо воспитанной девушкой и церемонно представилась.

– Она была в саду у мисс Колумбы, а потом поднялась ко мне, чтобы помочь с приборкой. Мисс Колли сказала, что Мэгги выросла и не видно, что в корпусе медсестер ее морят голодом. Но дедушка очень недоволен ее формой.

Мэгги улыбнулась мягкой и доброй улыбкой. Волосы у нее были намного темнее, чем у Глории, и аккуратно причесаны. Черты лица у нее были грубоватые, но кожа здоровой и белой. Карие глаза лучились добротой.

– Он уже старый человек, – сказала она, – его не переделаешь.

Мисс Сильвер посмотрела на нее и решилась.

– Вы не сможете уделить мне несколько минут, – спросила она, – если, конечно, Глория сможет обойтись это время без вас? Подарите мне пятнадцать минут, пока Глория будет одеваться – если, конечно, вы не спешите на автобус.

Мэгги отрицательно покачала головой:

– Нет, нет, все в порядке. Нам некуда спешить. Мы хотим прогуляться через поле и навестить нашу тетю, миссис Коллис в Кроу-Фарме.

Неторопливость и обстоятельность девушки весьма импонировали мисс Сильвер. Она увела Мэгги в свою комнату и закрыла за собой дверь.

– Садитесь, Мэгги. Вы, наверное, сгораете от любопытства и хотите скорее узнать, что мне от вас нужно. Вы, конечно, знаете, что здесь случилось.

– Это какой-то страх! – воскликнула Мэгги. – Умерли мистер Генри и мистер Роджер. Я просто не могу в это поверить!

– Вы ведь работали здесь в то время, когда пропал мистер Генри?

– Да, но я не ночевала в доме.

– Да, мне это известно. Понимаю, что вы испытали большое потрясение. Это дело, как вы понимаете, надо расследовать и прояснить. Мне думается, что вы сможете нам помочь.

– Боюсь, что я ничего об этом не знаю.

Мисс Сильвер тихо кашлянула.

– Вы зря так в этом уверены. Вы не помните, никто не отправлял вещи в чистку после исчезновения мистера Клейтона?

Мэгги открыла, потом снова закрыла рот. Сложив руки на коленях, она изумленно спросила:

– Откуда вы знаете?

– Я просто подумала, что это могло произойти. Вы не можете мне сказать, кто посылал вещи в чистку?

– Мисс Нетта.

– Вы не можете сказать, что именно она послала?

– Ну, знаете, мисс Нетта очень щепетильно относится к своим вещам, она отправляет в чистку практически чистые вещи. В тот раз она отправила два платья – то, которое носила днем, синее в розовую крапинку, и вечернее, тоже синее с серой отделкой.

– Они были сильно испачканы?

– Нет, совсем нет. Мне казалось, что они вообще совсем чистые. Но там был еще фиолетовый халат – вот он был здорово испачкан. На него мисс Дэй опрокинула чашку какао. По крайней мере мисс Нетта говорила, что это сделала мисс Дэй. Но мисс Дэй – женщина очень аккуратная, так что

думаю, это не она опрокинула. Но вы же знаете мисс Нетту. Если что-то случается, то виноват будет кто угодно, только не она. Мне кажется, что это она сама опрокинула на себя какао, тем более что досталось и самой мисс Дэй.

– Когда это произошло?

Мэгги Пелл задумалась. Она была серьезная простая девушка и старалась все вспомнить с точностью до минуты.

– Это могло быть утром, потому что по утрам мисс Нетта пьет какао. Правда, она пьет его и вечером – последнюю чашку. Мисс Дэй готовит для нее какао на спиртовке в ванной, а потом приносит ей в комнату. Первую порцию утром, а последнюю – вечером, на ночь. Во всяком случае, так было, когда я здесь работала. Но я не думаю, чтобы что-то изменилось.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Значит, какао могли пролить либо утром, либо вечером?

Мэгги, подумав, отрицательно покачала головой:

– Нет, не думаю, потому что я вспомнила, как мисс Нетта рассказывала, что мисс Дэй заставила ее надеть халат, усадив ее на постели, потому что утро было довольно холодное, и я сейчас вспомнила, что утром пошел снег. В доме все были очень расстроены из-за исчезновения мистера Генри.

– Вы точно уверены в том, что это было утро?

– Да, теперь уверена, потому что вспомнила, как мисс Нетта жаловалась на мисс Дэй за то, что она заставила ее надеть теплый халат. Мисс Нетта очень сильно переживала, говорила, что халат бы так не запачкался, если бы мисс Дэй не заставила его надеть. Должна сказать, что халат и в самом деле был испачкан донельзя. На него опрокинулась же не чашка, а целый кувшин.

– Целый кувшин? Как же это получилось?

Мэгги снова озадаченно задумалась.

– Мисс Дэй могла опрокинуть только чашку. Но опрокинулся кувшин. Он, между прочим, разлетелся вдребезги. Это мисс Нетта уронила его и свалила все на мисс Дэй. Она мне потом рассказывала – мисс Дэй, конечно, а не мисс Нетта. Так вот, она сказала: «Знаешь, Мэгги, это она сама опрокинула, да прямо на мой китайский халат – залила мне весь перед».

– А что это был за халат?

Лицо Мэгги засветилось от восторга.

– Ой, он был такой красивый – бабочки, цветы и птички на черном шелке. Мисс Дэй сказала, что он китайский. Ей подарила его одна женщина, за которой она ухаживала в Индии.

– Почему же такую красивую вещь мисс Дэй носила как домашний халат?

– Так это и был домашний халат. Она надевала его к обеду, когда было холодно. Красиво и тепло. Какой же это был красивый шелк!

– Значит, обычно она его все же не надевала?

– Нет, не надевала.

– Надевала ли она его к обеду в тот день, когда исчез мистер Генри?

Мэгги задумалась.

– Не знаю. Нет, не думаю. Нет, точно, она была не в нем, а в зеленом платье – в ярко-зеленом.

– Вы уверены в этом?

– Да, теперь на сто процентов уверена.

Мисс Сильвер внимательно посмотрела на Мэгги:

– Мисс Дэй не объяснила, зачем она надела этот красивый китайский халат – для того чтобы принести мисс Джанетте чашку какао?

Мэгги удивленно воззрилась на мисс Сильвер.

– Да. Она надела его, потому что утром было очень холодно. Когда я бежала на работу, шел снег. Этот халат был красивый и теплый, но после какао он стал совсем другим.

– Она не отправила его в чистку?

Мэгги отрицательно покачала головой.

– О нет, не отправила. Я предложила отправить его в чистку с вещами мисс Нетты, но мисс Дэй ответила, что уже замочила халат и какао почти отмылось, но шелк стал грубым, а узоры выцвели. Мисс Дэй боялась, что он никогда не будет выглядеть, как прежде. Так и случилось. Следы так и остались. Какао – это страшная вещь, как жир, его не выведешь. Мне было так жалко, что она

положила его в воду. Вот халат мисс Нетты пришел из чистки как новенький. Но если начинаешь сама стирать вещи, химчистка им уже не поможет.

Мисс Сильвер согласилась с Мэгги. В весьма расплывчатых выражениях она поинтересовалась, не отправлял ли кто из членов семьи или прислуги в тот день вещи в чистку – мистер Джером, мистер Роджер, Роббинс или миссис Роббинс?

На эти вопросы Мэгги ответила коротким и решительным «нет». Она сама паковала вещи для отправки в чистку, и других вещей там не было. Ни одна вещь в доме не пропала. Что касается Роббинсов, то миссис Роббинс не доверяла химчисткам.

– Если надо было что-то почистить, то миссис Роббинс делала это сама, – сказала Мэгги. – «То, с чем не справятся вода, мыло или бензин, – говорила миссис Роббинс, – не справится и химчистка». Должна сказать, что сама она здорово справлялась с такой работой.

– Миссис Роббинс чистила вещи в доме?

Мэгги с чувством кивнула:

– Да, она чистила вещи мужа и свои. У нее сестра – портниха, и миссис Роббинс многому у нее научилась. Во всяком случае, костюмы мистера Роббинса всегда выглядели, как новые.

Глава 29

Было уже около четверти четвертого. Поговорив с Джеромом Пилгримом, Марч сел в машину и вернулся в Ледлингтон, оставив в доме Фрэнка Эббота и своего сержанта для обыска спален.

Все, что происходило в тот день, было очень важным. Нельзя было упустить ни одну мелочь. В делах, связанных с убийствами, невозможно сказать, что мелочь, а что – нет. Частица пыли, отпечаток пальца, пятнышко крови, оторванный клочок бумаги – все это может стать тяжелой гирей на весах человеческой жизни. Путь убийцы тернист и труден. Он должен избавиться от пыли на обуви, очистить одежду от следов преступления. Он не должен касаться многих вещей, не должен сдвигать предметы. Ему приходится надевать перчатки, чтобы не оставить на месте преступления следов своего преступного пота. И он должен, он вынужден скрывать свои мысли и постоянно следить за тем, что он говорит; он должен избегать прямых взглядов, чтобы никто не смог прочесть его мыслей в зеркале его глаз. Он всегда ходит по острию ножа и обязан делать это легко и непринужденно. То, что для остальных мелочь, которую можно выяснить лишь путем терпеливых расспросов, для убийцы представляет нешуточную угрозу, зубья капкана, который может в любой момент захлопнуться и сомкнуться на его горле. Убийца должен беречься всего и вся, но при этом не показывать никому своего страха и настороженности. Его мнение, его высказывания должны быть нормальными и обычными, чтобы сливаться с общим фоном и не привлекать к себе никакого внимания при самом тщательном расследовании.

Мисс Сильвер стояла у открытой двери своей комнаты и смотрела вслед Мэгги Пелл, вышедшей на лестницу. В это время в коридоре появился Джером Пилгрим. Он был бледен и казался изможденным, но в лице его появилась отсутствовавшая прежде решимость. Создавалось впечатление, что шокирующие события нескольких последних дней пробудили его к жизни, дали ему необходимый толчок. На капитане Пилгриме было пальто и теплый шарф, и, проходя мимо мисс Сильвер, он сказал ей, что хочет прогуляться в саду. Мисс Сильвер похвалила это намерение, заметив, что в воздухе уже пахнет весной, но после захода солнца все же становится довольно холодно.

Джером в ответ слабо улыбнулся:

– Лона загонит меня домой задолго до захода солнца. Если бы не моя тетя Джанетта, она бы не выпустила меня из дома и сейчас.

Мисс Сильвер вежливо выразила надежду, что мисс Джанетте не стало хуже. Он ответил, что она совершенно выбилась из сил, и пошел дальше. Мисс Сильвер показалось, что чем глубже будет протрация мисс Джанетты, тем лучше станет для капитана Пилгрима. К нему, считала мисс Сильвер, надо перестать относиться как к инвалиду, его надо уравнивать в правах с остальными, и он сам в последнее время делал шаги в верном направлении. Так что пусть мисс Джанетта и дальше занимает внимание мисс Дэй.

Проходя через холл, Джером увидел у входной двери Роббинса, который как раз собирался отодвинуть щеколду. Слуга обернулся на стук трости, отошел от двери и холодно осведомился:

– Сэр, полиция собирается обыскивать дом?

– Да, – ответил Джером.

Роббинса не удовлетворил этот ответ.

– У них есть ваше разрешение, сэр?

– Да, есть. – Решив, что ответ прозвучал слишком резко, Джером счел нужным добавить: – Чем раньше они с этим покончат, тем скорее оставят нас в покое. Они спросили моего разрешения, и если бы я отказал, то завтра пришли бы сюда с ордером на обыск.

– Что они рассчитывают найти, сэр?

– Не знаю, – ответил Джером. – Я предложил им начать с моей комнаты, чтобы я смог поскорее туда вернуться.

Он услышал, как звякнула задвижка. В холл ворвалась струя холодного воздуха, и из прихожей донесся голос Лесли Фрейн, говорившей с Роббинсом.

Джером вернулся в холл и окликнул гостью:

– Входи, Лес!

Она сразу заметила угрюмый вид Роббинса, но не поняла, чем он вызван. Это ощущение раздражало ее, так как она не могла понять его причину. Когда Роббинс, молча повернувшись, пересек холл, а Джером пригласил ее в утреннюю комнату, она смутно поняла, в чем дело, но понимание это было неуловимо – оно то появлялось, то исчезало.

Джером закрыл дверь, снял пальто и шарф, подошел к камину и сел на диван мисс Джанетты.

– Полиция обыскивает дом, – сказал он. – Тетя Колли в саду, тетя Нетта у себя в комнате. Но, надеюсь, мы не будем скучать без них.

Лесли одарила Джерома своей широкой ласковой улыбкой и сказала:

– Здесь очень уютно, как мне кажется.

Она не была готова к тому взгляду, каким Джером на нее посмотрел.

– С тобой мне уютно везде, Лес.

– Со мной? – печально спросила мисс Фрейн.

– Да, – с чувством ответил Джером. – С тобой покойно и уютно, ты несешь с собой лето – теплое и ласковое.

– Боюсь, что это уже бабье лето...

– Настанет еще ясная погода. Ноябрь для нас еще не наступил. Я считаю, что мы сейчас не дальше июля.

– Мне сорок три года, Джером.

– Мне тоже. Почти сорок три, но разница так мала, что ее можно не принимать в расчет. Возраст, конечно, почтенный, но худшее далеко впереди. У тебя нет ни одного седого волоса, а у меня их уже тысячи. – Он внезапно сменил шуточный тон: – Лес, не позволяй никому разлучать нас.

– Не позволю, если это будет зависеть от меня.

– Знаешь, у меня такое чувство, будто я долго спал, но теперь очнулся и очень хочу, чтобы ты не дала мне снова погрузиться в спячку. Думаю, тебе это по силам. Когда кончится весь этот кошмар, я надеюсь вернуться к нормальной жизни. Лона – превосходная сиделка, но мне пора начать обходиться без нее. Она больше не нужна ни тете Нетте, ни мне. Я не вижу никаких причин, по которым меня считают инвалидом. Постепенно я снова научусь делать все, что делал раньше. У меня столько дел... – Он недолго помолчал, потом продолжил: – Я снова начну писать. У меня множество идей, они стучат в дверь своей темницы и просят на волю.

– Я очень рада. Я всегда думала...

– Ты думаешь обо мне, Лес?

– Конечно, думаю.

– Как?

– Как о своем друге. – Последнее слово она произнесла глубоким грудным голосом.

Он слегка отвернул лицо.

– Да, мне кажется, что мы были друзьями, большими друзьями, но потом явился Генри и стал тебе чем-то большим, чем просто другом.

Мисс Фрейн подняла голову и посмотрела на отведшего взгляд Джерома своими ясными карими глазами.

– Между нами не было любви, не было никогда.

– Но тогда почему...

– Я расскажу тебе – это было так давно, – сказала она. – Ты же помнишь, каким был Генри. Он умел убедить любого собеседника в том, что тот для него единственный в мире человек. Я не думаю, что он притворялся, по крайней мере он к этому не стремился. Помнишь, когда мы были еще детьми и нам чего-то хотелось от взрослых, мы всегда посылали Генри просить об этом. Ему стоило лишь улыбнуться, и все говорили ему «да». Не важно, кто это был – мистер Пилгрим, тети, мои родители или миссис Роббинс, – результат был один и тот же, и это сослужило Генри плохую службу. Мне следовало бы об этом знать, но когда он улыбался, я тоже говорила «да».

– Ты любила его, Лес? – едва слышно спросил Джером.

Она ответила ему так же тихо:

– В моем сердце не было любви. Я была очарована, мне льстило его внимание, и к тому же я была так одинока. Человек, которого я любила, не любил меня, и... – голос ее дрогнул, – я устала

быть несчастной и одинокой. Мне захотелось жить своим домом, своей жизнью, со своими детьми, и когда Генри мне улыбнулся, я сказала «да». Но когда дело дошло до окончательного решения, я не смогла его принять. Мэйбл Роббинс преградила мне путь.

Джером изумленно посмотрел на нее:

– Это был Генри?

– О да. Это всплыло, когда мы говорили об одном подобном случае, о котором прочли в газете. Он ничего не сказал, но я все поняла и без слов. Это звучит глупо, но я сразу поняла, что дело не только в Мэйбл. Дело было в Генри, в его убеждении, что он может иметь все, что захочет. Другие люди его никогда не интересовали. Всегда найдутся такие женщины, как Мэйбл, но ему самому, в сущности, не было до них никакого дела, как, впрочем, и до меня. Единственным человеком, который что-то для него значил, был он сам, единственный и неповторимый Генри. Я поняла, что не смогу. Я собиралась сказать ему это в тот вечер, но он не пришел...

Не глядя на нее, Джером спросил:

– Ты кого-нибудь любила?

– Да, и очень сильно.

– Но тогда почему, моя дорогая, почему?..

– Я же сказала тебе.

Он обернулся к ней и протянул руку, но тотчас отдернул ее. Помолчав, он сказал:

– Кто это был?

Щеки Лесли залились краской. Сейчас она выглядела юной и незащищенной. Запинаясь, она произнесла:

– Ты... имеешь право... спрашивать... об этом?

Он вспомнил Лесли такой, какой она была много лет назад, вспомнил такой же румянец и слезинки на ресницах, когда он и Генри дразнили и немилосердно обижали ее. Он и Генри – больше в их компании не было никого. Они всегда были втроем – он, Генри и Лес.

– Ты должна сказать, потому что я всегда любил тебя, Лес.

– Ты никогда этого не говорил.

– У тебя было слишком много денег, а у меня их не было вообще. – Он коротко и жестко рассмеялся. – Сто фунтов в год и мозги, которые, как я думал, принесут мне целое состояние! Я хотел написать бестселлер или добиться умопомрачительного успеха пьесой, а потом прийти, сунуть этот успех под нос твоему отцу и сказать: «Что вы теперь скажете, сэр?» Это он прогнал меня, ты же знаешь.

– Он не мог этого сделать!

– Но он это сделал. «Детские отношения – вздор, мой дорогой мальчик, – сказал он мне. – Она станет моей наследницей. Ты же не захочешь прослыть охотником за деньгами, не так ли?» Потом он долго распространялся о хорошем отношении ко мне, но сказал, что у него другие виды на дочь.

Даже сейчас, двадцать лет спустя, в его голосе чувствовалась уязвленная юношеская гордость. Лесли так живо представила себе эту сцену, будто она происходила сейчас, перед ее глазами: отец, бестактный и бесцеремонный, лелеющий честолюбивые замыслы в отношении дочери и не понимающий, что могло сделать ее по-настоящему счастливой; Джером, обуянный гордостью, ушедший делать состояние. Все ее существо сейчас оплакивало потраченные впустую двадцать лет.

– И только поэтому ты перестал показываться мне на глаза? – спросила она.

– Да, умопомрачительный успех не состоялся, но мне все время казалось, что он за углом. Я старался не докучать тебе, чтобы мне снова не сказали, что я охочусь за деньгами. Потом твой отец умер...

– И?

Он поднял руку и снова бессильно уронил ее на колено.

– Это был конец. К тому времени я понял, каким писателем могу быть. Всякий человек, если он в своем уме, оценивает себя, когда его к этому наконец вынуждает необходимость. Я был вполне приличным второстепенным литератором и не мог достичь чего-то большего. Я зарабатывал пятьсот – шестьсот фунтов, а с этим доходом не мог прийти к твоему отцу и сказать,

что хочу на тебе жениться. И мне не хотелось воспользоваться тем, что он мертв. Я понимаю, что это звучит напыщенно, но все дело было в моей гордыне. Я стал еще реже тебя видеть. Я думал: «Зачем умножать боль?» Понимаешь, я думал... я искренне думал, что у меня нет ни единого шанса.

– И ты отступил, – произнесла Лесли.

– Да, я отступил, а теперь уже слишком поздно.

– Неужели поздно, Джером?

– Я искалечен...

Краска, залившая лицо Лесли, схлынула. Она, побледнев, протянула к нему руки и проговорила:

– Ты все еще меня любишь? Это единственное, что имеет для меня значение, – твоя любовь.

Он схватил ее руки и до боли сжал их.

– Лес...

Имя прозвучало как рыдание.

Глава 30

Покинув мисс Сильвер, Мэгги снова вышла к черной лестнице и начала спускаться по ступенькам. На повороте она услышала тяжелые шаги, посторонилась и вошла в ванную. Мимо нее прошла Джуди Элиот вместе с каким-то светловолосым молодым человеком в штатском костюме и полицейским сержантом. Они поднялись до лестничной площадки и скрылись в коридоре. Звук шагов замер, потом раздался стук закрытой двери. Джуди не вернулась.

Мэгги немного подождала. Из-под пилотки выбилась прядь волос. Сняв головной убор, Мэгги поправила волосы. Насчет прически у нее был свой пунтик. Глория может бегать с развевающимися волосами, но это был не ее, Мэгги, стиль. Волосы должны лежать гладко. Это недопустимо – носить военную форму и ходить с растрепанными волосами, как делали некоторые мобилизованные девушки.

Приведя прическу в порядок, Мэгги снова вышла на лестницу и отправилась на кухню. Когда она пришла в дом, миссис Роббинс была занята, но Мэгги не могла уйти, не поздоровавшись с ней. Миссис Роббинс могла быть либо на кухне, либо в комнате прислуги рядом с кухней. Мэгги решила для начала заглянуть на кухню. Там никого не было, но дверь в буфетную была приоткрыта, и оттуда доносились голоса мистера и миссис Роббинс. Мэгги, конечно, предпочла бы поговорить с ней наедине, но выбирать не приходилось.

Она почти пересекла кухню, когда поняла, что разговор идет на повышенных тонах. Это не был разговор людей, между которыми все уже давно высказано и сделано, в отношениях которых нет бурь и подводных камней. Мэгги всегда считала, что миссис Роббинс сделала неверный выбор, выйдя замуж за Роббинса. По мнению Мэгги, лучше остаться одной, чем выйти замуж за такого, как Роббинс. Одно дело отдавать и получать, но заполучить мужа, который навязывает тебе свой закон до такой степени, что завладевает твоей душой, – это уже лишнее, так не поступают люди, хоть сколько-нибудь себя уважающие.

Роббинс, несомненно, подчинил жену своему закону.

– В доме полиция, и все об этом знают. Мистер Джером сам разрешил им произвести обыск! Мистер Пилгрим не пустил бы их даже на порог. Насколько я знаю, сейчас они в комнате мистера Джерома. «Я им разрешил, – сказал он, – и они начнут с моей комнаты». И это говорит хозяин дома!

Мэгги Пелл вполне разделяла ужас и негодование старого слуги. Убийство на первых полосах газет – это, конечно, здорово, но когда дело доходит до обыска спален в таком доме, как «Приют пилигрима», – то это совсем другое дело, это уже касается тебя лично, и здесь не до шуток. «Интересно, – подумала Мэгги, – они обыщут весь дом? И если да, то что скажет на это мисс Нетта?»

Миссис Роббинс всхлипнула, а потом снова сердито заговорил Роббинс:

– Что во всем этом хорошего? Я же говорю тебе – это конец!

– Не говори так!

– Я буду говорить так, как хочу, а ты будешь меня слушать. И вот что я тебе скажу – перестань причитать и плакать по тому, кто заслужил смерть!

Она резко вскрикнула, перебив мужа:

– Альфред!

– Я с самого рождения Альфред! Он погубил твою дочь, разве нет? Теперь он подох и проклят, и ему некого винить в этом, кроме себя, а ты здесь распускаешь сопли: «Бедный мистер Генри!»

– Альфред, – еще раз повторила миссис Роббинс, испуганно затаив дыхание.

Мэгги тоже испугалась. Зачем только она сюда пришла? Но уйти она не могла, ноги отказывались ей повиноваться. Она слышала, как миссис Роббинс разразилась громким плачем. Потом раздался звук удара и сдавленный вскрик. Мэгги сделала еще шаг вперед. Она не могла просто стоять и слушать, как Роббинс обходился с женой.

Ее остановил прозвучавший от двери буфетной голос Роббинса. Он говорил негромко, но от этого становилось еще страшнее:

– Заткнись! Ты слышишь, заткнись! Закрой рот, ты поняла меня? Говорю тебе, полицейские думают, что это сделал я, и ты всем своим видом убеждаешь их в этом. «Что это она так переживает? – думают они. – Кто станет так переживать, если для этого нет причин? И какие причины у нее на уме? Почему она так по нему убивается? Наверное, она знает, кто это сделал, но о ком она может знать, как не о своем муже? Это он сделал». Вот что они скажут. Ты хочешь, чтобы мне на шею накинули веревку? Ты делаешь именно это. Говорю тебе, они думают, что это я убил этого проклятого Генри. Я слышал, как они говорили об этом в кабинете, и знаю, что они думают. Они думают, что это я!

– Это и в самом деле сделал ты? – в диком страхе закричала миссис Роббинс.

Мэгги почувствовала, что на ее висках выступил холодный пот, но она не смогла бы сдвинуться с места даже ради спасения своей жизни.

Вдруг она услышала голос Глории из коридора:

– Мэг, где ты? Мэгги!

Мэгги повернулась и опрометью бросилась прочь из кухни.

Глава 31

На лестничной площадке Джуди Элиот повернула направо и пошла по коридору, ведя за собой Фрэнка Эббота и полицейского сержанта в комнату Джерома Пилгрима. Рывком распахнув дверь, она посторонилась, чтобы дать им войти. Когда они проходили мимо, она старалась не смотреть на них, словно они были чумой, ворвавшейся в дом. Джуди даже сделала еще один шаг назад, чтобы они случайно ее не задели.

Такое отношение не понравилось бы ни одному влюбленному молодому человеку. Фрэнк Эббот был довольно высокого мнения о себе. Девушки, с которыми он время от времени встречался, флиртовал и танцевал, всячески поддерживали его в этом убеждении. В поведении Джуди он уловил желчное недовольство. Всем своим видом она говорила: «Какая это низкая работа – обыскивать чужие комнаты, а ты, оказывается, просто собака-ищейка, которую заставляют этим заниматься».

Эта леденящая мысль ударила Фрэнка, словно током. Он прошел мимо Джуди так, как будто ее не просто здесь не было, но словно ее вообще никогда для него не существовало. Джуди Элиот и в самом деле не существовало. Существовала работа, которую надо было сделать.

Джуди с похвальной деликатностью прикрыла за ними дверь. Конечно, можно было бы, повинувшись зову сердца, с грохотом ее захлопнуть, но она помнила, что она – всего лишь горничная, и сдержала первое побуждение. Обернувшись, Джуди увидела выходящую из своей комнаты Лону Дэй.

– Что происходит, Джуди? – с тревогой в голосе спросила Лона.

Щеки Джуди горели, глаза метали искры.

– Они обыскивают дом.

– О, как это неприятно.

– Это отвратительно!

– Но зачем? Что они ищут? Что они рассчитывают найти?

– Не имею ни малейшего понятия, – выпалила в ответ Джуди.

Трехлетний ребенок смог бы понять, что она потеряла самообладание, причем потеряла основательно и надолго. Мисс Дэй сочувственно посмотрела на нее и сказала:

– Наверное, они лучше знают, что надо искать. Где они сейчас?

– В комнате капитана Пилгрима.

– О господи, ему же нужен покой...

Джуди передернула плечом.

– Он внизу. Мне он велел проводить полицейских к нему.

– О боже, – беспомощно простонала мисс Дэй. – Надеюсь, они не потревожат мисс Джанетту?

– Ее отведут в комнату мисс Колумбы на время обыска.

В душе Джуди вскипел гнев. Она живо представила себе, как двое мужчин копаются в вещах пожилой леди, роются в ее ящиках! Как это низко!

– О боже! – еще раз повторила Лона Дэй.

Джуди не понадобилось много времени, чтобы взять себя в руки. Были моменты, когда Лона вела себя как настоящая сиделка – практичная, здравомыслящая, надежная и уверенная в себе, но бывали моменты, когда она вдруг теряла душевные силы и искала опоры в других. Джуди не испытывала особой симпатии к таким приставалам, но прогнать их можно было только грубостью, а грубить Джуди не умела органически.

Лона пустилась в многословные объяснения по поводу своей чувствительности в отношении преступлений и полиции и зашла в них уже довольно далеко, прежде чем Джуди решилась сказать:

– Знаете, не вы одна оказались в трудном положении. В конце концов, мы обе на работе. Лучше пойдите к мисс Джанетте и предупредите ее об обыске.

Если она думала этим спровоцировать мисс Дэй, то была сильно разочарована. Лона испустила тяжкий вздох и в поисках сочувствия заглянула в глаза Джуди.

– Не знаю, что она скажет мне в ответ. Я бы с удовольствием поменялась с вами ролями, моя дорогая.

Джуди спустилась по лестнице и достала все, что необходимо для уборки, из шкафа в ванной. Полицейские закончили обыск в комнате Роджера Пилгрима, и ей надо было убрать до обеда. Натирка пола успокоит ей нервы и избавит от вида полицейских, так как комната Роджера находится в другом крыле. Чем дальше от Фрэнка Эббота, тем лучше. Опустившись на четвереньки, она принялась натирать пол.

Выйдя из кухни, Альфред Роббинс направился к лестнице, чтобы подняться к себе. Он был бледен. Это была та особая бледность, которая скрывает бушующий внутри огонь. Он едва успел поставить ногу на нижнюю ступеньку, когда услышал, как хлопнула дверь, ведущая в сад, и в короткий поперечный коридор, соединявший вход с нижней площадкой лестницы, вошла мисс Колумба. Она шла тяжело, словно на ее плечи давил непомерный груз. Затем уселась на скамейку, стоявшую рядом с дверью под вешалкой, и позвала Роббинса. Собственно, он ждал, что она его окликнет.

– Снимите с меня сапоги, я сама с этим не справлюсь.

Роббинс знал, чем все это закончится, в тот момент, когда услышал стук входной двери. Он нацепил на лицо благожелательную улыбку и поспешил к мисс Колумбе. Но, подойдя к ней, он увидел, что леди никуда не торопится. Она просто сидела на скамейке, откинувшись к стене и утонув плечами в висевших на крючках пальто и плащах. Роббинс стоял и ждал, подавляя нетерпение, которое росло в нем, как на дрожжах.

Помолчав, мисс Колумба заговорила:

– Господи, я так устала! – Сделав паузу, она продолжила: – Как же хорошо быть овощем. Некоторым людям это удается. У них чувств столько же, сколько у капусты. Чувства ужасно давят. Лучше не иметь их вовсе.

Роббинс стоял рядом, потупив голову, и все его существо соглашалось с мисс Колумбой. Нетерпение уже захлестывало его. Когда оно стало невыносимым, Роббинс опустил на одно колено и сказал:

– Вы хотели, чтобы я снял с вас сапоги.

Но заставить мисс Колумбу спешить было невозможно, и Роббинсу следовало бы это знать. Она сама распоряжалась своим временем. Такова была мисс Колли – это было ее время, а не ваше, что бы вы при этом ни чувствовали.

Она сидела и смотрела на него. Роббинс был готов кричать от этого молчаливого ожидания. Наконец мисс Колумба открыла рот:

– Вы давно работаете у нас, Альфред?

Она нечасто называла его так.

– Тридцать лет, – ответил он.

– Это очень долго.

Сделав еще одну паузу, она сказала:

– Жаль, что мы не можем вернуться назад, но мы не можем. – Она выставила вперед ногу. – Снимите сапог, он, кажется, весит целую тонну.

Когда мисс Колумба наконец переобулась в домашние туфли, стоявшие под скамейкой, Роббинс подумал, что может уйти, но он горько ошибся. Оказывается, в утренней комнате заело шпингалет, и Джуди Элиот не смогла его открыть. Роббинсу следовало пойти туда и разобраться со шпингалетом, пока о нем не забыли.

Роббинс попытался уклониться:

– В утренней комнате мистер Джером с мисс Лесли.

– Ему пора отдыхать. Я пойду и провожу его оттуда, а вы займетесь шпингалетом.

До мисс Колумбы никогда бы не дошло, что эти двое в утренней комнате могли сказать друг другу что-то новое к тому моменту, когда она явилась туда. Лесли и Джером были знакомы сорок лет, а за это время можно сказать друг другу все. Она вошла в комнату без предупреждения, и, возможно, ее первоначальное убеждение сильно бы поколебалось, если бы у нее была более легкая походка. Однако даже в домашних туфлях мисс Колумба шагала так тяжело, что Лесли успела отнять у Джерома руку, которую тот покрывал поцелуями, и оказаться у камина, возле

которого она остановилась, глядя на огонь и надеясь, что отблески пламени помогут объяснить румянец, заливавший ее щеки. Лесли охватило такое счастье, что ей казалось, что его отсвет виден всем окружающим, но она пока была не готова делиться с ними своими чувствами. Это были их с Джеромом чувства, которые никого в мире больше не касались, особенно теперь, когда в доме творились зловещие и немыслимые события.

Роббинс сразу направился к окну, а мисс Колумба, дружески кивнув Лесли, принялась выговаривать Джерому, что он должен сейчас же идти к себе.

Лесли взяла себя в руки:

– Мне надо возвращаться к детям. Я забежала на минутку, но меня задержал Джером.

Она не смотрела на него, но слышала, как он встал.

– В моей комнате, тетя Колли, полно полицейских. Думаю, они едва ли дадут мне отдохнуть.

– Полиция? В твоей комнате? – удивилась Лесли.

– Ты дал им разрешение, как и я?

Мисс Колумба нахмурилась, возвышаясь посреди комнаты в своих вельветовых брюках, вымазанных землей, и рыбацком свитере, подчеркивавшем ее мощное сложение. Лесли заметила, как дрожат большие руки мисс Колумбы. Однако в следующий момент та спрятала их в карманы, где лежали складной садовый нож, мотки бечевки и старые и новые этикетки.

Руки мисс Колумбы дрожали, но голос оставался твердым и звучным. Она громко поинтересовалась:

– Чего они хотят? Что они думают там найти?

– Я не знаю.

Шпингалет заело основательно – Роббинс не смог его открыть. Он слышал, как мистер Джером хромя вышел из комнаты, чтобы проводить мисс Лесли до двери. Конечно, капитан проводит гостью до выхода из стеклянной галереи на улицу. Если бы Роббинс не был так занят своими мыслями, то смог бы что-нибудь придумать, но сейчас его занимало только одно – быстрее покончить с этим проклятым шпингалетом, подняться к себе, а потом перехватить мистера Джерома, когда он будет один, и поговорить с ним. Так дальше продолжаться не может. Если бы мисс Колли ушла, то Роббинс мог бы перехватить мистера Джерома, когда тот будет возвращаться от входной двери. Но мисс Колли не ушла. Она стояла – вся в грязи и руки в карманах – и смотрела, как он возится со шпингалетом. В доме произошло убийство, для Пилгримов настал судный день, раскрываются все тайны – но мисс Колли вынь да положь этот несчастный шпингалет! Он еще раз попытался его повернуть, но безуспешно, и тогда мисс Колли посоветовала ему смазать шпингалет.

Проходя через холл, Роббинс увидел, что большая дверь открыта настежь. Мистер Джером и мисс Лесли стояли в стеклянной галерее и разговаривали. Если он поспешит, то успеет перехватить мистера Джерома до того, как он поднимется наверх.

Когда он снова оказался в холле с флаконом машинного масла, дверь была уже закрыта. Но мисс Колли осталась на месте – хмурая, по-прежнему засунув руки в карманы.

Однако этим дело не ограничилось. Она снова задержала его. Как выяснилось, в доме был еще один шпингалет, который тоже заело. Роббинсу пришлось смазать и его под бдительным оком мисс Колумбы. Странно она себя ведет. Стоит и смотрит на него так, словно он – пустое место. Это ничего не значило, такова была мисс Колли. Но это заставило Роббинса задуматься. «Лезть в душу» – ему никогда не нравилось это выражение. Мысли мужчины – это его собственность, даже если у него ничего больше нет. То, что у него на уме, касается только его, и никого другого. Но мисс Колли вообще ни о чем не думала, такова была ее манера, и все.

Украшенные розовой эмалью и золотыми купидонами часы утренней комнаты показывали без четверти четыре, когда Роббинс освободился и поднялся наверх. В это время Фрэнк Эббот и сержант полиции обыскивали его комнату. В полицейском рапорте было сказано, что он подошел к двери комнаты Джерома Пилгрима, но так и не поговорил с ним. После этого он поднялся на чердак, в помещение, из окна которого сорок семь часов назад выпал Роджер Пилгрим.

Между без десяти и без пяти минут четыре Роббинс выпал из того же окна и тоже разбился насмерть.

Глава 32

Фрэнк Эббот и сержант полиции из Ледлингтона одновременно услышали крик, затем удар и звук падения. Все ящики из комода в комнате Роббинса были вытащены и составлены их друг на друга перед окном. Сержант ободрал себе голень, сдвинув ногой один из них в сторону. Им пришлось передвинуть все ящики, чтобы добраться до окна, а потом еще надо было открыть обе створки и ставни.

К тому моменту, когда они проделали все это, Джуди Элиот уже выглядывала из окна второго этажа и смотрела на распростертое внизу тело Альфреда Роббинса, лежавшее на том же месте, где за два дня до этого лежал труп Роджера Пилгрима. Над телом склонился Пелл. Он поднял голову и громко сказал полицейским:

– Он мертвый, совершенно точно мертвый.

Эббот в ответ прокричал сверху:

– Не трогайте его! Вообще ничего не трогайте. Мы сейчас спустимся. – С этим они с сержантом бросились к двери.

Однако она была заперта. Фрэнк воззрился на дверь, а сержант уставился на него. С внутренней стороны двери ключа не было.

Ледлингтонский сержант наклонился и посмотрел в замочную скважину:

– Ключ торчит с той стороны. Неплохое начало. Ключ торчал с этой стороны, когда мы вошли, я точно это помню.

Фрэнк кивнул:

– Мне тоже так показалось, хотя и не могу поклясться. Вы не слышали, чтобы кто-нибудь открывал дверь?

Сержант выпрямился.

– Мы могли бы и не услышать, пока хрустели старыми газетами.

Содержимое нижнего ящика было разложено на полу – кипы пожелтевших от старости газет «Пионер», «Гражданские и военные» и индийских газет с запыленными новостями тридцатилетней давности с прошлой войны – все газеты были из времен до восемнадцатого года. Поверх этого неудобного ложа лежали рубашки мертвеца. На кучу бумаг из руки Эббота упал коричневый кожаный бумажник.

Эббот повернулся к бумажнику, когда сержант попытался ударом ноги выбить дверь. Когда раздался треск сломанного замка, Фрэнк наклонился за бумажником и поднял его, обернув носовым платком, который набросил сверху на бумажник. Если эта находка была тем, что он думал, то не составляло никакой загадки, почему Роббинс покончил с собой – многие люди предпочитают упасть из окна, а не болтаться на виселице.

Связав углы носового платка, Эббот вслед за сержантом вышел на винтовую лестницу.

Пелл не ошибся – Роббинс был мертв. Но смерть следовало констатировать, удостоверить, запротokolировать и включить в рапорт. Полицейские процедуры нельзя нарушать. Сержант отправился в кабинет и позвонил в полицейский участок. Говорил сержант громко, хорошо поставленным хриловатым голосом, и слышать его мог любой, кто стоял в коридоре рядом с дверью. Докладывал он сухо и по-деловому, как будто о чем-то очень будничном и рутинном.

– Начальник участка на месте?.. Да, позовите его к телефону. Это сержант Смит, сэр. У нас еще один труп... Дворецкий Роббинс... Самоубийство... Да, из того же окна, что и майор Пилгрим... Нет, никто ничего не трогал. Сержант Эббот и я были в соседней комнате, когда все это произошло... Вы выезжаете?.. Хорошо, сэр.

В нашем двадцатом веке к убийству относятся с тем же трепетным почтением, как к средневековым монархам. Перекрывают все входы и выходы. Убитому кланяются врачи, фотографы и криминалисты – каждый играет заранее отведенную ему роль.

Играл свою роль и Рэндалл Марч. Он снова сидел за столом в кабинете, выслушивал рапорты и задавал вопросы. Докладывали оба сержанта – первым был Смит.

– Мы закончили обыск в комнате капитана Пилгрима, где не нашли ничего существенного. Потом пошли на чердак, откуда, собственно, мы собирались начать, но капитан Пилгрим попросил нас начать с его комнаты, и мы уважили его просьбу, тем более что он инвалид войны.

– Сколько времени вы пробыли в чердачном помещении до того, как произошло падение Роббинса? – спросил Марч.

– Минут десять? – не вполне уверенно ответил сержант, посмотрев на Фрэнка Эббота.

Фрэнк кивнул.

– Да, что-то около того, – сказал он.

Смит продолжил:

– Мы извлекли из комода ящики. Нижний ящик был набит старыми газетами и вырезками, и, вероятно, поэтому мы не услышали, как нас заперли в комнате.

– Вас заперли?! – не удержавшись, воскликнул Марч.

– Именно так, сэр. Мы оба уверены, что ключ торчал в замочной скважине изнутри, когда мы входили в комнату. Должно быть, он подошел, бесшумно приоткрыл дверь, увидел, что мы нашли, и извлек из замочной скважины ключ. Потом вставил его в скважину снаружи, запер нас и вышел в соседнюю комнату, откуда и выбросился. Он понял, что его игра проиграна, но у него хватило выдержки извлечь ключ и запереть нас.

– Думаю, он увидел вот это и понял, что игра окончена, – присущим ему отчужденным голосом произнес Фрэнк Эббот. – Сомневаюсь, что он заранее планировал самоубийство, иначе не стал бы приближаться к нам. Он очень боялся – настолько, что не выдержал и заглянул в свою комнату, и то, что увидел, показало ему, что все кончено. Не думаю, что он планировал нас запереть, это был мгновенный импульс. Он решил выиграть время, чтобы мы не успели ему помешать, потому что когда он это увидел, то понял, что ареста ему не миновать.

– Что же он увидел? – отрывисто и резко спросил Марч.

Фрэнк Эббот развязал углы носового платка и аккуратно положил льняной прямоугольник на стол. На носовом платке лежал коричневый кожаный мужской бумажник с золотой табличкой, на которой были выгравированы буквы Г.К.

Марч прочел буквы вслух:

– Г.К.

– Генри Клейтон, – подсказал Фрэнк. – Это пропавший бумажник.

– Бумажник пропал?

– Да. Об этом Роджер сказал мисс Сильвер. Старый мистер Пилгрим подарил Генри Клейтону пятьдесят фунтов на свадьбу – пятьдесят фунтов наличными, – и Генри вытащил из кармана бумажник и положил туда деньги – в коричневый кожаный бумажник с его инициалами. Роджер в это время находился в комнате, так же как и Роббинс.

– Где вы его нашли?

На этот вопрос ответил Смит:

– За ящиками в комод. Знаете, в добротных старинных комодах ящики по длине достают до задней стенки комода, упираются в нее, и этот комод тоже в свое время был таким, но его заднюю стенку проели древоточцы, и бумажник завалился между задней стенкой и ящиком. Бумажник был зажат между ящиком и сгнившей задней стенкой комода.

Марч посмотрел на лежавший на льняном платке бумажник.

– Спрашивается, зачем Роббинс его хранил?

Он поднял голову и уловил насмешливый взгляд голубых глаз Фрэнка Эббота. Марч и сам не понял почему, но почувствовал себя как-то неуютно.

Смит с готовностью подсказал ответ:

– Таковы все преступники. Они почему-то хранят такие вещи. Вот взять, например, этого Роббинса. Когда убили мистера Клейтона? Три года назад, не так ли? Роббинс каждый день бывает на кухне, где в плите почти круглые сутки ревет пламя. Ему ничего не стоило швырнуть бумажник в огонь, когда жены не было на кухне. Но он – глупец – хранит бумажник, как реликвию, – сует его в ящик в кучу старых, никому не нужных газет. Скорее всего он ни разу его оттуда не доставал и даже не знал, что бумажник ищут. Но когда он увидел бумажник в наших руках, то сразу понял, что все для него кончено – он проиграл. Если в семье найдется человек, который под присягой подтвердит, что бумажник принадлежал мистеру Клейтону – а вероятно,

все, кто остался в живых, смогут это сделать, – то для Роббинса это означало бы неминуемую виселицу.

– Полагаю, что кошелек пуст? – спросил Марч.

Ответил Фрэнк Эббот:

– Кажется, да. Но лучше снять с него отпечатки пальцев, прежде чем открывать.

Марч одобрительно кивнул, а потом отрывисто спросил:

– Если в комод зашелся древоточец, то там, за ящиками, было, наверное, полно пыли?

– Вам бы стоило посмотреть на наши руки, сэр! – сказал Смит. – Там была не только древесная пыль. Мы вымазались в паутине и еще бог знает в какой-то дряни. Это вообще недостаток всех больших домов. Обычно весной такие комоды основательно чистят – вытаскивают ящики и все добросовестно протирают. Этот комод не чистили много лет.

– Тогда почему бумажник чистый?

– Наверное, он лежал там совсем недолго. Я бы сказал, что очень недолго. Ящик был устлан старыми газетами, а поверх них лежали рубашки, и Роббинс открывал ящик всякий раз, когда ему надо было поменять рубашку. Бумажник был засунут в самый конец ящика. Наверное, когда жена Роббинса заложила туда партию выстиранных рубашек, бумажник провалился за изъеденную стенку ящика.

– На нем была пыль?

Марч посмотрел на Эббота, и тот отрицательно покачал головой:

– Бумажник был абсолютно чистый.

– Значит, он пролежал там недолго.

– Да.

Марч неторопливо связал углы платка.

– Ясно. Все остальное после того, как Реддинг разберется с отпечатками пальцев. Смит, скажите ему, чтобы он сразу занялся бумажником... Да, еще одно. Сколько времени прошло между криком и падением и моментом, когда вы смогли выбраться из комнаты?

– Трудно сказать точно, – ответил Смит. – Две, ну, от силы три минуты. По-моему, не больше, как вы думаете, Эббот?

Фрэнк кивнул:

– Мы находились в дальнем конце комнаты, спиной к двери, приблизительно на равном расстоянии от нее и от окна.

– Но бумажник мог увидеть всякий, кто заглянул бы в комнату?

– О да. Для чердачного помещения это большая комната, и просматривается она насквозь. Мы оба стояли на коленях. Я положил бумажник на расстеленный платок, а Смит, сунув голову в комод, обшаривал его углы. Услышав крик, мы вскочили, но путь к окну преграждали ящики. Смит ободрал себе ногу и сбросил один из ящиков вниз. Мы подбежали к окну и открыли его. Из окна второго этажа высунулась Джуди Элиот, а над телом уже склонился Пелл. Мы поговорили с ним, и только после этого выяснилось, что нас заперли снаружи. Я взял бумажник и завязал платок, а Смит в это время вышиб дверь. На все это ушло не больше трех минут.

– Да, наверное, так. Вы не можете точно указать время, когда вас могли запереть?

– Точно я не могу этого сказать, но думаю, что это произошло, когда мы вынимали газеты.

– Думаю, что вы правы. Вы закончили обыск комнаты?

– Да. Пока мы ждали вас, Смит оставался рядом с трупом, а я снова поднялся наверх. Я думал, что миссис Роббинс захочет подняться к себе. В комнате пыли по колено.

– Вы нашли что-нибудь еще?

Эббот протянул Марчу конверт, в котором лежало что-то объемное.

– Это мы нашли в ящике столика для умывальных принадлежностей. Я имею в виду не конверт, а то, что в нем находится.

Под откинутым клапаном была видна коробочка, похожая на спичечный коробок.

– Внутри находятся зеленоватые таблетки, которые вы просили нас внимательно поискать.

– Сплошные чудеса, – мрачно произнес Марч. – Ладно, Реддинг разберется. Таблетки надо отдать на анализ, но, похоже, мисс Сильвер попала в десятку – она точно все угадала.

– Думаете, это можно назвать догадкой? – спросил Фрэнк Эббот. – Мой шеф едва не подозревает ее в черной магии – правда, для этого он слишком ее уважает, но мне порой кажется, что он не удивится, если узнает, что по ночам она летает верхом на метле.

Марч натянуто рассмеялся:

– Иногда мне и самому так кажется! Она умеет видеть людей изнутри, причем сразу, а мы видим только то, что снаружи, а когда мы стараемся заглянуть в голову подозреваемого, он успевает подготовиться к защите. Мы не замечаем естественных причин человеческих поступков, а она замечает. Кстати, где она?

Фрэнк вскинул руку.

– Она с миссис Роббинс. Частный детектив стал ангелом-утешителем! Знаете, у нее это хорошо получается. Возраст не мешает ей быть бесконечно разнообразной.

Марч позволил себе улыбнуться:

– Не знаю, кто бы больше возмущился от такого высказывания – Клеопатра или мисс Сильвер. Ладно... Смит, передайте бумажник и конверт Реддингу и привезите их мне, как только он закончит работу с ними. Не думаю, что в бумажнике что-то осталось, но кто его знает? Попросите мисс Элиот прийти сюда. Пусть она будет следующей.

Фрэнк отошел к каминной полке. Было очевидно, что он хочет остаться. Ему надо было делать дело, и он собирался делать его хорошо и добросовестно. Но Джуди, если ей не нравилось то, что он делал, могла, по своему характеру, навредить и себе, и делу.

Рэндалл Марч отвлек Эббота от этих невеселых мыслей:

– Но почему Роббинс оставил бумажник там, где вы его нашли? Ведь он знал об обыске. Как долго вы пробыли в комнате Джерома Пилгрима?

– Двадцать минут, может быть, немного дольше.

– Так почему за это время Роббинс не поднялся в свою комнату и не избавился от тяжелой улики?

– Ну, он мог его просто потерять и не думал, что он лежал там, где мы его нашли. Возможно, решил, что бумажник кто-то взял – например, жена. Я слышал, что она просто глаза выплакала по «бедному мистеру Генри». Может быть, он подозревал ее и надеялся, что она избавилась от бумажника, уничтожила его. И при этом, как мне кажется, он не хотел дразнить спящую собаку.

– Ну, не знаю, хотя, конечно, возможно...

– Между прочим, он пытался подняться наверх, когда мы были в комнате Джерома, но мисс Колумба задержала его в утренней комнате и заставила починить шпингалеты. Джером в это время тоже находился там вместе с мисс Фрейн. Это было без двадцати – без пятнадцати четыре. Потом Лесли ушла, Джером поднялся в свою комнату, где мы только что закончили обыск, а Роббинс в это время занимался окнами в утренней комнате. Покончив с ними, он поднялся на второй этаж и постучался к Джерому. Дверь открыла Лона Дэй и спросила у Роббинса, что ему угодно. Он сказал, что хочет поговорить с мистером Джеромом. Лона ответила, что это невозможно, потому что мистер Джером отдыхает. Такая образцовая сиделка, защищающая своего пациента – «вы войдете к нему только через мой труп». Я не знаю, что он хотел сказать Джерому, но это так и осталось невысказанным. Потом Роббинс поднялся наверх, запер нас на ключ и выбросился из окна соседней комнаты.

– Жаль, что Джером не поговорил с ним, – вздохнув, произнес Марч.

– Да, в комнате играла успокаивающая музыка – Лона Дэй включила приемник, чтобы ее подопечный настроился на отдых. Конечно, он слышал стук в дверь, но едва ли придал ему большое значение. Поговорив с Роббинсом, Лона пошла в свою комнату, приготовить чай Джерому. Она хотела напоить его чаем ровно в четыре, а потом уговорить поспать до ужина.

Глава 33

Дверь открылась, и в кабинет вошла Джуди. Рабочий халат она сняла и осталась в темно-синей юбке и свитере. Руки она тщательно вымыла. Под глазами виднелись синие круги.

Она не посмотрела на Фрэнка, хотя она почувствовала затылком, как он буквально сверлит ее холодным взглядом. Держалась Джуди неестественно прямо и была очень бледна.

Марч был с ней любезен и предупредителен. Усадив ее на стул, он сказал:

– Боюсь, все это очень действует вам на нервы, но я не стану вас долго задерживать. Наверное, вы слышали крик Роббинса и звук падения?

– Да, – ответила Джуди.

– Где вы в это время находились, мисс Элиот?

– В комнате майора Пилгрима. – Она слегка покраснела. – В комнате, где он жил. Полицейские сказали мне, что я могу ее убрать, и я наводила там порядок.

– Хорошо, значит, вы слышали крик. Это был просто крик? Вы не слышали никаких слов?

– Трудно сказать, – ответила Джуди и побледнела еще сильнее. – Это звучит глупо, но я и в самом деле не могу ответить на этот вопрос. Я была очень сильно потрясена. – Она подняла голову и посмотрела Марчу в глаза. – Но никаких слов я не слышала.

Мысленно Марч похвалил ее за добросовестность.

– Что вы стали делать?

– Я подбежала к окну, открыла его и увидела, что на камнях в саду кто-то лежит. У меня закружилась голова. Сама не знаю, как я оказалась у окна и смотрела, как по дорожке к телу бежит Пелл. Я крикнула ему: «Кто это?» Я не знаю, зачем я это спросила, потому что, конечно, я и сама все поняла по льняной куртке. Пелл ответил: «Это Роббинс». Я спросила, мертв ли он, и Пелл ответил: «Мертвее не бывает».

– Что вы стали делать после этого?

– Из окна наверху высунулись сержант Эббот и сержант Смит и начали разговаривать с Пеллом, а я побежала в утреннюю комнату и все рассказала мисс Колумбе.

– Она была там одна?

– Да.

– Где были все остальные?

– Мисс Джанетта лежала у себя в постели. Поднявшись на второй этаж, я увидела мисс Дэй, выходящую из комнаты капитана Джерома. Наверное, я ужасно выглядела, потому что она подошла ко мне и спросила, в чем дело. Я объяснила ей, что случилось, и она сказала, что слышала, как кто-то кричал, но в комнате в это время работал приемник, и она решила, что ей показалось.

– Спасибо, мисс Элиот.

Следующим Марч вызвал Пелла.

Старик вошел в кабинет решительно. Над квадратным обветренным лицом топорщились густые с проседью волосы, которые были когда-то такие же рыжие и выющиеся, как у Глории. Пелл вытер руки о грязные вельветовые штаны. В маленьких зеленовато-карих глазах можно было прочесть вызов. «Я не нарушал закон и не боюсь никакой полиции», – говорил он всем своим видом. Он основательно уселся за стол и немигающим взглядом посмотрел Марчу в лицо. Взгляд его не изменился, хотя Марч заговорил с ним очень любезно. Впрочем, даже если бы шеф полиции стал его запугивать, едва ли это произвело бы какое-то впечатление на Пелла – он был честный человек и знал свои права.

Он возился в противоположном конце сада, когда услышал крик и звук падения. Обернувшись, Пелл увидел Роббинса, лежавшего в неестественной позе на камнях садовой дорожки. Он подбежал к телу.

– В это время из окна мистера Роджера высунулась мисс Элиот и спросила: «Он мертвый?» Я ответил, что мертвее не бывает. Потом высунулись полицейские с чердака и начали кричать,

чтобы я ничего не трогал. Да я ничего и не трогал, только пощупал его, чтобы понять, живой он или мертвый.

– Вы никого больше не видели в окнах?

– Я никого не видел, да и не увидел бы, даже если кто и смотрел в окно. Я же бежал к Роббинсу и смотрел только на него, неужели непонятно? Вы бы стали смотреть в окна, если бы видели перед собой труп на камнях?

Спрашивать Пелла было больше не о чем.

– Думаю, что нет, – ответил Марч и отпустил садовника.

Потом настала очередь Лоны Дэй. В кабинет она вошла с серьезным и сосредоточенным видом, но эта сосредоточенность никоим образом не отразилась на цвете лица и умелом макияже. Джуди была совершенно бесцветной, а мисс Дэй не забыла накраситься. Помадой она не злоупотребила, но наложена она была только что. Простое темное платье с жестким белым воротничком выглядело как униформа и делало Лону очень привлекательной. Всем своим видом она выказывала сочувствие семье и не скрывала, что разделяет ее тревоги. Марч вспомнил, что в прошлой беседе нашел мисс Дэй интеллигентной и точной в описании деталей.

– Где вы были во время падения Роббинса, мисс Дэй?

– Видите ли, инспектор, я не знаю, что вам ответить. У капитана Пилгрима был включен приемник, а я время от времени выходила из его комнаты и возвращалась обратно – мне надо было зайти в свою комнату и в ванную, поэтому в то время я не особенно прислушивалась к тому, что происходило. Вы же сами знаете, что в такие моменты не обращаешь внимания на посторонние звуки. Но из комнаты капитана Пилгрима я выходила приблизительно без четверти четыре, когда открыла дверь и поговорила с Роббинсом.

– Что значит – поговорила?

Лона посмотрела в лицо Марчу своими зелеными глазами. Он нашел этот цвет необычным – и очень привлекательным.

– Он постучался в дверь, я открыла.

– Что он вам сказал?

– Что ему надо поговорить с мистером Джеромом.

– Что вы ответили?

– Я сказала, что ему придется подождать, потому что капитан Пилгрим отдыхает. Он и так перегрузил себя сверх меры, как мне кажется, и я не хотела, чтобы он с кем-нибудь разговаривал, прежде чем хорошенько отдохнет. Поэтому я спешила приготовить ему чай к четырем часам.

– Вы всегда завариваете ему чай в это время?

Мисс Дэй отрицательно покачала головой:

– Нет, он теперь довольно часто спускается в столовую, а если он наверху, то чай ему подают иногда мисс Элиот или Роббинс, а иногда я. Какого-то строгого правила здесь нет. Но иногда я завариваю ему чай, так сказать, вне очереди. В ванной у меня есть спиртовка и шкафчик, где я держу чай и какао, сухое молоко и бисквиты. Мисс Джанетта любит выпить чашку какао на ночь и рано утром, и я в ванной завариваю для нее какао.

– Хорошо, итак вы собирались заварить чай для капитана Пилгрима. Роббинс еще что-нибудь сказал вам?

– Он сказал: «Я хочу поговорить с ним по очень важному делу», а я ответила: «Вам придется подождать. Я никого к нему не пущу, пока он не отдохнет». Роббинс после этого ушел, и я слышала, как он поднимался по лестнице. Я решила, что он пошел в свою комнату.

– Вы вернулись в комнату капитана Пилгрима после этого разговора?

– Да, всего лишь на минуту, чтобы сказать, что заварю ему чай. Потом пошла в ванную и поставила чайник.

– Где вы были во время падения Роббинса, мисс Дэй?

– Точно не могу сказать, потому что я ничего не слышала.

– То есть вы не слышали ни крика, ни звука падения?

– Нет, не слышала.

– Как вы можете это объяснить?

– Окно ванной выходит на боковую сторону дома, к тому же трубы в ванной очень старые. Я открыла кран, чтобы наполнить чайник, и трубы тотчас громко загудели. Правда, я не знаю, была

ли я в ванной во время падения Роббинса. Я все время перемещалась из ванной в свою комнату и обратно в ванную. Окно моей комнаты выходит на улицу.

– Но окно комнаты капитана Пилгрима выходит в сад.

– Да, в сад выходят два окна. Это угловая комната, и есть еще одно окно, расположенное в торце дома.

– Чем вы можете объяснить то, что капитан Пилгрим не слышал вскрик Роббинса?

– В его комнате был включен приемник. Но думаю, что он слышал крик, потому что, когда я вошла – после всего, что произошло, – он спросил: «Что-нибудь случилось? Мне показалось, что кто-то кричал». Я подумала, что будет лучше, если я расскажу ему, что случилось.

– Кто рассказал об этом несчастье вам, мисс Дэй?

– Джуди Элиот. Я встретила ее в коридоре, она выглядела такой расстроенной, что я спросила ее, что случилось.

Марч повернулся к Фрэнку Эбботу:

– Вы стенографировали то, что сказала нам мисс Элиот. Не говорила ли она о том, что мисс Дэй говорила ей, что вроде бы слышала крик?

– Да, сэр, говорила.

– Это так, мисс Дэй?

– Конечно, я так ей и сказала. Но, видите ли, я не была в этом уверена и не могла бы поклясться в этом на Библии. Чем больше я думала об этом, тем сильнее чувствовала, что это, наверное, была игра воображения, и поэтому я вообще выбросила из головы этот крик и не вспоминала о нем до тех пор, пока мисс Элиот не сказала мне о новом несчастье в доме. – Она бросила на Марча откровенно призывный взгляд.

– Понятно, – сказал он, а затем резко сменил тему: – Мисс Дэй, вы когда-нибудь подозревали Роббинса в том, что он принимал наркотики?

Лона настороженно посмотрела на Марча. Этот взгляд прочно запечатлелся у него в мозгу – он отметил, что она насторожилась, но удивления в ее глазах не было.

– О господи, – сказала она и тут же добавила: – Мне не хотелось бы об этом говорить.

– Думаю, вам придется это сделать. Я не спрашиваю вас о том, принимал он наркотики или какой-то определенный наркотик. Я спрашиваю о том, не возникало ли у вас подозрения, что он их принимает?

– Да, такое подозрение у меня было, – с видимым облегчением ответила она.

– Вы подозревали, что он употребляет какой-то определенный наркотик? И если да, то почему?

В глазах Лоны появилось горестное выражение.

– Однажды он заговорил со мной о гашише. Ну, вы знаете, это индийская конопля, правда, он называл ее, как индусы – бхангом. Ведь он был в Индии.

– Мне кажется, что вы тоже там были.

– Да, поэтому он и заговорил со мной об этом.

– Что именно он вам говорил?

– Он спросил, не пробовала ли я гашиш. Потом сказал, что от него бывают чудесные сновидения. Я, конечно, сказала ему, насколько это опасно, и предупредила, что у нас в Британии гашиш запрещен законом.

– Что он сказал вам на это?

Мисс Дэй слегка вздрогнула.

– Он как-то странно посмотрел на меня и сказал, чтобы я не думала, будто он принимает гашиш, но бывают моменты, добавил он, когда хочется иметь под рукой что-нибудь снотворное. Мне стало его жалко, потому что я знала, как они с женой переживали из-за дочери. Но я снова предупредила его о серьезной опасности гашиша. О том случае я никому в доме не рассказала.

– Когда состоялся этот разговор?

– О, это было давно – сразу после того, как я сюда приехала три года назад.

– Это было до или после исчезновения Генри Клейтона?

Она на минуту задумалась, потом ответила:

– Думаю, что после.

– Мисс Дэй, вы когда-нибудь видели Роббинса под действием такого наркотика, как гашиш?

Лона снова надолго задумалась. Потом ответила очень неуверенно:

– Иногда он вел себя весьма странно, но я не знаю, было ли это следствием приема каких-то лекарств.

– Как действует гашиш?

Ответила она снова с большой неуверенностью:

– Ну, это наркотик...

– Но он навевает сновидения?

– Думаю, что да.

– Не оказывает ли гашиш возбуждающее действие?

– Я слышала, что иногда на самом деле вызывает, но я не очень хорошо в этом разбираюсь.

– Гашиш может вызывать как хорошие, так и дурные сны?

– Мне кажется, что да.

– Вы когда-нибудь слышали о том, что он действительно производит такой эффект?

– Ну... да, слышала.

– Мисс Дэй, вам когда-нибудь приходило в голову, что нервные припадки капитана Пилгрима могли быть вызваны приемом такого лекарства, как гашиш?

– О нет, это было бы ужасно! – в страхе воскликнула она.

– Но вам никогда не приходило это в голову? Насколько я понимаю, все симптомы были налицо – крепкий, со страшными, кошмарными видениями сон, от которого больной пробуждался, а потом приходил в аномальное, оглушенное состояние. Это так?

– Да, но это же ужасно, это преступно!

– Вы не подозревали ничего подобного?

У Лоны Дэй было абсолютно несчастное лицо.

– Нет, во всяком случае, до последнего приступа. Когда я приехала сюда, мне показалось, что все дело в успокаивающих средствах, которые он иногда принимал. Я подумала, что они ему не подходят, и сказала об этом доктору Дэйли. Он поменял лекарства, и некоторое время после этого приступов не было. Когда же случился последний припадок, я и в самом деле подумала о гашише. Даже скорее это была не мысль, а смутное подозрение. Я не могла себе даже вообразить такое, да и какой мог быть мотив такой ужасной низости? Нет, надеюсь, что это не так!

– Имел ли Роббинс возможность давать капитану Пилгриму гашиш? Вы только что сказали, что он иногда приносил Джерому Пилгриму чай. Не приносил ли он ему еще и ужин?

– Да, приносил – всегда, в тех случаях, когда капитан не спускался в столовую.

– Я полагаю, что гашиш можно было добавлять ко всем блюдам, приправленным специями?

В глазах Лоны стояли слезы. Она вынула из кармана носовой платок и промокнула их.

– Да, думаю, что да. – Она снова поднесла платок к глазам. – Простите, но это такое злодейство, такое преступление. Я просто не могу в это поверить.

– Мы не сможем этого доказать, – сухо сказал Марч. – Посмотрим, прекратятся ли теперь приступы.

Она слабо улыбнулась сквозь слезы:

– Это было бы чудесно!

Марч отпустил ее.

Глава 34

Выйдя на центральную лестницу, Лона Дэй столкнулась с мисс Сильвер, которая спускалась вниз. Лона остановилась, чтобы справиться о самочувствии миссис Роббинс, и мисс Сильвер ответила, что миссис Роббинс уснула.

– С ней сидит Джуди.

– Это очень хорошо, – сказала Лона Дэй. – Джуди – добрый человек, не так ли?

Она остановилась, очевидно, желая продолжить разговор, но мисс Сильвер ее не поддержала, просто промолчал в ответ. Тогда мисс Дэй прижала ладони к вискам и сказала:

– Ну и день сегодня! Такое чувство, что с утра прошел целый год. Надеюсь, мисс Нетта тоже спит – ей это пойдет на пользу. Как это печально, что сестры не помогают друг другу. Ну, мне надо идти к своему подопечному – капитану Пилгриму. Теперь эти полицейские, того и гляди, вызовут его к себе. Он отлично держится, но я сильно за него тревожусь.

Фрэнк Эббот много потерял, так как не услышал очередную моральную максиму мисс Сильвер, которая, кашлянув, заметила, что тревога порождает атмосферу, не способствующую выздоровлению. Сказав это, мисс Сильвер решительно продолжила свой путь.

Лона Дэй обнаружила своего пациента разговаривающим по телефону. Сути она понять не смогла, но тон беседы был очень теплым и сердечным. Когда она подошла ближе, Джером сказал:

– Да, пока все. Я позвоню, когда они уйдут.

Он положил трубку на рычаг и обернулся, встретив укоризненно-нежный взгляд зеленых глаз.

– Вы же знаете, что вам не надо никуда перезванивать, вам просто нельзя этого делать.

– Почему? Если вы думаете, что сидеть в кресле и ничего не делать, когда в доме творится непонятно что, это отдых, то, полагаю, в вашем профессиональном обучении есть основательный пробел. Понимаете, я перестал быть инвалидом.

Он заметил, что глаза ее наполнились слезами.

– Да, понимаю, но – это, конечно, глупо с моей стороны – я считаю, что вы слишком торопитесь. Я не хочу, чтобы вы снова сорвались. Не надо бегать до того, как научишься ходить.

– Я пока не слишком далеко убежал, вы не находите? – Он подался вперед и внимательно посмотрел на нее. – Не думайте, что я не испытываю к вам благодарности за все, что вы для меня сделали, но я уже научился ходить самостоятельно. Пока я не говорю о беге, но кто знает.

Она снова подняла на него блестящие от слез зеленые глаза.

– Вы хотите сказать, что я вам больше не нужна?

Джерома Пилгрима считали инвалидом три с половиной года, но в течение предшествовавших двадцати лет он был солидным и привлекательным мужчиной. Он сразу уловил эмоционально опасный сигнал и произнес дружелюбно, но спокойно:

– Моя дорогая Лона, вы слишком хорошая сиделка, чтобы действительно так думать. Ведь не хотите же вы, чтобы я на веки вечные остался инвалидом для того, чтобы вы могли на мне оттачивать свое мастерство? Потерять пациента – это совсем не значит потерять друга.

Он услышал, как она вполголоса буркнула:

– Все так говорят. – А громче и с чувством воскликнула: – Это не так! Как вы могли такое подумать!

Он улыбнулся:

– Я так не думаю.

– И не надо. Никто в целом мире не желает вам выздоровления так, как я. Знаете, сначала мне казалось, что вы никогда не поправитесь. Но сиделка должна гнать от себя такие мысли, и, когда вам стало лучше, я была страшно благодарна судьбе. Потом все это замедлилось, но я не теряла надежды.

Джером испытал чувство неловкости, понимая, что разговор ведется на слишком возбужденных тонах, и решил снизить градус:

– Нам всем есть за что благодарить судьбу. Вы не знаете, где сейчас младший инспектор? Я до сих пор с ним не разговаривал, а мне надо это сделать. Думаю, что когда он приходил, вы сказали ему, что я отдыхаю. – Он снова улыбнулся. – Но эти уловки совершенно неуместны, как вы понимаете. Я готов встретиться с ним в любой момент, когда он сочтет это нужным.

На мгновение Джерому Пилгриму показалось, что Лона Дэй сейчас взорвется. Она покраснела и уставилась на него пылающим взглядом, а потом резко повернулась и вышла, оставив его одного размышлять о том, какие женщины непредсказуемые создания. Надо же было выбрать такой момент для сцены! Как будто в доме без этого не хватает неприятностей и бед! Он решил, что у нее так сильно были натянуты нервы, что для вспышки оказалось достаточным малейшего толчка. Одна только Лесли оставалась сама собой – спокойной, сильной, любящей и любимой. Мысль о ней была для него тем же, что глоток свежего воздуха для узника, глоток воды для умирающего от жажды. Несколько слов, которыми он обменялся с ней по телефону, были связью со всем здоровым, нормальным и надежным, что есть в мире. Сегодня она придет, и они чудесно проведут время вместе – после того, как окончится вся эта полицейская эпопея.

Он откинулся на спинку кресла и предался мечтам об их с мисс Фрейн будущем.

Глава 35

Мисс Сильвер вошла в кабинет с немного виноватым видом. Марч просматривал бумаги, а Фрэнк Эббот сидел у края стола и расшифровывал стенографические записи. Оба подняли головы при ее появлении. Фрэнк встал, отодвинув свой стул.

– Прошу вас, не отвлекайтесь ради меня от дел, – произнесла она, обращаясь к обоим, а затем повернулась к Марчу: – Но если у вас найдется для меня пара минут...

– Вы что-то хотите мне сказать?

Мисс Сильвер села и сложила руки на коленях. То, что она не принесла с собой вязанье, означало, что она собирается сообщить нечто очень важное.

– Я была с миссис Роббинс, Рэндалл.

– У нее нашлись силы для разговора?

– Да. Бедная женщина. Боюсь, она прожила несчастливую жизнь.

Если даже Марч и испытывал нетерпение, он слишком хорошо знал мисс Сильвер и понимал, что нельзя ни в коем случае ее торопить. У нее была своя, особая манера рассказа о том, что она видела, и, если она перемежала собранные ею факты своими мнениями и выводами, то они отбрасывали совершенно неожиданный свет на факты. Поэтому Марч промолчал, и терпение его было вознаграждено.

– Она все время говорит, что с таким мужем, как Роббинс, ей было очень тяжело. Она обвиняет его в том, что из дома сбежала их дочь, и за то, что он скрыл от всех ее смерть. Она сказала: «Нет ничего постыдного в том, чтобы погибнуть в результате бомбежки, и он должен был привезти ее сюда, чтобы похоронить на здешнем кладбище – ее и малютку, которую мне так и не довелось увидеть». Оказывается, он не говорил жене, что получил какие-то известия о Мэйбл и собрался в Лондон ее искать, а вернувшись оттуда, сообщил, что Мэйбл и ее дитя погибли. Он приехал из Лондона в таком состоянии, что с ним невозможно было иметь дела, в такие моменты он становился просто железным и не реагировал ни на какие доводы разума. Я спросила ее, воспользовавшись случаем, не употреблял ли он какие-нибудь лекарства. Она ответила, что время от времени он принимал какое-то снадобье, привезенное из Индии. Это случалось редко, но в такие дни он становился очень странным. Правда, миссис Роббинс сказала, что в последний год он почти не принимал это зелье. Она думает, что Роббинса напугала сиделка. Я спросила, не разговаривал ли он об этом лекарстве с мисс Дэй, и миссис Роббинс ответила, что разговаривал и она его заставляла. Я спросила, не помнит ли она, как называется это лекарство, и она ответила, что у него очень простое название – банг. Он хотел дать и ей попробовать этот «банг», когда вернулся из Индии, но она отказалась.

Марч кивнул:

– Это совпадает с тем, что рассказала мисс Дэй. Она упомянула в своих показаниях тот разговор о гашише – бханге, когда она только-только приехала сюда, и сказала, что предостерегла Роббинса о последствиях употребления гашиша. Я не могу понять другого: зачем Роббинсу понадобилось пичкать гашишем Джерома Пилгрима – если допустить, что вы правы, и Роббинс на самом деле был наркоманом?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Я совершенно уверена, что он действительно был наркоманом, хотя теперь мы уже не сможем этого доказать.

– Ну, в этом нет никакой нужды, – сказал Марч. – Мне представляется, что дело можно считать закрытым. Будет вердикт о преднамеренном убийстве Роббинсом Генри Клейтона и о самоубийстве Роббинса. Будет вынесено определение о несчастном случае, повлекшем за собой смерть Роджера Пилгрима, хотя, конечно, никто и никогда не узнает, что с ним произошло на самом деле. По этому поводу все мы можем лишь строить догадки. Не думаю, что Роджер был убит. Это, конечно, возможно, но я так не считаю. Он страдал манией преследования, и у него в конце концов сдали нервы. Это никого не волнует, за исключением его родственников, которые могут тешить себя сказками о том, что у него просто закружилась голова. Думаю, что присяжные

охотно с этим согласятся. Несомненно одно – Роббинс убил Генри Клейтона и покончил с собой, поняв, что его подозревают, и узнав, что полиция обнаружила в его вещах улику – бумажник мистера Клейтона. Кстати, я получил его от Реддинга. Он искал на нем отпечатки пальцев. Не думаю, что в бумажнике что-то есть, но теперь мы можем к нему прикоснуться и посмотрим, что находится внутри.

Улика была аккуратно завернута в тот же носовой платок, но на этот раз очень свободно. Марч положил бумажник на блокнот. В бумажнике было четыре отделения – два больших и два маленьких. Кожа была высококачественная и очень хорошо сохранилась. Вероятно, это был свадебный подарок, сделанный кем-то три года назад. В четырех отделениях не было ничего, включая и внешнее отделение, шедшее снаружи по всей длине бумажника. Марч бросил его на блокнот.

– На бумажнике не было никаких отпечатков пальцев, – сказал он.

Мисс Сильвер выпрямилась на стуле.

– Но он же был чистый, Рэндалл.

Он слегка нахмурился:

– Я не вполне вас понимаю.

– Эту вещь нашли у задней стенки комода. Там было полно пыли, но бумажник остался чистым. Как вы думаете, сколько времени он мог оставаться чистым, лежа в пыли?

– Недолго. Но он и не должен был находиться там долго. Рабочая версия заключается в том, что бумажник лежал среди старых газет на дне ящика, а потом его случайно сдвинула к сломанной задней стенке ящика миссис Роббинс, когда положила туда стопку свежестырированных рубашек.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Вы не ответили на мой вопрос, Рэндалл. Я спросила: сколько времени, по вашему мнению, мог бумажник пролежать в ящике комода и не запылиться?

Фрэнк Эббот перестал писать. Отложив ручку, он уставил взгляд в лицо мисс Сильвер.

– Я не знаю, – сказал Марч.

Мисс Сильвер кашлянула еще раз.

– Конечно, не знаете, потому что у вас нет привычки регулярно вытирать пыль в доме. Любая женщина скажет вам, как быстро садится пыль на любую поверхность. Если бы бумажник пролежал в том месте, где вы его нашли, хотя бы час-два, он бы успел покрыться пылью. Он собрал бы еще больше пыли, если бы пролежал там сутки, а с тех пор как миссис Роббинс положила в ящик чистые рубашки мужа, прошло целых пять дней.

Марч не сразу нашелся, что ответить.

– Этого нельзя утверждать наверняка. Роббинс мог и сам заглянуть в ящик.

– Да, для того чтобы взять оттуда рубашку. Но от этого бумажник не завалился бы за заднюю стенку ящика. Это могло произойти только от того, что рубашки туда положили.

– Что вы подразумеваете?

Мисс Сильвер строго взглянула на Марча:

– Я ничего не подразумеваю. Я просто констатирую факт: кто-то преднамеренно положил бумажник Генри Клейтона туда, где вы его обнаружили, и произошло это не более нескольких часов назад.

Марч нахмурился еще больше.

– Вы хотите сказать, что его спрятал туда Роббинс?

– Нет, этого я как раз сказать не хочу. Зачем ему было так опасно поступать? Он мог бы сжечь его в печке, разрезать на мелкие кусочки и спустить в канализацию – и это только две возможности из многих, вполне доступных для человека его ума.

– Вы явно хотите меня запутать. Случай этот ясен, как божий день. Роббинс, по непонятной причине, хранил этот бумажник – если бы преступники не сохраняли улики, то большая часть из них до сих пор разгуливала бы на свободе. Роббинс хранил бумажник, и когда узнал, что в доме будет обыск, спрятал улику в надежное, как он считал, место.

Мисс Сильвер покровительственно кашлянула. Марч только что совершил вопиющую и очень показательную логическую ошибку. Фрэнк Эббот тоже это понял и теперь с интересом ожидал, как мисс Сильвер ею воспользуется.

– Думаю, что все было не так, Рэндалл. Вы забываете, что Роббинс проработал дворецким тридцать лет. Пока в доме было достаточно слуг, он – согласно своим обязанностям – следил за регулярной уборкой в помещениях, где стояла мебель с выдвижными ящиками – например, два письменных стола в кабинете, бюро в утренней комнате, большой буфет в столовой. В определенное время – например, с наступлением весны – все ящики вынимали из столов, комодов и бюро и тщательно очищали от пыли, как и каркасы мебели. Человек, год за годом наблюдавший эту ритуальную уборку, не мог рассчитывать на то, что полиция будет производить обыск спустя рукава. Я органически не могу поверить в то, что Роббинс сам положил бумажник туда, где вы его нашли.

– Тогда кто положил?

– Тот, кому было нужно, чтобы бумажник нашли именно там.

Марч откинулся на спинку стула:

– Все улики указывают на виновность Роббинса. Дело это абсолютно ясное, и вы просто хотите увести меня в сторону.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Я всего лишь делаю свои выводы из фактов. Возможно, мне не следовало этого делать. Но взгляните на факты и сделайте выводы сами. До половины четвертого всем в доме было известно, что будет обыск...

Марч перебил мисс Сильвер:

– Вы говорите, что это было известно. Однако у вас нет никаких доказательств того, что к этому времени о предстоящем обыске знал Роббинс. Я виделся с Джеромом Пилгримом, сказал, что хочу произвести обыск, и получил его разрешение. Он предложил начать с его комнаты и вызвал мисс Элиот. Я попросил ее отвести в комнату Джерома Пилгрима сержанта Эббота и сержанта Смита, что она и сделала. Может быть, вам известно, что она виделась с Роббинсом и предупредила его об обыске?

– Нет, об обыске Роббинсу сказал капитан Пилгрим. Они встретились в холле, когда пришла мисс Фрейн. После этого Роббинс пошел на кухню и устроил сцену своей жене. Миссис Роббинс сказала мне, что он был страшно недоволен и злился на капитана Пилгрима, так как считал обыск бесчестьем для дома. Он так распалился, что не мог остановиться, а потом сказал, что полиция подозревает его, и в этом есть и ее вина, потому что она очень жалеет убитого мистера Генри.

– Но, дорогая мисс Сильвер...

– Одну секунду, Рэндалл. Жена Роббинса свидетельствует о том, что ее муж знал об обыске, был им страшно недоволен и знал о том, что полиция подозревает его в убийстве Генри Клейтона. Если бы он знал, что бумажник Клейтона спрятан в ящике комода, то скорее всего побежал бы в свою комнату, чтобы убрать из комода убийственную улику до начала обыска. Вместо этого он идет на кухню, где некоторое время возмущается обыском и ругает жену за жалость к Генри Клейтону. Выйдя из кухни, он сталкивается с мисс Колумбой, которая уводит его в утреннюю комнату и заставляет заниматься окнами. Мисс Фрейн уходит домой, а капитан Пилгрим поднимается в свою комнату. Роббинс – в течение двадцати минут, что продолжается обыск – тратит время на ссору с женой, а затем поднимается наконец наверх, но идет не к себе, а в комнату капитана Пилгрима, стучится в дверь и, проявляя настойчивость, убеждает Лону Дэй в том, что ему надо непременно поговорить с мистером Джеромом. Мисс Дэй отсылает его прочь, и только после этого он идет наконец в свою комнату. Неужели вы действительно думаете, будто так может вести себя человек, знающий о том, что смертоносная для него улика лежит в ящике комода, где ее неизбежно найдут во время обыска?

Глава 36

Рэндалл Марч мельком посмотрел на Фрэнка Эббота, а потом уставил взгляд в лицо мисс Сильвер и заговорил, отбросив остатки официальности.

– Послушайте, – сказал он, – что все это значит? У вас что-то припасено в рукаве? Другими словами, вы куда-то клоните?

– Действительно, Рэндалл!

Марч мрачно рассмеялся.

– Что значит «действительно»? Я задал вам вопрос и вполне уважительно, но и решительно жду недвусмысленного ответа. Я хочу знать, что вы припрятали в рукаве, и если там на самом деле что-то есть, то вы должны мне сказать, что это. Вы сами видите, что это дело уже стоило жизни четверым. Я не вполне разделяю мнение о том, что все смерти были убийствами, но дело это чрезвычайно серьезно, чтобы играть в кошки-мышки. Если вы знаете то, чего не знаю я, то вынужден попросить вас поделиться со мной своими важными знаниями.

Мисс Сильвер внезапно одарила Рэндалла Марча своей самой очаровательной улыбкой. Фрэнк Эббот однажды заметил, что такая улыбка может растопить айсберг или смирить гиену.

– Я ни в коем случае не жажду скрывать важную информацию. Я готова сказать вам все, что знаю, но мне кажется, вы не придадите ей должного значения.

– Но вы поделитесь со мной этой информацией?

Прежде чем заговорить, мисс Сильвер выдержала довольно долгую паузу.

– Важно или не важно? Это ведь всего лишь слова, не правда ли? Если вы собираете мозаику, то важным может оказаться не большой, а именно маленький фрагмент, который позволит завершить целостную картину. Все зависит от расположения других частей – разве нет?

Фрэнк подумал: «У нее что-то есть. Интересно что? То, что она знает, Марчу не понравится, и она хочет обставить все дело помягче».

Марч выдавил улыбку:

– Я не откажусь и от маленького фрагмента. Прошу вас.

Мисс Сильвер выпрямила спину и положила руки на колени, всем своим видом напомнив учительницу, которая собирается приступить к трудной и малопонятной теме.

– У меня есть два маленьких факта и одно доказательство. Возможно, вы помните, что Мэгги Пелл, сестра Глории Пелл, работала здесь служанкой в то время, когда исчез Генри Клейтон... – Она выдержала многозначительную паузу и поправилась: – В то время, когда убили Генри Клейтона. Ее призвали в армию, и сейчас она находится здесь в отпуске. Сегодня после обеда Мэгги пришла навестить мисс Колумбу, и я воспользовалась этой возможностью, чтобы поговорить с ней.

– И о чем вы говорили?

– Мне пришло в голову, что человек, который заколол Генри Клейтона, а потом спрятал его тело в подвале, наверняка испачкал одежду, возможно, даже сильно – настолько сильно, что одежду надо было либо вычистить, либо уничтожить. Я подумала, что Мэгги, возможно, вспомнит об исчезновении каких-то предметов одежды либо о том, что какие-то вещи отправили в химчистку. Я спросила ее об этом, и Мэгги рассказала весьма интересную историю. Во всяком случае, эта история меня заинтересовала, и, надеюсь, заинтересует и вас. На следующий день после того вечера, когда, как мы теперь знаем, был убит мистер Клейтон, мисс Джанетта, как обычно, собралась выпить утреннюю чашку какао, но, по несчастью, опрокинула – даже не чашку – кувшин с напитком, залив фиолетовый халат, в который она была в тот момент одета. Какао, как всегда, ей подавала мисс Дэй, которая варит его в ванной на спиртовке. Сама мисс Дэй была в красиво вышитом китайском халате, который она надела, так как в доме в тот момент было холодно. Этот халат тоже пострадал от какао. Мисс Джанетта сильно расстроилась и обвинила мисс Дэй в том, что та проявила беспечность и опрокинула кувшин с какао, но мисс Дэй в разговоре с Мэгги сказала, что мисс Джанетта сама опрокинула кувшин. В тот же день мисс Джанетта велела Мэгги отправить халат в химчистку. Кроме испорченного халата в чистку

отправили также пару других вещей, которые надо было просто освежить. Мэгги спросила у мисс Дэй, не хочет ли она отправить в чистку и свой китайский халат, но мисс Дэй отказалась, сказав, что уже замочила халат и самые большие пятна удалось отмыть. Правда, мисс Дэй опасалась, что халат будет испорчен навсегда.

Она умолкла, и после недолгой паузы Марч спросил:

– И какой вывод вы из всего этого сделали?

Мисс Сильвер ответила без промедления и очень уверенно:

– Одежда двух человек в доме была так сильно испачкана, что один халат пришлось отправить в чистку, а другой немедленно замочить в воде. Я могу легко себе представить, что какао может послужить прекрасной маскировкой пятен крови на одежде. Я могу себе представить, что если на каком-то из этих халатов были пятна крови, то, пролив на них какао, можно было получить превосходный предлог для того, чтобы отправить один халат в чистку, а другой замочить в баке с водой. Этот искусный прием – использование безобидного домашнего напитка – говорит о недюжинном уме убийцы. Вы были правы, Рэндалл, говоря об исключительной опасности этого дела.

Марч посмотрел на мисс Сильвер:

– Вы хотите обвинить мисс Джанетту в убийстве ее племянника? Или вы хотите обвинить в убийстве мисс Дэй? И только из-за того, что был опрокинут кувшин с какао и испачканы два халата? Это же чистой воды фантазии!

Мисс Сильвер несколько не обиделась.

– Я никого не обвиняю. Меня интересуют только вероятности и факты. Не считаете ли вы вероятным, что одежда убийцы Генри Клейтона могла быть испачкана кровью жертвы? Генри закололи ножом. Тело требовалось затащить в лифт, а потом, в подвале, вытащить его оттуда. Надо было погрузить труп на тележку, потом снять его с тележки и засунуть в сундук, в котором и нашли труп. Надо было позаботиться и об оружии – вычистить его и повесить на прежнее место. Вы считаете, что можно было сделать все это, не испачкавшись в крови?

– Нет, наверное, нельзя.

Мисс Сильвер наклонила голову в знак согласия:

– Вы не хотели учитывать эту вероятность, но тем не менее вам пришлось ее учесть. Вы не можете не признать того факта, что на следующий день в доме оказались испачканными две вещи. У убийцы появилось превосходное объяснение появления пятен на одежде. Но скажите мне, можно ли придумать более естественное и простое объяснение, чем это? Любой человек может опрокинуть кувшин с какао. Одна из двух женщин это и сделала.

Марч резко возразил:

– В доме каждый день что-то проливают и что-то пачкают, разве не так?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мой дорогой Рэндалл, я говорю все это отнюдь не для того, чтобы вы меня критиковали. Мои гипотезы не совпадают с вашими, и, конечно, все происшедшее можно легко объяснить и по-другому. Так как я хочу быть до конца честной, то могу сказать, что, если бы кровью была запачкана одежда Роббинса, то не возникло бы никакой нужды в химчистке. Это ошибка – воображать, будто пятна крови трудно удалить. Если кровь еще не высохла, то ее можно легко удалить, если погрузить испачканную ткань в холодную воду. При этом на темной шерстяной ткани практически не останется никаких следов. Миссис Роббинс всегда сама очень умело чистила и утюжила вещи мужа. Да и сам Роббинс едва ли смог бы тридцать лет прослужить в доме, не научившись и тому и другому.

– Спасибо! – сказал Марч и улыбнулся.

Фрэнк Эббот начисто забыл о своей стенограмме. Откинувшись на спинку стула, он восхищался мисс Сильвер, наслаждаясь честностью ее ума, ее уравновешенностью, отказом от простых и очевидных решений.

Она улыбнулась Марчу:

– Это первый из моих маленьких фактов. Вы не придаете ему большого значения. Сейчас я перейду ко второму факту. Наверное, вам известно, что я занимаю спальню, которой раньше пользовался Генри Клейтон. С тех пор в этой комнате – до меня – не спал никто. Во-первых, я убедилась в том, что из-за нехватки прислуги, комнату – хотя в ней было довольно чисто и уютно –

убирали не слишком тщательно. Я осторожно навела справки и выяснила, что это так. Например, дымоход не чистили в течение всех трех лет. Трубы чистили только в комнатах капитана Пилгрима и мисс Джанетты, где камины топили регулярно. Поняв это, я решила тщательно обыскать комнату.

– Мы перетряхнули все вещи Клейтона, вы же знаете, – напомнил Марч.

Мисс Сильвер вежливо кашлянула.

– Я понимала, что вы это сделаете. Но тогда никто еще не знал, что он был убит, и я полагала, поиски будут ограничены просмотром его бумаг, большая часть которых находилась в Лондоне.

Фрэнк кивнул:

– Мы ничего не нашли – во всяком случае, в городе. Люди, в доме у которых он жил, рассказали, что он уничтожил почти все свои бумаги и письма, прежде чем ехать сюда. Думаю, это была генеральная уборка перед свадьбой. Наверное, он прощался со своей холостяцкой жизнью. Как бы то ни было, нам ничего не удалось найти, а вам?

Мисс Сильвер никуда не спешила. Она возобновила свой рассказ, обернувшись к Марчу:

– Когда вы в тот день уехали в Ледлингтон, я поднялась в свою комнату, заперла дверь и приступила к поискам. Предварительно я вооружилась веником и совком, чтобы по возможности не оставить следов. Даже если комната содержится в полном порядке, обыск полок, ящиков, книжных шкафов и буфетов производит невероятное количество пыли и грязи. Я перерыла все, но ничего не нашла. Рядом с камином находится высокий книжный шкаф. Я перетрясла все книги, чтобы посмотреть, не спрятано ли что-нибудь между страницами. В камин выпали два маленьких листочка бумаги. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как я вытряхиваю пыль из совка в мусорный бак, и поэтому я открыла окно и вытряхнула пыль на улицу. Обычно я никогда так не делаю, но иногда – в некоторых особых обстоятельствах – такая неряшливость представляется мне вполне оправданной. От бумажек я, естественно, не могла так избавиться, и оставила их в камине, думая взять их оттуда позже. Там был листок почтовой бумаги, сложенный пополам. Вернувшись к камину от окна, я обнаружила, что листок исчез. Другой листок уже поднялся в воздух и был готов исчезнуть в трубе из-за сильной тяги. Я закрыла окно. Одна бумажка упала на каминную решетку, а вторая – нет. Я заглянула в камин и поняла, что сложенный лист почтовой бумаги лежит на кирпичном выступе дымоходной трубы. Мне пришлось воспользоваться веником, чтобы достать оттуда листок. Вместе с этой бумажкой в камин упало письмо – обгоревшее по краям, но вполне прилично сохранившееся.

Мужчины подались вперед, слушая мисс Сильвер.

– Это было письмо, адресованное Генри? – спросил Фрэнк.

– Думаю, да. Возможно, он пытался сжечь это письмо – положил в камин и поджег. Если окно в этот момент было открыто, то тяга могла утащить горящее письмо в дымоход. Письмо упало на влажные кирпичи – если камином не пользуются, то в дымоходах скапливается сырость – и потухло. Текст письма сохранился.

Марч протянул вперед руку:

– Где оно?

– Сейчас я его принесу.

Когда она вышла, Фрэнк окинул Марча насмешливым взглядом:

– Она в принципе не собиралась показывать вам это письмо, иначе принесла бы его с собой. Видимо, оно не может служить прямым доказательством. Что-то с этим письмом не так, но интересно, что именно.

Марч покосился на Эббота:

– Сейчас узнаем.

Им показалось, что прошла целая вечность, прежде чем мисс Сильвер вернулась в кабинет. В руке у нее был сложенный пополам чистый лист писчей бумаги. Мисс Сильвер положила его на стол и развернула. Внутри оказался обгоревший листок. Левый верхний угол сгорел полностью. Бумага когда-то была белой, дешевой и такого размера, что, сложив листок пополам, его можно было положить в стандартный почтовый конверт. Так, во всяком случае, казалось на первый взгляд. Однако когда Фрэнк подошел и склонился к письму через плечо Марча, то сразу понял, в чем дело. Во-первых, на письме не было даты. Она могла стоять в верхнем левом углу, который полностью сгорел. Во-вторых, не было ни заголовка, ни обращения. Строчки были выведены

карандашом. Вообще создавалось впечатление, что письмо написано семилетним ребенком – неуклюжими печатными буквами, какими обычно пишут дети такого возраста. Текст был виден, но читался с трудом, так как карандаш едва выделялся на фоне закопченной бумаги. Наклонив листок под углом к падающему свету, Марч смог прочесть написанное. В письме было сказано следующее: «Мне надо увидеться с тобой, чтобы попрощаться. Ты должен оказать мне эту последнюю милость, как только представится возможность. Жду тебя. Я должна увидеть тебя еще раз. Сожги письмо».

Помолчав, Марч сказал:

– Ну-ну, и вы рассчитываете что-то построить на этом письме? Я согласен называть это письмом, вы не против?

Мисс Сильвер невозмутимо проглотила эту насмешку:

– Я бы хотела услышать ваши предположения.

Буркнув что-то насчет того, каким фруктом был этот Генри, Фрэнк Эббот вернулся на свое место. Рассерженный Марч, изо всех сил стараясь скрыть гнев, еще раз посмотрел на обгоревший клочок бумаги и положил его на стол.

– Здесь нет ни обращения, ни подписи, почерк изменен, и к тому же нет даты. Если Генри Клейтон – допустим – всегда занимал именно эту комнату, то мы, конечно, можем предположить, что письмо было адресовано ему. Кроме того, ясно, что он пытался его сжечь, как его просили. Однако решительно невозможно сказать, ни кто написал это письмо, ни когда оно было написано. Клейтон мог хранить у себя это письмо годы, месяцы или недели. Он мог привезти его из Лондона. Может быть, он решил сделать, как сказал Эббот, генеральную уборку – как в Лондоне. Через три дня он собирался жениться и не хотел оставлять у себя компрометирующие его мелочи.

Мисс Сильвер покашляла.

– В письме сказано: «Сожги письмо», и мы видим, что такая попытка действительно была сделана. Это противоречит предположению о том, что Клейтон долго хранил письмо до попытки его уничтожения.

Марч посмотрел на Фрэнка:

– Вы были знакомы с Клейтоном. Как бы он, по-вашему, отнесся к письму, в котором женщина просит его сжечь, – внимательно или беззаботно?

Фрэнк удивленно вскинул брови.

– На этот вопрос очень трудно ответить. Не для протокола скажу, что Генри был бесшабашный и беззаботный парень – это вам скажет всякий, кто его знал. Больше всего меня поражает, что женщина, написавшая письмо, хорошо знала эту черту Генри, иначе зачем ей было изменять почерк? Это было сделано не для того, чтобы обмануть Генри. Единственное разумное объяснение заключается в том, что она знала о его беспечности и боялась, что он где-нибудь оставит или бросит ее письмо. Писать печатными буквами очень трудно, и женщина делала это не ради удовольствия. Но, и это очень важное «но», я думаю, что если бы Генри получил такое письмо за три дня до свадьбы, то он, несомненно, сжег бы его – или попытался это сделать.

– Мы не имеем ни малейшего понятия о том, когда он получил его, – устало произнес Марч. – Я, конечно, отдам это письмо графологам, но мне кажется, они мало что извлекут из этих печатных букв. Что же касается отпечатков пальцев, то, учитывая, что бумага обгорела и пролежала в сырости три года, они едва ли сохранились.

Мисс Сильвер не стала садиться и продолжала стоять.

– Вы не хотите в моем присутствии показать это письмо мисс Дэй?

Нахмурившись, Марч сдвинул брови:

– Мисс Дэй?

– Да, мисс Лоне Дэй, которой пришлось замачивать в воде ее китайский халат утром после того, как Генри Клейтона закололи, а его тело спрятали в подвале. Мисс Дэй, которая то входила в комнату капитана Пилгрима, то выходила из нее и свободно могла выйти как раз в тот момент, когда Роджер был один в комнате, из окна которой он выпал. Лестница, ведущая на чердак, находится между моей комнатой и комнатой мисс Дэй. Можете сами посмотреть, сколько времени потребуется сильному молодому человеку для того, чтобы взбежать на чердак и вернуться обратно. Вспомните: мисс Фрейн говорит, что видела Лону Дэй в конце коридора после того, как вышла от Роджера Пилгрима, хотя сама мисс Дэй утверждает, что не видела Лесли

Фрейн. Но если она все же видела мисс Фрейн, то знала, что Роджер находится в комнате один. Ей надо было всего лишь подняться на чердак и вернуться обратно. Окно чердачного помещения было открыто, подоконник там очень низкий. Под любым предлогом она могла заставить Роджера посмотреть в сад и легонько толкнуть его – всего лишь для того, чтобы он потерял равновесие. Для этого не требуется большая физическая сила.

– Дорогая мисс Сильвер!

Но она продолжала твердо стоять на своем:

– То же самое относится и к смерти Роббинса, но с одним существенным дополнением – он подошел к двери капитана Пилгрима и говорил там с Лоной Дэй. Мы не знаем, что он ей сказал. Она утверждает, что он хотел с глазу на глаз поговорить с капитаном Пилгримом, но она непустила его, сказав, что капитан Пилгрим отдыхает. Это вполне вероятно и правдоподобно, но ответьте мне, Рэндалл, зачем Роббинс хотел видеть капитана Пилгрима? Это желание становится необъяснимым, если мы предположим, что Роббинс – убийца. Если бы он был виновен, у него на уме было бы только одно – поскорее добраться до своей комнаты, пока не начался обыск.

– Но к тому времени обыск уже начался.

– Верно. Но до этого Роббинс потратил двадцать минут на ругань с женой, и это притом, что он знал о подозрениях полиции в свой адрес. Если в такой критической ситуации он пытался встретиться с капитаном Пилгримом, то я думаю, что он что-то знал и уже не мог дальше это скрывать. Предположим, он знал что-то о мисс Дэй – что-то о ее связи со смертью Генри Клейтона. Надо вспомнить, что в тот вечер он находился в холле. Он был убежден в том, что Клейтон соблазнил его дочь, а теперь, всего лишь через месяц после ее трагической гибели, приехал в «Приют пилигрима» для того, чтобы жениться на другой женщине. Если он в ту ночь что-то видел или заподозрил, то не кажется ли вам, что он удержал бы язык за зубами? Но теперь ситуация стала очень опасной. Роббинс знает, что его подозревают в убийстве, и идет к хозяину, чтобы во всем признаться и облегчить душу. Я уже говорила: мы не знаем, что произошло между ним и мисс Дэй. Возможно, он предупредил ее, что не может далее хранить тайну. Думаю, он сказал нечто такое, что заставило ее пойти на большой риск, чтобы заставить его замолчать.

Фрэнк Эббот подался вперед:

– Вы предполагаете, что это она заперла нас?

– Да, я так думаю, – серьезно ответила мисс Сильвер. – Я не вижу никаких причин, по которым Роббинс мог бы вас запереть. Даже если бы его увидели, ему надо было лишь проскочить в соседнюю комнату и выпрыгнуть из окна. Но если он все же заглянул в комнату, то, несомненно, понял, что его никто не видел, и времени на осуществление плана самоубийства у него больше чем достаточно. Но я не верю, что у него был такой план. Думаю, он поднялся наверх, чтобы пойти к себе. Однако, услышав, что там находятся полицейские, зашел в соседнюю комнату, чтобы подождать, когда они закончат обыск, ну а затем разделил судьбу Роджера Пилгрима.

Марч откинулся на спинку стула:

– Вы не обидитесь на мой комплимент, если я скажу, что у вас просто великолепное воображение, мисс Сильвер? Но эта версия не пройдет. Все, что вы описали, звучит превосходно, но годится лишь для детективного романа. Я полицейский и должен строго держаться фактов. В ваших рассуждениях нет точки опоры. Более того, вы и сами сознаете: в этих рассуждениях вам не на что опереться. Единственный факт, который присутствует в вашем увлекательном повествовании, – это то, что Роббинс пришел в комнату Джерома Пилгрима и попросил о встрече с ним. Вы находите это необъяснимым, но я не расположен разбираться в мыслительных процессах убийцы, готового на самоубийство. Возможно, ему в голову явилась дикая идея признаться в содеянном или он рассчитывал на какую-то помощь – я этого не знаю, и, честно говоря, даже не хочу знать. У него был серьезный мотив лишить Клейтона жизни, у него была возможность это сделать, а потом целая ночь для того, чтобы замести следы. Если к этому добавить, что он время от времени употреблял гашиш – средство, вызывающее в некоторых случаях умопомрачение и стремление к убийству, и наконец, тот факт, что бумажник Клейтона был найден в его комнате, то вам едва ли удастся найти присяжных, которые не признают его виновным, как и тех, кто не одобрит их решение.

Мисс Сильвер продолжала стоять, положив кончики пальцев на край стола. Добродушно улыбнувшись, она сказала:

– Ах да, я чуть не забыла о бумажнике. Я же хотела вам о нем кое-что рассказать. Это очень интересная история.

Марч с трудом сохранил хладнокровие:

– И что же вы хотите мне поведать?

– Я хочу сообщить вам очень интересный факт, Рэндалл.

– Я весь внимание.

Мисс Сильвер тихо кашлянула.

– В наших предыдущих рассуждениях мы опирались исключительно на теоретические допущения. Так как вы исходили из теоретического допущения о том, что Роббинс прятал бумажник в старых газетах, я ответила на ваши версии своими, но придержала при себе мой факт. Сказать вам правду, я сомневалась, что этот факт встретит у вас теплый прием, и надеялась подкрепить его соответствующими рассуждениями. Теперь, когда выяснились многие другие детали, я не вижу причин дальше скрывать этот факт.

– Очень за вас рад. Так что же вы хотите мне сообщить?

– Я хочу сообщить, что не далее как сегодня утром бумажника в комод не было.

Фрэнк Эббот не смог сдержать саркастической улыбки. Марч был потрясен:

– Что?

– Когда я сегодня утром обыскала комнату Роббинса, бумажника в комод не было.

– Вы обыскали комнату Роббинса?

– Да, Рэндалл. Я извлекла из комода и перерыла все ящики. Бумажника не было ни в одном из них, как не было его и у задней стенки, где его нашли Фрэнк и сержант Смит.

Марч недовольно посмотрел на мисс Сильвер:

– Вы понимаете, что занялись не своим делом?

Мисс Сильвер одарила его обезоруживающей улыбкой:

– Я знаю и была готова услышать ваше замечание.

Фрэнк Эббот прикрыл рот ладонью, чтобы не расхохотаться, услышав, как мисс Сильвер невинным тоном добавила:

– Именно поэтому я и предпочла сохранить этот факт в резерве.

Марч нахмурился:

– Теперь у нас есть этот факт, и что прикажете с ним делать? Что он нам дает? То, что Роббинс спрятал улику, когда узнал, что дом будут обыскивать?

Мисс Сильвер отрицательно покачала головой:

– Нет, Рэндалл, потом у него не было такой возможности. Вы поговорили об обыске с капитаном Пилгримом и послали Джуди Элиот за Фрэнком и сержантом Смитом. Роббинс в это время был внизу. Миссис Роббинс рассказала мне, что как только он узнал, как Джуди исполнила свое поручение, Роббинс услышал, как позвонили в дверь и пошел ее открывать. В холле он встретил капитана Пилгрима и спросил его, верно ли, что дом сейчас будут обыскивать? Впустив в дом мисс Фрейн, Роббинс вернулся на кухню, где оставался до тех пор, пока мисс Колумба не увела его в утреннюю комнату. Когда он смог наконец подняться на свой этаж, в его комнате уже были Фрэнк и сержант Смит.

Говорила мисс Сильвер спокойно и рассудительно, но Марч, слушая ее, все больше и больше хмурился.

– Значит, он положил бумажник в комод раньше, вот и все. Наверняка до обеда он успел побывать в своей комнате. Бумажник был спрятан в комод до или сразу после обеда. Я не рискну назвать точно, в котором часу это было, но времени между вашим обыском и официальным у него было очень много.

Мисс Сильвер наклонила голову, выражая согласие.

– Да, времени у него имелось много, но как быть с мотивами? Я не вижу ни одного, в то время как у мисс Дэй мотив мог быть очень сильным. Так как понятно, что бумажник подбросили в комод незадолго до того, как его обнаружили, вам, как я надеюсь, придется со всей серьезностью разобраться с мотивами. Вам также придется подумать, ради чего столько лет скрывали улику преступления. Думаю, что хранила бумажник мисс Дэй, и хранила она его с намерением в нужный момент отвести от себя подозрение. Если бы виновен был Роббинс, то он давно уничтожил бы бумажник.

Марч дождался, когда она закончит, и, с видимым усилием сдерживаясь, заговорил:

– Прошу прощения, но я не могу с вами согласиться. Вы построили изумительную теорию, но не подкрепили ее ни единым фактом. Вам известно, с каким уважением я отношусь к вашему мнению, но не могу согласиться с вами вопреки своему собственному суждению. Я считаю, что этот случай абсолютно ясен.

Мисс Сильвер слегка покачала головой:

– Благодарю вас за то, что вы с таким терпением меня выслушали. Не смею больше отнимать у вас время.

Она направилась к двери, улыбнувшись Фрэнку Эбботу, который вскочил, чтобы открыть ей дверь, и вышла в коридор.

Глава 37

Марч в одиночестве поднялся к Джерому Пилгриму. Мисс Сильвер не убедила инспектора в своей правоте, но поколебала его уверенность. Сама мысль о том, что человек, совершивший три, а возможно, и четыре убийства, остался вне подозрений и продолжает спокойно пребывать на свободе, не давала Марчу покоя. Он чувствовал себя как человек, не верящий в призраков, но попавший среди ночи в дом с привидениями.

Он сел напротив Джерома и сказал:

– Прошу прощения за беспокойство.

– Ничего страшного, я сам хотел с вами встретиться.

– Боюсь, что для вас это стало большим потрясением.

– Это потрясение для всех нас. Я не могу себе представить, что это сделал Роббинс, но тем не менее полагаю...

– Я не вижу здесь никаких оснований для сомнения, но мне хотелось бы знать, что вы слышали.

Джером поднял руку с подлокотника кресла, но потом уронил ее обратно.

– Я не уверен, что я вообще что-то слышал.

Марч оглянулся через плечо:

– У вас в комнате два окна выходят в сад.

– Да.

– У вас был включен приемник?

– Да, его включила мисс Дэй. Но я не слушал.

– Что передавали – музыку?

– Передавали программу оркестровой музыки. Я давно слушаю эту программу. Но не могу же я сказать вам, что что-то слышал, если я на самом деле не слышал ничего.

– Значит, вы были чем-то отвлечены. Вы читали?

– Нет, я... думал о других вещах. – Поколебавшись, Джером продолжил: – Знаете, мы с мисс Фрейн договорились о помолвке, и я думал исключительно об этом неожиданном счастье. Боюсь, что какое-то время я плохо соображал, что происходит вокруг. Так как сейчас не самый подходящий момент для помолвки, то я попросил бы вас не разглашать эту маленькую тайну.

– Я очень за вас рад, – совершенно искренне сказал Марч. – Естественно, я буду молчать до тех пор, пока вы сами не объявите о помолвке.

– Значит, положение таково: я не могу сказать, слышал ли что-нибудь или нет. У меня было лишь смутное впечатление, будто я что-то слышал, но я не могу в этом поклясться.

– Вы можете рассказать мне, что происходило после того, как ушла мисс Фрейн?

– Конечно. Я поднялся сюда, увидел, что Эббот и Смит уже закончили с обыском, и сел вот в это самое кресло. Пришла очень обеспокоенная мисс Дэй – она превосходная сиделка, но излишне старается держать меня на коротком поводке...

Марч перебил его:

– Что вы имели в виду, сказав «очень обеспокоенная»?

Джером рассмеялся:

– Она решила, что я начал излишне своевольничать, отругала меня за это и приказала отдыхать. Потом включила радио и пошла заваривать чай.

– Она быстро вернулась?

– Да, она была здесь, когда пришел Роббинс.

– Вы поняли, что это был Роббинс?

– Да, я слышал его голос.

– Вы слышали, что он говорил?

– Только то, что он хотел меня видеть. Теперь мне жаль... – Нахмурившись, Джером осекся. – Он был очень недоволен обыском. Мы встретились в холле, когда он шел открывать дверь мисс

Фрейн, и спросил меня об обыске. Я подумал, что он хочет продолжить этот разговор, но я в тот момент не был расположен к пререканиям и не стал возражать, когда Лона отослала его прочь.

– Вы не слышали, что она ему сказала?

– Нет, я слышал только их голоса. Разговаривая с Роббинсом, она вышла из комнаты и прикрыла дверь.

– Вы не помните, как долго они разговаривали?

– Боюсь, что нет. Меня занимали совсем другие мысли. Мне кажется, что Роббинс пустился в какие-то пространные объяснения.

– То есть вы считаете, что говорил в основном Роббинс?

– Да, у меня сложилось такое впечатление. Слушайте, почему вам не спросить об этом мисс Дэй? Она точно знает, о чем они говорили.

Марч кивнул:

– О да, конечно. Но мне надо было выслушать и вас. Что было дальше? Мисс Дэй вернулась в комнату?

– Да, почти сразу.

– Надолго ли она задержалась в вашей комнате?

– Нет, она сказала, что Роббинс хотел меня видеть, но она ответила, что это невозможно.

Потом она ушла за чаем.

– Как долго она отсутствовала на этот раз?

Джером обезоруживающе улыбнулся.

– Боюсь, что не смогу ответить на этот вопрос. В тот момент я был занят своими мыслями.

– Мисс Дэй выглядела как обычно, когда вернулась в комнату?

– Нет, она была сильно расстроена, но старалась это скрыть. Но я сразу заметил, что что-то случилось. Она принесла поднос, поставила его на стол, и я спросил: «Что произошло?» Мисс Дэй выключила приемник и сказала: «Ничего хорошего, но вы должны об этом знать». Я спросил: «Что же именно?» – и тогда она сказала, что Роббинс покончил с собой.

– Она была расстроена?

– Кто бы не расстроился на ее месте? Она же только что с ним разговаривала. Думаю, это означает, что он замешан в убийстве Генри, но я не могу в это поверить.

Марч подался вперед:

– Послушайте, Пилгрим, мне нужен прямой и откровенный ответ. Клейтон, насколько я понимаю, был завязанный донжуан и дамский угодник. Вам никогда не казалось, что он приударял за мисс Дэй?

– Должен сказать, что они были едва знакомы.

– Такие вещи не зависят от степени близости знакомства и его продолжительности. Дело в том, что мы обнаружили письмо. Оно лежало в дымоходе камина в комнате, где обычно ночевал Клейтон и которую теперь занимает мисс Сильвер. Это письмо пытались сжечь, но сквозняком его вынесло в трубу. Мисс Сильвер считает, что это письмо написала мисс Дэй...

– По почерку, как мне кажется...

– Боюсь, что нет. Оно написано карандашом, неуклюжими, детскими печатными буквами. Нет ни даты, ни обращения, ни подписи. В письме сказано: «Мне надо увидеться с тобой, чтобы попрощаться. Ты должен оказать мне эту последнюю милость, как только представится возможность. Жду тебя. Я должна увидеть тебя еще раз. Сожги письмо».

Джером пожал плечами:

– Знаете, такое письмо он мог получить от кого угодно.

– Я так и сказал мисс Сильвер, – сухо произнес Марч. – Воображение – полезная вещь, но женщины порой сильно им злоупотребляют.

Джером коротко засмеялся.

– Генри в свое время наверняка получал массу писем такого сорта. Единственное, меня удивляет, что это письмо написано печатными буквами. Женщины обычно не проявляют такой щепетильности и не стараются скрыть почерк, когда речь идет о финальной сцене.

– Вы думаете, речь шла именно о ней?

– Похоже, что так.

Возникла короткая пауза, потом Марч продолжил:

– Значит, вы не замечали никаких признаков сердечной привязанности между Клейтоном и мисс Дэй?

– Знаете, это никогда не приходило мне в голову. У Генри было особое поведение с женщинами – на каждую девушку, которую он встречал, он смотрел так, будто был по уши в нее влюблен. Конечно, многие поддавались его чарам.

– Вы хотите сказать, что он так смотрел на мисс Дэй и она не смогла устоять?

– Мой дорогой Марч, он смотрел так на мою тетю Колумбу и на миссис Пелл – мать старика Пелла, а ей было без малого сто лет. Так же он смотрел и на миссис Роббинс. И никто из них не мог устоять. Он вызывал у женщин непреодолимую симпатию. Думаю, что Лона в этом отношении не отличалась от других, но что касается чего-то серьезного, то здесь, боюсь, вы правы – у мисс Сильвер слишком сильно разгулялось воображение.

Тем не менее, выйдя из комнаты Джерома и увидев в конце коридора Джуди Элиот, Рэндалл Марч подошел к ней.

– Вы не откажете мне в одной любезности, мисс Элиот?

– Да, слушаю вас.

– Давайте на минутку зайдем в вашу комнату.

Они вошли. Марч оставил дверь открытой и встал в комнате так, чтобы видеть дверь на лестничную площадку.

– Мне нужно согласовать время некоторых событий. Мне надо знать, сколько времени потребуется на то, чтобы подняться по лестнице, запереть комнату миссис Роббинс, зайти в соседнее помещение, подойти к окну и вернуться назад. Прошу вас, сделайте все это, а я засеку время.

Джуди неуверенно посмотрела на Марча:

– Миссис Роббинс сейчас спит у себя в комнате.

– Тогда поиграйте с ключом в другой комнате. Поднимитесь наверх, а потом уже сами оцените обстановку. Мне надо, чтобы вы хорошо поняли, что именно требуется сделать, причем сделать как можно быстрее. Не нужно заходить в первую комнату – надо лишь приоткрыть дверь, вытащить из замочной скважины ключ, запереть дверь снаружи, а потом зайти в комнату, из окна которой выпали майор Пилгрим и Роббинс. Эту комнату необходимо пересечь, подойти к окну, постоять там, сосчитав до десяти, а потом вернуться сюда. Начнете вы от двери капитана Пилгрима и вернетесь тоже туда. Сержант Эббот говорит, что вам можно доверять, и я прошу вас никому не рассказывать об этом эксперименте.

Джуди коротко кивнула:

– Я никому об этом не скажу.

– Отлично. Теперь идите и ознакомьтесь с маршрутом.

Когда Джуди вернулась, Марч послал ее в конец коридора.

– Начинайте идти после того, как дойдете до двери и повернете назад. В этот момент я засеку время.

Через минуту она пробежала мимо Марча и скрылась на лестнице. Прислушавшись, Марч услышал ее шаги. Но если бы он не прислушивался или она бы разулась, подумал Марч, то он наверняка ничего бы не услышал. В старину строили на совесть – ни одна ступенька не скрипнула, а стены складывали из массивных камней.

Он стоял, не спуская глаз с секундной стрелки часов, и вскоре услышал звук легких шагов. Джуди возвращалась. На место старта она вернулась ровно через две с половиной минуты.

Глава 38

Фрэнк Эббот проходил по холлу, когда в дверях утренней комнаты вдруг появилась мисс Сильвер. Она, видимо, спешила, но, увидев Фрэнка, остановилась и отступила назад в комнату. Так как она продолжала стоять на пороге и, улыбаясь, смотрела на него, Фрэнк предположил, что она приглашает его войти. Он последовал за мисс Сильвер, а она, войдя за ним, плотно закрыла дверь.

– Очень рада вас видеть. Я как раз собиралась идти к инспектору Марчу, чтобы спросить, намечается ли обыск других помещений.

Формальность эта поразила Эббота. Инспектор Марч! И это после того, как она в течение получаса называла его просто Рэндаллом! Интересно, это проявление воспитанности или неодобрения?

– Думаю, что не намечается, – сказал он, и, видя, как мисс Сильвер поджала губы, понял, что официальность была все же признаком недовольства.

– Фрэнк, надо немедленно обыскать комнату мисс Джанетты. Инспектор уже говорил с мисс Дэй?

– Да, он говорил с ней.

– Вы не расскажете мне, о чем? Что они сказали друг другу?

– Ну... я не знаю...

– Упомянул ли в разговоре гашиш? Вы должны мне это сказать, это очень важно.

– Ну...

Она нетерпеливо перебила его:

– Они говорили о гашише?

Он улыбнулся:

– Вы не даете мне времени.

– У нас нет времени, – серьезно ответила мисс Сильвер. – Так говорили они о гашише или нет?

– Да, говорили.

– И что было сказано?

– Марч спросил ее о Роббинсе – знала ли она о том, что у него есть гашиш, и не приходилось ли ей видеть его под действием этого наркотика. Потом он спросил, не подозревала ли она, что Джерому подсыпают наркотики.

– И каков был ее ответ?

– Она сильно возмущалась, воскликнула: «Как это низко!» – сухо, по-деловому ответил Фрэнк.

– Этого достаточно, чтобы она насторожилась. Я убеждена, что у нее есть запас гашиша. Теперь она избавится от него при первом удобном случае. Возможно, уже поздно, но комнату мисс Джанетты надо обыскать немедленно.

– Почему именно ее комнату?

Она укоризненно взглянула на Фрэнка:

– Мой дорогой Фрэнк, ответ очевиден. Если бы вам надо было спрятать нелегальное лекарство, то нашли бы вы лучшее место, чем комната *malade imaginaire*?[14] Мисс Джанетта обожает разыгрывать из себя больную и держит в комнате массу разнообразных медикаментов – число флакончиков в ее комнате просто поражает воображение. Очень удобно спрятать булавку в коробочке с чужими булавками. Окажись я в таком же затруднительном положении, как Лона Дэй, я бы спрятала пилюли гашиша в какой-нибудь коробочке с лекарствами мисс Джанетты, а сейчас занималась бы его уничтожением – если бы не сделала этого раньше.

Эта картина показалась Фрэнку завораживающей. Моды – образец честности – хранит запрещенные наркотики, находится на подозрении полиции и пытается уничтожить улики! Какая очаровательная картина! Он восхищенно посмотрел на мисс Сильвер и сказал:

– Вы напрасно теряете время на добродетель, из вас вышел бы великолепный преступник!

– Фрэнк, что такое вы говорите?!

Он поспешил успокоить ее:

– Не давите на меня, я очень нежное растение. Я просто очень рад, что вы на нашей стороне. Убийства, как жанра, просто не должно существовать.

Мисс Сильвер, покачивая головой, снисходительно посмотрела на него.

– Нам нельзя терять времени. Вы пойдете к инспектору...

– Ничего хорошего из этого не выйдет. Он только еще больше ошкетинится. Он с самого начала был против обыска ее комнаты. От таких обысков страдает репутация полиции. Старую больную леди, лишившуюся последних сил от горя, безжалостно выбрасывают из постели и доводят до истерики. Только вы сможете уговорить его совершить это святотатство. Я должен отдать ему справедливость – он смиритсЯ с любой критикой в свой адрес, если она поможет делу, но он не пойдет на лишние хлопоты, а тем более на риск, если не увидит в этом смысла. Он уступил вам и распорядился обыскать дом, поскольку уважает ваше суждение, несмотря на то что сам он с ним не согласен. Но все это было до того, как Роббинс вывалился из окна. Насколько понимает Марч, это меняет картину дела. Она стала ему ясной, и он решил прекратить дальнейшее расследование. Если вы сейчас попросите его разрешения обыскать комнату мисс Джанетты, он ответит отказом. Он не любит говорить вам «нет» и не хочет оказаться в положении, когда будет вынужден это сделать. При всем моем уважении, я бы сказал, что это плохая тактика – просить о чем-нибудь, наверняка зная, что вам откажут. В этом случае вы теряете престиж, а престиж – это козырной туз в подобных играх. Нет смысла попусту разбрасываться такими картами.

Мисс Сильвер со всей серьезностью отнеслась к его словам.

– Я не планировала сама просить Марча об этом, – сказала она. – Насколько я помню, я предложила сделать это вам.

Эббот от души расхохотался:

– Хорошо. Он, конечно, отгрызет мне голову, ну да и бог с ней. Надо только не забыть рассказать обо всем шефу. Он думает, что я только и делаю, что занимаюсь тут вредительством.

Мисс Сильвер благосклонно посмотрела на него, но ничего не сказала по поводу последней фразы. Она здраво рассудила, что время дорого и обыск – для того чтобы он дал результат – нельзя откладывать.

Фрэнк направился к двери:

– Ладно, я спрошу у него – разыграю простака и идиота, настаивающего на исполнении инструкций. Но Марч безупречен. Ничего у меня не выйдет, но... какая разница!

Глава 39

Как Фрэнк и предвидел, у него ничего не вышло. Его предложение возобновить обыск и прежде других помещений обыскать комнату Джанетты Пилгрим, как он и думал, было отмечено с порога. Марч не сказал: «Мы ничего не будем делать», но смысл его ответа был именно таким. Затем он перешел к своей беседе с Джеромом Пилгримом, а потом сказал, что просил мисс Дэй зайти в кабинет, как только она освободится.

– Сейчас она что-то делает у мисс Джанетты, но сказала, что это ненадолго. Когда она придет, я покажу ей письмо, найденное в комнате Клейтона, и попрошу опознать его. Мисс Сильвер может присутствовать, если захочет. Вы не знаете, где она?

– Знаю, я только что с ней виделся.

Марч даже не попытался скрыть улыбку:

– Так я и думал! Что она хочет найти в комнате мисс Джанетты?

Фрэнк оглянулся. Они находились в комнате Роджера Пилгрима, и он не был уверен, что дверь закрыта на щеколду. Удостоверившись, он сказал:

– Гашиш, бханг, индийскую коноплю. Это снадобье может быть спрятано в комнате мисс Джанетты согласно старому принципу – травинку лучше всего прятать в стоге сена. Мисс Сильвер говорит, что комната мисс Джанетты очень напоминает аптекарскую лавку.

– Да, там много того, что мисс Сильвер могла бы назвать медицинскими принадлежностями.

Фрэнк выгнул бровь:

– Если уж вы взялись цитировать мисс Сильвер, то и я могу внести свою лепту. Она говорит, что если бы оказалась на месте Лоны Дэй, то избавлялась бы сейчас от гашиша. Причем именно там, где сейчас находится Лона Дэй. Вы не хотите побиться об заклад, что огонь в камине мисс Нетты пылает сейчас экзотическим восточным пламенем? Я не знаю, как горит гашиш, но думаю, что он окрашивает огонь в зеленые или фиолетовые тона.

Марч без улыбки посмотрел на него:

– Уж не хотите ли вы сказать, что верите в эту абсолютно фантастическую историю?

Эббот в ответ пожал плечами:

– Верю или не верю... Доказательств нет, и я не знаю, сумеем ли мы их добыть. К тому же у нас есть удобный козел отпущения. Имея на руках Роббинса, никто не будет искать призрака прячущегося за его спиной убийцы. Но очень неприятна мысль о том, что там, возможно, действительно кто-то прячется.

– Согласен, – с нарочитым спокойствием произнес Марч.

– Человек, который убил Генри в припадке гнева, подстроил смерть старика Пилгрима, вытолкнул Роджера из чердачного окна, выбрал для себя козла отпущения. Можно еще вспомнить барана в кустах. Роббинс идеально подошел на эту роль – гашиш в ящике умывального столика, бумажник Генри в комод и убедительное самоубийство в финале. Моды полагает, что все происходило именно по такому сценарию. Я не говорю, что она права, но что-то мешает мне сказать, что она ошибается. Если Моды не ошибается, – Эббот снова пожал плечами, – то мы упускаем убийцу. Это первое, но есть и второе. Тигрица ощутила вкус крови, и это сошло ей с рук. Веселенькая перспектива перед нами открывается, не так ли? Пока мы, как я вижу, ничего не можем с этим поделать, если, конечно, письмо не выведет ее из равновесия и она не выдаст себя своим поведением.

– Это письмо едва ли что-то нам даст, – сказал Марч. – Она могла написать это письмо и двадцать других писем, но тем не менее не имеет отношения к смерти Клейтона. – Он резко сменил тон: – Будем придерживаться фактов. Есть обвинение против Роббинса, которое удовлетворит любого присяжного, но нам нечего предъявить Лоне Дэй.

Глава 40

Лона Дэй открыла дверь и вошла в кабинет. За письменным столом сидел инспектор Марч. Верхний свет падал на его густую светлую шевелюру и на большую руку, лежавшую на сложенном листе писчей бумаги. Справа, у торца стола, примостился сержант Эббот, державший наготове карандаш и блокнот. Он поднял голову, но не встал, а лишь окинул Лону долгим холодным взглядом. Слева, как всегда безмятежная, отстраненная и чопорная, сидела мисс Сильвер, заканчивавшая третий ряд серого чулка для старшего мальчика племянницы Этель. Связанный и тщательно отутюженный синий свитер уже лежал в ящике, в котором прежде хранил свои сорочки Генри Клейтон. Завтра, если все будет нормально, мисс Сильвер упакует свитер и отнесет его на почту. Время было рассчитано точно. Если посылку отправить завтра утром, то Этель получит ее с первой почтой в день своего рождения.

Мисс Дэй мельком взглянула на моток серой шерсти, лежавший на коленях мисс Сильвер, и подошла к стулу, на котором сидела в прошлый раз. Не успела она сесть, как на столе зазвонил телефон. Марч снял трубку, из которой тотчас зарокотал густой бас, хорошо слышный в комнате. Слова, однако, разбирал только Марч.

– Что ей нужно? – спросил Марч, и в трубке снова зарокотало. – Э-э, хорошо, я буду здесь, – выслушав, сказал Марч. – В какое время, вы говорите?.. Понятно. Значит, она скоро приедет. До этого я так или иначе буду свободен. – Он положил трубку на рычаг и повернулся к Фрэнку Эбботу: – Меня хочет видеть какая-то женщина. Они не знают, по какому вопросу. – Потом он обратился к Лоне: – Мисс Дэй, я просил вас прийти, потому что хочу вам кое-что показать. Возможно, вы сможете помочь нам опознать эту вещь.

Было видно, что Лона Дэй несколько удивлена.

– Я? Ну конечно, если я смогу быть полезной... Но я не знаю...

– Спасибо.

С этими словами инспектор Марч поднял лист со стола. Под ним лежал клочок обгоревшей бумаги, покрытый карандашными каракулями. Письмо было повернуто так, чтобы Лона Дэй смогла прочесть написанное.

– Вы не поможете нам с этой штукой, мисс Дэй? – спросил Марч. – Вы когда-нибудь видели это письмо?

Лона Дэй взглянула на клочок бумаги. Потом подняла голову. В серо-зеленых глазах отразилось чувство, весьма похожее на удивление. Фрэнк Эббот, внимательно следивший за мисс Дэй, истолковал ее взгляд именно так.

Мисс Сильвер стучала спицами, не спуская глаз с Лоны Дэй. Но наблюдать было, собственно говоря, нечего. Если мисс Дэй и испытала потрясение, она очень умело его скрыла. Одна рука ее лежала на колене, на темной материи платья, вторая – на краю стола. Руки не шевельнулись, костяшки пальцев не побелели, на лице не дрогнул ни один мускул. Однако мисс Сильвер продолжала смотреть.

– Я должна это прочитать? – спросила Лона. – Что это значит?

Марч ответил многозначительно и серьезно:

– Это письмо. Вам известно, где его нашли?

– Нет. Откуда я могу это знать?

– Я не знаю. Это письмо было найдено в дымоходе камина в комнате, где обычно ночевал Генри Клейтон. Была сделана попытка сжечь это письмо, но сквозняк занес его в дымоход, и оно уцелело. Прочтите его, будьте любезны.

– Конечно, я могу его прочесть, – без промедления ответила Лона, – но все же, что это значит?

– Почерк изменен. Это приглашение на прощальное свидание. Так как место встречи не указано, то мы можем принять, что свидание было бы не первым.

Лона Дэй одарила Марча восхищенным взглядом:

– Как вы умны!

Не прозвучали ли в этом вопросе издевательские нотки? Сержант Эббот не был в этом вполне уверен.

Марч удержал при себе свои мысли на этот счет. Ему вообще не нравилось все это дело, и, даже занимаясь им, он не переставал удивляться, как он смог уступить аргументам, которые его разум считал абсолютно несостоятельными. Нет, он не превысил бы свои служебные полномочия, если бы предъявил это письмо, имеющее какое-то, пусть даже весьма отдаленное, отношение к убийству Генри Клейтона, всем, кто находился той ночью в доме. Но его ум с беспощадной ясностью подсказывал ему, что все, что он сейчас говорил и делал, было основано на гипотезах, которые он не принимал и не разделял. Другими словами, мисс Сильвер просто использовала его, а он позволил ей это сделать. Столь унижительное положение бесило его сверх всякой меры. Он все делал правильно. И не стал бы возражать, если бы делал все это по собственному разумению, но он подчинился чужой воле. Единственное, что он мог сделать – это довести дело до конца, невзирая на растущее внутреннее сопротивление. За всеми его действиями сейчас стояло желание покончить с этим делом раз и навсегда, исключив всякую возможность возобновления давления.

Обуреваемый всеми этими неприятными мыслями, он посмотрел в манящие глаза мисс Дэй и сказал:

– Это письмо написали вы?

Глаза вспыхнули, рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак, голос зазвенел от гнева:

– Конечно, нет!

Никто не смог бы сказать, что такая реакция была неожиданной – именно ее следовало ожидать от невинной женщины. Если бы она не взорвалась гневом, а отреагировала неестественным спокойствием, то, возможно, Марч поверил бы в то, во что до сих пор был поверить не в состоянии. Но если он имел право предполагать, что она была любовницей Генри Клейтона, а возможно, и его убийцей, то невинная женщина имела такое же право на гнев.

– Понимаете, я должен был задать вам эти вопросы как человеку, который находился в доме, когда был убит Клейтон.

Щеки Лоны Дэй вспыхнули румянцем. Глаза сверкнули. Не всякому дано стать воплощением гнева, но Лоне Дэй это удалось. Она произнесла низким, звенящим голосом:

– Да, я находилась в одном доме с человеком, известным своими любовными похождениями, а значит, у меня тоже была с ним интрижка! Я в это время присматривала за двумя больными людьми, но это же не могло удержать меня от греха! Я находилась в доме, когда его убили, и это, конечно же, означает, что это я его убила!

Мисс Сильвер неторопливо подняла голову и сказала:

– Да.

После этого мисс Дэй разразилась истерическими воплями, смешанными с рыданиями.

– Как вы смеете?! Как вы смеете?! – Она посмотрела полными слез глазами на Марча, словно рассчитывала найти у него поддержку: – У нее нет никакого права говорить такие вещи!

В глубине души Марч был того же мнения. Ситуация становилась неловкой и просто невыносимой.

Мисс Дэй продолжала с неиссякаемой энергией громко рыдать. Между приступами рыдания она успевала вопрошать, что делает здесь мисс Сильвер и кто она такая, чтобы подозревать в убийстве сиделку, зарабатывающую на хлеб нелегким трудом!

Фрэнк Эббот мысленно отметил про себя, что слезы очень легко смывают пудру воспитанности с любого человека. Да и были ли здесь слезы? Да, мисс Дэй подносила платок к глазам, промокала и вытирала их, да, ее глаза блестели, но Фрэнк сильно сомневался в том, что они были мокрыми. Наконец мисс Дэй воззрилась на Марча как на свою последнюю надежду и опору.

– Инспектор, почему я должна все это выслушивать?

Марч ответил сквозь зубы и нехотя:

– Думаю, что вам следует выслушать то, что она вам скажет, – произнеся это, он обратился к мисс Сильвер: – Я считаю, что вам надо объяснить или обосновать то, что вы только что сказали.

Мисс Сильвер продолжала вязать. На спицах было уже три ряда серой вязки. На негодующую филиппику Марча она отреагировала кротким и безмятежным взглядом.

– Это было всего лишь мое личное мнение. Мисс Дэй ответила на него иронией. Если говорить честно и серьезно, то я согласна с ней.

В комнате наступила тишина. После долгой паузы мисс Сильвер добавила таким же тихим и ровным тоном:

– Мисс Дэй хочет дать нам понять, что она не убивала мистера Клейтона?

Лона вскочила на ноги. Рыдания прекратились, как по волшебству. Она смотрела только на Марча и обращалась исключительно к нему одному:

– Меня никогда в жизни так не оскорбляли! Я приехала в этот дом больше трех лет назад, чтобы ухаживать за больной женщиной и тяжело раненным мужчиной. Я делала для них все, что могла, все, что было в моих силах. Думаю, что я заслужила уважение и любовь всех, кто жил в этом доме. Я была едва знакома с мистером Клейтоном. Это подло – думать, что я имею какое-то отношение к его смерти. Она не имеет права меня ни в чем обвинять, и я это просто так не оставляю. Я не позволю ей очернить мою репутацию. Ей придется доказать свои слова, а если она не сможет этого сделать, то пусть принесет мне письменные извинения. Моя репутация – это мой хлеб, и я имею право ее защищать.

Марчу казалось, что процедура дознания превратилась в какой-то неправдоподобный кошмар. Право было на стороне мисс Дэй, мисс Сильвер же выглядела как злонамеренная сплетница. Марч понимал, что она ничем не может подтвердить свои обвинения, и его потрясло то, что она отважилась произнести их вслух, не имея на то никаких оснований.

Фрэнк Эббот откинулся на спинку стула, мысленно поставив все свои деньги на Моды. Марч произнес, явно не разделяя оптимизма сержанта:

– Мисс Сильвер...

Негромко покашляв, она ответила:

– Насколько я понимаю, мисс Дэй хочет привлечь меня к суду за клевету. В добрый путь, это будет очень интересный процесс.

Марч сердито взглянул на нее, но мисс Сильвер смотрела не на него, а на мисс Лону Дэй и в какое-то неуловимое мгновение увидела то, что хотела и надеялась увидеть. Это был не гнев – он был замечен невооруженным глазом; это был не страх – его мисс Сильвер и не рассчитывала увидеть. То, что она увидела, было трудно определить одним словом. Ближе всего это было к ненависти, за которой угадывалась железная, негибкая воля. Это походило на блеск клинка, на мгновение мелькнувшего из-под бархатных ножен, а затем снова спрятанного.

Мисс Сильвер продолжала смотреть, но теперь видела то же, что и двое мужчин, – бледную оскорбленную женщину, изо всех сил защищающую свою честь.

Лона Дэй отошла от стола.

– Если она хочет что-то сказать, то почему не говорит сейчас? Если же нечего сказать, то я пойду к себе. Я спрошу у капитана Пилгрима, нравится ли ему, что меня оскорбляют в его доме.

Марч обернулся к мисс Сильвер:

– Вам есть что сказать?

Застучав спицами, та ответила, натянуто улыбнувшись:

– Нет, благодарю вас, инспектор.

Лона Дэй, не без достоинства, вышла из кабинета.

Мисс Сильвер неторопливо встала. Казалось, она не замечает осуждения, сгустившегося в комнате. Она ответила на мрачный взгляд своего бывшего ученика безмятежной миной и бодро произнесла:

– Вы полагаете, она подаст на меня в суд, Рэндалл? Я так не думаю. Но будет очень интересно, если она это сделает.

Фрэнк Эббот прижал ладонь к губам, услышав, как Марч сказал:

– Какой бес в вас вселился?

– Это всего лишь страсть к экспериментам, мой дорогой Рэндалл, – ответила мисс Сильвер.

– Нельзя же, в конце концов, бросаться такими обвинениями, не имея на руках даже тени доказательств!

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Она не знает, есть у меня доказательства или нет. Чем больше она будет об этом думать, тем менее уверенно будет себя чувствовать. Для того чтобы спокойно перенести обвинение в убийстве, надо иметь чистую совесть.

Было видно, что Марч по-настоящему разозлился.

– Нельзя обвинять в убийстве женщину, не имея никаких улик, и при неопровержимых уликах против другого человека! В этом деле один убийца – Альфред Роббинс!

Он не успел закончить фразу, когда дверь приоткрылась и на пороге показалась Джудит Элиот. Щеки ее горели. Дрожащим от волнения голосом она сказала:

– Приехала мисс Мэйбл Роббинс. Вы разрешите ей войти?

Глава 41

В комнате наступила та особая наэлектризованная тишина, какая возникает, когда сталкиваются мысли и смятенные чувства четырех человек, потрясенных неожиданным драматическим событием. Джуди посторонилась, и в кабинет вошла высокая темноволосая девушка в беличем меховом жакете и красивой маленькой черной шляпке. Девушка выглядела бы необыкновенно привлекательной, если бы не мертвенная бледность, покрывавшая ее лицо. Она подошла к Фрэнку Эбботу и протянула ему обе руки.

– О, мистер Фрэнк, это правда – то, что я услышала об отце в Ледлингтоне?

Тот взял ее за руки, помолчал и ответил:

– Боюсь, что да.

– Он умер?

– Да. Мы думали, что ты тоже умерла.

Она отняла руки.

– Так захотел отец.

– Он знал, что ты жива?

У Мэйбл были выразительные темно-синие глаза, тени от длинных ресниц делали их еще темнее. Она широко их распахнула, посмотрела в глаза Фрэнку и ответила:

– Да, он знал.

У нее был нежный приятный голос без тени деревенского акцента. В ответе прозвучала нескрываемая горечь.

Она повернулась к Рэндаллу Марчу:

– Прошу прощения, мне, конечно, следовало сразу обратиться к вам, но я уверена, что вы правильно меня поймете. Мы знакомы с мистером Фрэнком с раннего детства, и я только сейчас узнала о смерти отца. Мне было так приятно увидеть здесь знакомое лицо старого друга. Но я знаю и вас, раньше я работала в Ледлингтоне.

Манеры ее были просты и безыскусственны. В ситуациях, чреватых неловкостью, она вела себя так, словно никакой неловкости не было и не могло быть. Когда Марч предложил ей сесть, она сделала это без всякого жеманства. Когда он представил ей мисс Сильвер, Мэйбл с естественной грацией наклонила голову и чуть улыбнулась. Когда Марч поинтересовался, не хочет ли она что-то сообщить, она посмотрела ему в глаза и ответила:

– Да, именно поэтому я и приехала.

Сидевший слева от Мэйбл Фрэнк достал из кармана карандаш и приготовил блокнот. Мисс Сильвер с большим интересом, не прекращая вязать, смотрела на нее.

– Итак, мисс Роббинс, что вы имеете сообщить нам?

Девушка опустила ресницы и сказала:

– Очень многое. Но мне трудно начать. Возможно, мне следует предупредить вас, что я не мисс Роббинс. Я замужем, но хочу спросить господина инспектора, надо ли сообщать фамилию моего мужа?

– Не знаю, это зависит от того, что вы нам сообщите.

Мэйбл тяжело вздохнула.

– Это не имеет ни малейшего отношения к моему мужу.

– Он знает, что вы здесь?

Она бросила на Марча удивленный взгляд.

– О да, он знает все. Мы с ним все обговорили, и это он посоветовал мне ехать сюда, но я решила не афишировать его фамилию, так как это может повредить его профессиональной репутации – он врач.

– Я не могу вам ничего обещать, – наставительно произнес Марч, – и, надеюсь, это вам понятно. Вы расскажете мне, что, по вашему мнению, я должен знать? Полагаю, это касается смерти Генри Клейтона?

Щеки Мэйбл на мгновение вспыхнули, но затем она снова побледнела. Однако за это мгновение стало понятно, как она красива. Эту красоту заметили все, кто находился в комнате.

– Да, – сказала она. – Я была здесь в ту ночь.

Эти несколько незатейливых слов произвели тот же эффект разорвавшейся бомбы, что и само появление Мэйбл Роббинс. Фрэнк изумленно уставился на нее. Мисс Сильвер на мгновение перестала работать спицами.

Марч сохранил дар речи:

– Вы были здесь в ночь убийства Генри Клейтона?

– Да.

– Вы действительно это утверждаете?

Она едва заметно улыбнулась:

– Да, я действительно это утверждаю.

– Вы хотите сказать, что присутствовали при его убийстве?

Мэйбл судорожно перевела дыхание.

– Нет, конечно, нет! – Она постаралась утишить дыхание, а потом продолжила: – Инспектор Марч, можно я начну с самого начала? Вы едва ли меня поймете, если я этого не сделаю.

– Конечно, конечно. Рассказывайте так, как считаете нужным.

Облокотившись на стол, Мэйбл подалась вперед. Потом выпрямилась, расстегнула жакет и сбросила его с плеч. Под жакетом было надето темно-красное шерстяное платье отменного качества. Она сняла перчатки, положила их на стол и сложила руки на коленях. Над платиновым обручальным кольцом был надет перстень с бриллиантом в обрамлении мелких рубинов. Глядя на этот перстень, Мэйбл Роббинс заговорила – тихо, но уверенно:

– Надеюсь, вы поймете, почему отец хотел, чтобы меня считали мертвой. Он был гордым человеком и считал, что я опозорила его. Генри Клейтон был моим любовником, и я на самом деле любила его. Не хочу оправдываться, но я действительно его любила и не хочу ни в чем его винить, потому что он никогда не обещал, что женится на мне. – Она подняла голову и посмотрела на Марча. – Его нет, и он не может говорить сам за себя, поэтому я сама скажу, что он меня не обманывал. Он ничего мне не обещал. Когда я поняла, что беременна, и сказала ему об этом, он обеспечил и меня, и ребенка. Я написала матери, что со мной все в порядке и я ни в чем не нуждаюсь. Но мать не получила это письмо, потому что отец его сжег.

– Боже мой, – сказала мисс Сильвер, – какой деспот!

Мэйбл обернулась в сторону мисс Сильвер:

– Такой уж он был человек. – После этого она продолжила свой рассказ: – О судьбе моего письма я узнала много позже. Но родители мне не писали. Когда ребенку исполнился год, я написала еще одно письмо и послала родителям фотографию девочки. Она такая хорошенькая, что я надеялась, что когда они ее увидят... Но приехал отец. Это было ужасно. В тот день был массированный налет. Отец не пошел в убежище и не пустил нас. Он сидел за столом, как глыба, и говорил, что я должна делать. Он заставил меня положить руку на Библию и поклясться. – Она посмотрела в глаза Марчу. – Сейчас мне кажется неразумным то, что я пообещала, но гремели пушки, падали бомбы, а отец смотрел на меня, как судья. Я поклялась на Библии. Для семьи мы с дочкой должны были умереть, чтобы больше не позорить отца. Я обязывалась не писать, не приезжать и вообще никоим образом не давать о себе знать. Он сказал, что проклянет меня, если я это сделаю. Он говорил еще, что так будет лучше для матери, так как она в конце концов успокоится и перестанет тревожиться. Я поклялась, он уехал домой, сказал мистеру Роджеру, мистеру Пилгриму и матери, что я и моя дочь погибли в результате бомбежки, что он сам видел нас мертвыми. Мистер Роджер сказал об этом Генри. Генри приехал ко мне и обратил все это в шутку. К тому времени мы уже не жили вместе, но он иногда нас навещал. Генри привязался к ребенку, говорил, что девочка очень похожа на его мать, и, когда вырастет, станет красавицей.

Она умолкла. Было видно, что ей тяжело продолжать, но потом, взяв себя в руки, она снова заговорила:

– В тот вечер он задержался у нас дольше, чем обычно. Мы болтали о всякой всячине, но он уехал, так и не сказав самого главного, ради чего он, собственно говоря, и приезжал. Он уехал и в тот же день написал письмо, которое я получила на следующий день. В письме он сообщил мне, что через месяц женится на мисс Лесли Фрейн и приезжать к нам больше не будет.

Наступило долгое молчание. Мэйбл посмотрела на свое обручальное кольцо. Верхний свет заиграл на бриллианте и на рубинах радугой глубоких и чистых цветов – уютным светом дома. Мэйбл собралась с силами и снова заговорила:

– Я не хочу, чтобы кто-то его обвинял. Он собирался жениться и считал, что не должен больше меня видеть. Думаю, он был прав. Хотя, когда все это случилось, я думала, что не вынесу своего горя. Сначала я ничего не делала – была просто не в состоянии что-либо делать. Сколько же времени я тогда потратила зря! Потом я написала ему, что хотела бы попроситься. Он ответил мне, написав, что лучше этого не делать, так как прощание лишь причинит нам обоим ненужную боль. Он написал также, что собирается ехать в «Приют пилигрима».

Мэйбл на мгновение подняла руку, прижала ее ко лбу и снова уронила на колено. У нее была ухоженная рука с красиво покрашенными ногтями.

– Наверное, я просто сошла с ума, иначе я никогда бы этого не сделала. Я потеряла покой и сон, не в силах выбросить из головы эту навязчивую мысль. Я понимала только одно – мне непременно, во что бы то ни стало, надо его увидеть. – Она отвернулась от Марча, но посмотрела не на Эббота, которого знала с детства, а на мисс Сильвер, сидевшую на низком викторианском стуле и безмятежно вязавшую. – Вы же понимаете, как поступаешь, когда какая-то мысль захватывает тебя целиком и без остатка. Ты не способна уже ни о чем думать, главная мысль вытесняет все остальные. Я работала и оставляла Марион – мою дочку – с квартирной хозяйкой, чудесной женщиной. В тот день я вышла с работы, испытывая только одно чувство: я больше не могу это выносить. Мне надо его увидеть. Я пошла на вокзал и первым же поездом поехала в Ледлингтон. У меня не было никаких планов – я просто поехала, и все. Вы меня понимаете?

Мисс Сильвер ласково посмотрела на молодую женщину:

– Да.

Мэйбл снова повернулась к Марчу:

– Начался воздушный налет, поезд задержали. Когда я приехала в Ледлингтон, последний автобус уже ушел, и мне пришлось идти пешком. До «Приюта пилигрима» я добралась лишь в одиннадцатом часу. На церковных часах как раз пробило четверть одиннадцатого. В это время я вошла в деревню и только после этого задумалась: что делать дальше? До этого меня занимало только одно – приехать и увидеть Генри. Я ни на минуту не задумывалась о том, как я это сделаю.

– Понимаю, – сказал Марч. – И что же вы стали делать?

– Я остановилась под тисом у ворот дома миссис Симпсон. Это как раз напротив «Приюта пилигрима». Стояла светлая лунная ночь, но тис отбрасывал густую тень, в которой я и спряталась. Я не хотела, чтобы кто-то меня увидел. Я стояла долго, но никак не могла придумать, как мне встретиться с Генри. Я не решалась войти в дом, так как очень боялась столкнуться с отцом. Потом я услышала, как часы пробили половину одиннадцатого. Дверь стеклянной галереи открылась, и на улицу вышел Генри. Луна светила ярко, и я видела его совершенно отчетливо. Он был без пальто, шляпы и шарфа и счастливо улыбался. Я сразу поняла, что он идет к ней – к мисс Фрейн. Я сделала шаг, чтобы пойти за ним, но у меня не хватило сил сделать второй. Я вдруг поняла, что все это бесполезно и глупо. В тот момент я отпустила его. Но не прошло и минуты, как на пороге галереи появилась тень и пошла вслед за Генри.

– Вы увидели, как из дома вышел какой-то человек и пошел за Клейтоном? Это был ваш отец?

– Нет. Конечно, вы сразу подумали, что это был он. Но нет. Это была женщина в китайском халате. Луна светила так ярко, что я даже успела рассмотреть вышивку на нем, пока она бежала за Генри. Она догнала его у ворот конюшни. Там они остановились и заговорили друг с другом. Я не слышала, о чем они говорили, но я видела лицо Генри. Он явно был рассержен, но тем не менее повернул назад. Вместе с женщиной он вошел в дом.

Марч нетерпеливо подался вперед:

– Вы смогли бы узнать эту женщину, если бы увидели ее?

– Конечно, я ее узнаю. – В голосе ее зазвучали усталость и некоторое высокомерие. – Я и тогда ее узнала. Генри много рассказывал о ней, когда она приехала в «Приют пилигрима», чтобы ухаживать за мистером Джеромом. Генри говорил, что она – самая добрая женщина из всех, кого он встречал. Он даже показал мне фотографию, на которой она была снята вместе с его тетьми. Потом он перестал говорить о ней, и теперь мне стало понятно почему.

– Вы говорите, следовательно, что узнали ее в тот момент по фотографии?

– Да, это была мисс Дэй, мисс Лона Дэй.

Фрэнк Эббот метнул взгляд на мисс Сильвер. Выражение ее лица, впрочем, не изменилось. Чулок маленького Роджера удлинился уже до одного дюйма. Клубок разматывался, спицы продолжали равномерно стучать.

– Это все, мисс Роббинс? – спросил Марч.

Она вздрогнула и удивленно посмотрела на него.

– О нет, – ответила она. – Я могу продолжать?

– Да, если хотите.

Она продолжала смотреть Марчу в лицо.

– Я вошла за ними в дом. Дверь осталась незапертой, поскольку я видела, как они входили в дом из стеклянной галереи. У входа они не задержались. Я последовала за ними.

– Что вы хотели делать?

Мэйбл ответила с детским простодушием:

– Не знаю, в тот момент я об этом не думала – просто последовала за ними. В холле горел свет, когда я туда вошла. Я посмотрела влево и увидела, как закрывается дверь столовой. Я подошла к двери и стала прислушиваться к их разговору. Они не закрыли дверь на щеколду. Я толкнула ее и вошла. – Мэйбл умолкла, облокотилась на стол и продолжила: – Вы все были в столовой, не думаю, что там что-то изменилось. В дверном проеме висит занавеска – мисс Нетта всегда говорила, что в столовой сильный сквозняк. Так вот, я встала за этой занавеской и стала подсматривать.

– И?

– Они остановились у большого буфета, по обе его стороны. Генри стоял ближе к двери, выходящей в коридор, ведущий к лифту. В комнате горела только одна лампа – та, что над буфетом. Я очень хорошо их видела, а они меня нет. Впрочем, я вела себя очень осторожно. Я слышала, как Генри сказал: «Моя дорогая девочка, какая от всего этого польза? Иди лучше спать». Мисс Дэй ответила: «Неужели ты так торопишься к ней, что не можешь уделить мне пять минут, чтобы попрощаться? Это единственное, что я от тебя хочу».

Мэйбл снова посмотрела на мисс Сильвер. Щеки молодой женщины покрылись смертельной бледностью.

– Она вслух повторила то, что я бесчисленное множество раз говорила себе мысленно. Я возблагодарила Бога за то, что так и не высказала это Генри. Я не дала ему повода смотреть на меня так, как он смотрел на нее. Она расплакалась, резко повернулась и схватила со стены нож. Вы же знаете, там на стене полно холодного оружия. Кажется, это называется трофеем. Так вот, она схватила нож и крикнула: «Отлично, если ты так хочешь, то я покончу с собой!» Генри сунул руки в карманы и презрительно процедил сквозь зубы: «Не корчи из себя дуру, Лона!»

– Вы слышали, как он назвал ее по имени? – быстро спросил Марч.

– Да.

– Вы готовы в этом поклясться? Вам придется давать показания под присягой.

– Я знаю.

– Продолжайте, пожалуйста.

Она снова посмотрела ему в лицо.

– Генри сказал: «Положи нож на место и иди сюда! Если ты хочешь попрощаться по всем правилам, то я дам тебе такую возможность, но прощание не должно продлиться больше десяти минут. Идем, моя дорогая!» Он протянул ей руку и ласково улыбнулся. Она ответила: «Очень хорошо, это все, что мне нужно». Она отвернулась и протянула руку к трофею, сделав вид, что укладывает нож на место. Но на самом деле она сунула нож в карман китайского халата.

Мисс Сильвер кашлянула.

– У китайских халатов нет карманов, мисс Роббинс.

Это замечание несколько не смутило Мэйбл.

– У этого халата карман был – это можно легко проверить. Она положила нож туда. Генри этого не видел из-за груды блестящего серебра на полках буфета. Он лишь видел, как она протянула руку к стене с трофеями и отошла от него. Но я видела, что она положила нож в карман.

– Вы осознаете важность того, что сейчас сказали?

Она вздрогнула всем телом.

– Да.

– Продолжайте.

– Она подошла к Генри и нежно обняла его за шею. Мне захотелось уйти, но я была не в состоянии сдвинуться с места. Она сказала: «Ты получил мое письмо, и я тебя ждала. Почему ты не пришел ко мне?» Генри ответил: «Потому что между нами все кончено, моя дорогая». Он потрепал ее по плечу и сказал: «Лона, будь взрослым человеком. Мы съели наш торт, и давай не будем ссориться из-за крошек. Мы же никогда не воспринимали этот роман слишком серьезно, не так ли? Мы играли в такую игру и раньше, и оба знали, что когда-нибудь она подойдет к концу». Она сказала: «Ты сейчас идешь к ней – к Лесли Фрейн». Генри отозвался: «Естественно, я иду к ней – ведь я собираюсь на ней жениться. Дорогая моя, усвой раз и навсегда – я буду ей хорошим мужем. Она соль земли, и я не допущу, чтобы она страдала». Когда он это произнес, я поняла, что должна уйти. Все, что они друг другу сказали, отчетливо показало, что мне нельзя было приезжать. Если бы он меня увидел, то я, наверное, умерла бы от стыда.

Мэйбл говорила теперь очень тихо, а потом и вовсе умолкла. Опустив глаза и глядя на свои кольца, она несколько раз тяжело вздохнула. Все молчали. Взяв себя в руки, Мэйбл продолжила свой рассказ:

– Я отступила к двери. Тогда я видела и слышала его в последний раз.

Она снова умолкла и прежним жестом поднесла ладонь ко лбу. До мужчин наконец дошло, что она так собирается с силами – мисс Сильвер поняла это с первого раза.

Теперь Мэйбл снова обрела дар речи и заговорила уверенным, хотя и тихим голосом:

– Я пошла в холл, но внезапно почувствовала дурноту. Это было неудивительно, потому что я целый день ничего не ела. Обычно я не падаю в обмороки, но на этот раз он едва не случился, и я подумала, что мне было бы лучше умереть. Дверь в холл все это время оставалась приоткрытой, я открыла ее и шагнула туда. Я сразу увидела отца, выходящего из кухонной двери. Он подошел ко мне и что-то сказал, но мне было так плохо, что я не разобрала слов. Я просто вцепилась в него, чтобы не упасть. Помню, он встряхнул меня и толкнул к входной двери, но, увидев, что мне плохо, отпустил меня, и я ухватилась за дверной косяк, а отец вышел. Он вернулся со стаканом виски и заставил меня выпить. После этого мне стало лучше. Отец вывел меня в стеклянный переход и спросил, зачем я приехала, не хочу ли я, чтобы он проклял меня за нарушенное обещание? Я сказала, что нет. Тогда он спросил, не видел ли меня кто-нибудь, и я снова сказала «нет». Он сказал: «Ты приехала повидаться с мистером Генри. Ты его видела?» Я ответила: «Да, я его видела, но ни он, ни мисс Дэй меня не видели. Они в столовой, и ты можешь не бояться, что я приеду снова, – я не приеду». Он сказал: «Да, ты уж лучше не приезжай». Он выставил меня на улицу и смотрел вслед, когда я уходила. Не помню, как я добралась до Ледлингтона. Последний поезд уже ушел. Должно быть, я вышла на Лондонское шоссе, где меня подобрал какой-то водитель. Наверное, он порылся в моей сумочке, потому что нашел мой адрес и привез меня домой. Я помню только, как он разговаривал с квартирной хозяйкой, открывшей нам дверь. Он сказал: «Я врач. Уложите ее в постель, а я осмотрю ее». Так я познакомилась со своим будущим мужем.

Марч строго посмотрел на нее:

– Когда вы узнали, что Клейтон исчез, вам не пришло в голову, что надо поставить в известность полицию о том, что вы видели? Вам понадобилось слишком много времени для того, чтобы наконец рассказать эту историю, мисс Роббинс.

Казалось, от этих слов Мэйбл почувствовала облегчение. Бледность немного отступила. Она сказала:

– Да, но видите ли, я ничего не знала.

– Вы не знали, что Клейтон исчез?

– Нет, я долго и тяжело болела. Только через два месяца я смогла читать газеты, а до этого никто не говорил мне о Пилгримах, я была полностью отрезана от «Рожи святой Агнессы». Прошел целый год, прежде чем я узнала, что Генри так и не женился на мисс Фрейн.

– Кто вам об этом сказал?

– Один друг Генри, с которым я иногда встречалась, когда мы жили с Генри. Он так странно сказал мне об этом... – Она сделала паузу. – Знаете, такое никогда не могло бы прийти мне в голову, инспектор Марч. Он сказал: «Значит, Генри все же не смог себя преодолеть. Деньги – это

все же не самое главное в жизни? Вы что-нибудь с тех пор о нем слышали?» Когда я попросила его объяснить, в чем дело, он ответил: «О, так вы ничего не знаете? Бедный старина Генри в последний момент просто сбежал, растворился в тумане. Никто не знает, где он теперь находится».

– Понятно, – сказал Марч.

– Я думала, что это конец истории. Генри был вполне способен на такое. Я решила, что он зашел слишком далеко в своих запутанных отношениях с мисс Дэй, или же мисс Фрейн обо всем узнала. Но я никогда не думала... мне даже в голову не могло прийти то, что произошло.

– Когда же вам, наконец, это пришло в голову, мисс Роббинс? – медленно и раздельно спросил Марч.

Мэйбл посмотрела ему в глаза:

– Я замужем около года. Задолго до свадьбы я все рассказала мужу. Он удочерил моего ребенка. Я не могу сказать, сколько хорошего он для меня сделал. Так вот, у него есть брат – журналист. Он моложе Джона и служил в армии, но был ранен и комиссован. Редакция направила его в «Приют пилигрима», когда... когда... – Голос ее дрогнул, и она умолкла.

– Когда было обнаружено тело Генри Клейтона? – закончил за нее фразу Марч.

– Да.

– Когда вы узнали об этом открытии?

Мэйбл снова сильно побледнела. В голосе ее проскользнули нотки удивления, когда она сказала:

– Это же случилось только вчера, не так ли? Сегодня утром Джим – брат мужа – приехал к нам. Он живет поблизости. Вчера он по заданию редакции был здесь, и сегодня собирался сюда вернуться. В это время я уже ушла на работу. Джим все рассказал мужу об этом деле. Он приехал к Джону, поскольку знал, что я родом из этих мест, и думал, что я знаю кого-то из этих людей. – Мэйбл судорожно вздохнула. – Он не представляет, насколько хорошо я их знаю. Он не знает ни моей истории, ни моего настоящего имени. До замужества я поменяла фамилию на Робертсон, и он думал, что я вдова.

– Сообщение об обнаружении тела Клейтона было во всех утренних газетах, мисс Роббинс.

– Я знаю, но я не видела этих сообщений. По утрам у меня нет времени на чтение газет. Обычно я слушаю восьмичасовые известия, пока одеваю Марион. Потом я готовлю завтрак. У меня нет времени – по утрам я всегда очень тороплюсь. У меня есть подруга, которая присматривает за Марион в течение дня – вместе со своей дочкой, и по дороге на работу я отвожу Марион к ней. Обычно я работаю полдня, но когда бывает много работы, меня просят задержаться. Как раз сегодня был такой день, и мне пришлось остаться до конца рабочего дня.

– Однако я полагаю, что ваш муж прочитал утреннюю газету.

– Да, после того, как я ушла. Он не знал, что делать, понимая, что для меня это будет большим потрясением. Потом приехал Джим и рассказал ему то, чего не было в газетах. Он сказал, никто не сомневается в том, что Генри убил мой отец, – хотя, конечно, Джим не знал, что это мой отец. И еще что все репортеры уверены: Роббинс убил и Роджера Пилигрима, чтобы тот не продал дом, ибо в этом случае в подвале... – Она ухватила рукой за край стола. – Он сказал: «Роббинса сегодня арестуют – в этом нет никаких сомнений». – Немного помолчав, Мэйбл продолжила: – Муж позвонил ко мне на работу и спросил, не отпустят ли меня домой по неотложным семейным обстоятельствам. В дирекции ответили, что не могут отпустить сразу, но отпустят в четыре часа. О звонке мужа мне ничего не сообщили. Когда я пришла к подруге забрать Марион, подруга сказала, что Джон просил ее оставить мою дочку у нее до утра. Только тогда я поняла, что происходит нечто экстраординарное. Когда я вернулась домой, Джона не было, он уехал на экстренный вызов. У нас есть приходящая домработница. Она передала, что муж просил меня дожидаться его возвращения, а он постарается вернуться как можно скорее. Муж приехал только в половине шестого и рассказал о Генри, добавив, что моего отца вот-вот арестуют. Кроме того, Джон сказал, что я должна рассказать полиции обо всем, что видела и слышала, и добавил, что я не могу остаться в стороне от этого.

– И он был совершенно прав.

– Да, я знаю, – произнесла Мэйбл. – Я сказала Джону, что еду. Он не мог поехать со мной, потому что ему надо было вернуться к больному. Правда, Джон заверил, что на станции меня

встретит его брат Джим. Не знаю, что он сказал брату, но тот пообещал, что будет все время на связи. Он позвонил, когда мы разговаривали с Джоном, и муж сообщил Джиму, на каком поезде я приеду. Когда я приехала в Ледлингтон, Джим ждал меня на станции и сказал мне, что мой отец покончил с собой.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Боюсь, что я сейчас расстрою вас еще больше. Ваш отец не покончил с собой, его убили.

Если Мэйбл и испытала потрясение, она ничем его не выказала, кроме глубокого вздоха.

Потом она тихо произнесла:

– Я тоже так подумала, у него не было причин для самоубийства. – Она повернулась к Марчу: – Инспектор Марч, я сказала вам все, что знаю, а теперь я хочу пойти к маме.

Вмешалась мисс Сильвер:

– Ее надо сначала подготовить, ведь она думает, что вы погибли.

Сказал свое слово и Марч:

– Боюсь, что с этим придется повременить. Мисс Роббинс, вы понимаете, какую ответственность вы взяли на себя своим заявлением? Оно очень серьезно.

Она спокойно посмотрела ему в глаза:

– Да, я знаю это.

– Ввиду того, что ваш отец мертв и ему теперь не угрожает арест, не хотите ли вы каким-то образом изменить свои показания?

Мэйбл устало и печально, но сохраняя прежнюю твердость, ответила:

– Я сказала вам правду и не могу ни одного слова изменить в своих показаниях.

Марч обернулся к Фрэнку Эбботу:

– Попросите мисс Дэй спуститься сюда.

Глава 42

Джуди прикрыла дверь кабинета и вышла на лестницу. Казалось, этот день никогда не закончится, как и предстоящие дела. Так она думала до тех пор, пока не открыла дверь приехавшей Мэйбл Роббинс, до того момента, когда та вошла в холл и представилась. С этого момента все перевернулось. Не каждый день приходится открывать дверь человеку, которого три года считают умершим.

Поднимаясь по лестнице, Джуди была вся под воздействием этого потрясения, лишившего ее способности связно мыслить. Взаимоисключающие идеи сталкивались у нее в голове. Как это ужасно – приехать и узнать, что твой отец мертв! Но как здорово, что миссис Роббинс снова обретет дочь. «Где же ты пропадала столько времени?» – скажет она.

Выйдя в коридор, Джуди повернула к своей двери и столкнулась с Лоной Дэй, одетой на выход – в меховое полупальто и черную шляпку. В левой руке она держала сумочку, болтавшуюся на запястье.

– Кого вы только что впустили в дом? Я слышала звонок. Капитан Пилгрим никого не принимает – никого. Он заболел.

Джуди, не задумываясь, выпалила ответ:

– Приехала Мэйбл Роббинс. Оказывается, она не умерла.

Лона взяла ее за руку и повела назад к лестнице. По дороге она заговорила будничным тоном:

– Я так и поняла, а вы? Естественно, она приехала, хотя я не ждала ее так скоро. Поторопитесь, Джуди, капитану Пилгриму очень плохо. Надо привезти к нему доктора Дэйли. Доктор сейчас в Майлс-Фарм, а там нет телефона. Надо успеть поймать такси, на котором приехала девушка.

Джуди замедлила шаг:

– Ничего не выйдет, машина уже уехала.

Затем снова ускорила шаг:

– Может, меня подбросят на полицейской машине. Речь идет о жизни и смерти.

Они спустились с лестницы, пересекли холл и вышли в застекленный переход. Когда Лона открыла дверь, Джуди спросила:

– Вы не хотите остаться с ним?

Из открытой двери в переход хлынул обжигающе холодный воздух. На улице перед домом стояла полицейская машина, черная и пустая.

– Нет, нет, – ответила Лона. – Я все равно ничего не смогу сделать до приезда врача. Вы сядете за руль, я плохо вожу в темноте. Садитесь за руль, живее! – Лона распахнула дверцу автомобиля и подтолкнула Джуди в кабину. – Да садитесь же! Или вы хотите, чтобы он умер?

Джуди поставила ногу на подножку и обернулась:

– Мисс Дэй, нельзя же вот так уехать на полицейской машине! Надо сначала спросить разрешения.

Лона, держа Джуди левой рукой, подняла правую руку. В ней был виден какой-то темный предмет. В темноте и предмет и рука сливались в одну неясную тень, которая повергла Джуди в ужас, как сцена из кошмарного сновидения. Тень приблизилась. В шею Джуди, немного ниже уха, уперся холодный смертоносный кружок.

– Если ты сейчас же не сядешь за руль и не включишь зажигание, я выстрелю, – холодно произнесла Лона Дэй. – Если вздумаешь хотя бы пикнуть, то умрешь раньше, чем кто-нибудь тебя услышит. Я не шучу. Заводи машину!

Джуди от всей души взмолилась небесам, чтобы в гнезде зажигания не оказалось ключа. Но, пошарив рукой по панели, она с ужасом убедилась, что ключ на месте.

Лона убрала дуло пистолета с шеи Джуди, которая потом сотню раз обозвала себя дурой за то, что не воспользовалась выпавшим шансом. Но все произошло очень быстро. Задняя дверца открылась и закрылась, и после этого холодное дуло уперлось ей в затылок.

– Протяни руку и закрой дверцу! – скомандовала Лона. – Вздумаешь бежать – убью.

Джуди повиновалась. Ей надо было нырнуть вперед, наклониться набок и выпасть из машины вправо в тот момент, когда Лона усаживалась в машину и отвела ствол. Но и этот шанс Джуди упустила.

– Заводи мотор!

– Я не могу этого сделать, – возразила Джуди.

– Если не заведешь, я тебя просто пристрелю. Затем выйду из машины, пройду пешком до известного тебе дома в деревне и скажу мисс Фрейн, что ты поручила мне забрать Пенни. Она отдаст ее мне, будь уверена. Что я сделаю с ней потом, тебя волновать уже не будет, потому что ты будешь мертва.

Как будто со стороны, Джуди услышала свой глухой, севший голос:

– Зачем тебе это нужно?

Сзади раздался короткий смешок.

– Ты никогда не слышала о сладости мести, моя милая? Если ты лишишь меня шанса бежать, то я заберу с собой Пенни. Считаю до пяти.

Джуди повернула ключ зажигания.

Когда машина выехала на дорогу, Лона снова заговорила:

– Я пересяду еще дальше назад. Ты не будешь чувствовать ствол на затылке, но пистолет у меня в руке. Я очень хорошо вижу тебя на фоне света, и если начнешь фокусничать, то я не промахнусь – я меткий стрелок. Через полмили мы свернем направо... – После секундной паузы она снова заговорила: – Если будешь делать все, что я велю, то я оставлю тебя в живых и не причиню никакого вреда ни тебе, ни Пенни. Мне надо удрать, и ты мне в этом поможешь. Не тешь себя иллюзиями, что ты сможешь играть со мной в свои игры и уцелеть. Многие так думали и поплатились за это жизнью. Если я тебя застрелю, кто позаботится о Пенни?

Джуди снова услышала свой, ставший чужим, голос:

– Не смей так говорить.

– Я просто предупреждаю тебя, – сказала Лона. – От меня не уйдешь. От меня никто не сумел уйти безнаказанно. Генри Клейтон думал, что сможет попользоваться мною и бросить, как он бросил девчонку Роббинс. Я расскажу тебе, как это было, чтобы ты не думала, что сможешь меня перехитрить. Мы подъезжаем к повороту. Это узкая дорожка, а впереди будет мостик. Езжай аккуратнее.

Джуди сделала поворот. Узкая дорога была обрамлена голыми деревьями, кроны которых смыкались над дорогой, образуя ее крышу. Сквозь натянутое облаками небо тускло светила луна. Мотор работал отлично, фары светили ярко – насколько позволяли законы об ослеплении. Джуди была хорошим водителем. До сих пор она вела машину автоматически. Она хорошо чувствовала автомобиль, и он послушно отвечал на все ее действия.

Лона между тем возобновила свой рассказ:

– Сейчас я расскажу тебе о Генри. Он собрался жениться на Лесли Фрейн только ради ее денег. И это после меня! Она не из тех женщин, в которых влюбляются, тут все дело именно в деньгах. Мы с Генри познакомились в Лондоне, где у меня был последний пациент. Когда я узнала, что в «Приюте пилигрима» нужна сиделка, я сразу согласилась. Впрочем, с моими рекомендациями они были готовы оторвать меня с руками. Представляешь, в каком положении оказался Генри? Его помолвка тогда еще была под вопросом, и ему следовало выбрать между Лесли и мной. Как ты думаешь, он выбрал Лесли? Я вас умоляю! Но потом, в феврале, он вдруг набрался духу и сообщил мне, что день свадьбы уже назначен... Здесь налево!

На развилке Джуди свернула на еще более узкую, извилистую дорожку.

Лона снова заговорила:

– Он приехал на свою свадьбу. Я отправила ему записку с просьбой прийти ко мне в комнату. Но он не пришел, вместо этого отправился к ней. Я слышала, как он поговорил с Роббинсом, а потом вышел из дома. Я побежала следом и догнала его у ворот конюшни. Генри сильно разозлился, но все же вернулся со мной назад, в дом. Мы вошли в столовую. Я сняла со стены один из ножей и сказала, что покончу с собой, если он не попросится со мной по всем правилам. Он ответил, чтобы я не корчила из себя дуру. Я сделала вид, что вернула нож на место, но на самом деле положила его в карман. На мне был мой теплый китайский халат. Обычно у них нет карманов, но к этому я специально пришила карман, и нож очень хорошо там поместился. Я до

самого конца в общем-то не собиралась убивать Генри. Если бы он был вежлив со мной, я бы, наверное, отпустила его, но он начал говорить, что Лесли Фрейн – соль земли и он станет ей хорошим мужем. Это решило исход дела. Я увела его в коридор, выходящий из столовой, и когда мы там оказались, вдруг воскликнула: «Ой, что это?» – будто мне что-то послышалось. Он отвернулся, чтобы посмотреть в указанном мной направлении, и я, достав из кармана нож, ударила его в спину. Это оказалось очень легко. Сейчас будет перекресток. Сверни направо и езжай по дорожке на другую сторону!

Джуди ощущала свое тошнотворное бессилие. Она могла только слушать и вести машину – и больше ничего. Казалось, она из реального мира внезапно попала в королевство какого-то жуткого ночного кошмара. Джуди не понимала, ни куда они едут, ни чем все это закончится. В этом королевстве не было места ни закону, ни доброте, ни жалости, ни человечности, ни чувствам. Бал правило чудовищное эго – оно затмило собой все остальное.

Они миновали перекресток и начали подниматься вверх по склону холма до открытой пустоши, раскинувшейся под темным ночным небом. Лона Дэй продолжала безостановочно говорить. Иногда Джуди воспринимала ее слова просто как не связанные между собой звуки, но иногда слова связывались и образовывали картину: узкий переход за столовой – лифт с открытой дверью – лежащий в лифте мертвый Генри Клейтон, неподвижный и тяжелый – непомерно тяжелый – Лона, волокащая его по полу...

Голос за спиной произнес:

– Медсестер учат пользоваться лифтом, иначе я не смогла бы избавиться от трупа. Очень удобно, что в подвале под рукой оказалась тележка.

Тележка в подвале... Джуди содрогнулась, словно ощутив холод погребца. Мысли увели ее в сторону. Холод... До сих пор она не чувствовала своего тела, но теперь ощутила его – оно оцепенело и замерзло. Она была в домашней одежде и с каждой секундой оказывалась все дальше и дальше от дома, а ведь на улице стояла февральская ночь. Джуди старалась не слушать хвастовство Лоны о том, как она спрятала тело Клейтона в железный сундук и завалила его старой мебелью...

– Я заперла дверь и положила ключ в карман Генри, поэтому никто так и не догадался, что он вернулся домой.

Но слова, доходили они до Джуди или нет, продолжали рисовать в ее воображении страшные картины.

– Таким образом, никто ничего не заподозрил. Правда, теперь выяснилось, что неладное заподозрил Роббинс – из-за того, что его дочь – которую он объявил мертвой – притачилась к Генри, бесстыдная тварь! Похоже, она видела нас в столовой, но я догадалась об этом только сегодня. Но что бы ни думал Роббинс, о чем бы ни догадывался, он ненавидел Генри и держал язык за зубами. Все шло как нельзя лучше до тех пор, пока старый мистер Пилгрим не вздумал продать дом. Конечно, этого я допустить не могла. Я очень умно убрала старика. Даже если бы они обнаружили шип под седлом – а они его обнаружили, – они никогда бы не додумались, что это я его туда положила. Но и мне, конечно, повезло, потому что падение оказалось смертельным. Потом появился Роджер, и ему в голову вступила та же блажь – продать дом. У мужчин точно нет ума. Его тоже надо было убрать, но здесь мне повезло не так, как со старым мистером Пилгримом. Он, наверное, и правда был заколдован. Я дважды терпела неудачу, но в третий раз у меня все получилось как нельзя лучше. Я просто дождалась, когда мисс Фрейн спустилась с чердака, и забежала в комнату, где находился Роджер. Он выглядывал из окна и даже не обернулся, когда появилась я. Он подумал, что вернулась мисс Фрейн, и спросил: «Что случилось, Лесли?» Роджер так и не узнал, кто его толкнул. Естественно, когда нашли тело Генри, мне пришлось срочно принимать меры. В первую очередь подозрение должно было пасть на Роббинса, и я стала работать в этом направлении. Я сохранила бумажник Генри, потому что с самого начала понимала, что им можно будет воспользоваться в затруднительной ситуации. Узнав о предстоящем обыске, я побежала в комнату Роббинса и положила бумажник в нижний ящик комода. Однако потом произошло то, что могло легко меня погубить, но все обошлось. Признаюсь, это доставило мне большое удовольствие. Любой человек может планировать свои действия, если у него масса времени, но наша подлинная сущность проявляется в умении реагировать на экстренные ситуации. Когда пришел Роббинс и сообщил, что ему надо поговорить

с капитаном Пилгримом, я сразу поняла: дело приняло дурной оборот. Я вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Он сказал: «Слушай, я больше не буду молчать. Той ночью ты была в столовой с мистером Генри. Тебя видела моя дочь Мэйбл». Я ответила: «Твоя дочь Мэйбл мертва», но он возразил: «О нет, она жива, и стоит мне сказать ей хоть слово, как она придет и опишет, что видела и слышала. У меня нет оснований любить мистера Генри, и я до поры до времени молчал, но я не собираюсь отправляться из-за него на виселицу, вот так-то. Я даю тебе время до ужина – чтоб ты убралась подобра-поздорову. Это самое большее, на что я могу пойти, да и это-то, пожалуй, слишком». Он повернулся и вышел на лестницу. Я дала ему пару минут, потом скинула туфли и последовала за ним. В его комнате шел обыск. Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Полицейские вытащили из комода все ящики, а на груде старых газет лежал бумажник Генри. Полицейские меня не видели, они возились в вещах, повернувшись ко мне спиной. Я решила, что будет неплохо запереть их. Я вытащила ключ из замочной скважины – это было делом одной секунды – и заперла их на замок. Потом вошла в соседнюю комнату. Там, высунувшись из открытого окна, стоял Роббинс. Я сразу поняла, в чем дело, – он пытался подслушать, о чем говорят полицейские, обыскивавшие его комнату.

Джуди услышала за спиной довольный смех.

– Он тоже так и не понял, кто вытолкнул его из окна. Собственно, вот и весь рассказ, а теперь я буду следить за дорогой. Сейчас будет крутой спуск, потом – развилка, на которой ты свернешь вправо. Чудесный здесь лесок, но примулы здесь едва ли расцветут в этом году. Так, теперь... Постой-ка, дай я посмотрю...

Джуди услышала шорох – Лона развернула карту и повесила ее на спинку водительского сиденья. В ветровом стекле отразился свет карманного фонарика. В душе Джуди вспыхнула искра надежды. Если Лоне придется смотреть карту и светить себе фонариком, то как она тогда сможет прицелиться? Надежда вспыхнула и погасла. Джуди почувствовала, как дуло револьвера уперлось ей в спину. Карта висела на спинке, фонарик Лона держала левой рукой, а правая оставалась свободной.

Они оставили позади пустошь и поехали вниз по дороге, обрамленной живыми изгородями. Джуди вгляделась в дорогу: нет ли канавы вдоль изгороди? Можно было на полном ходу въехать в канаву... Но тогда Лона просто ее застрелит. Но дать ей уйти – особенно после всего того, что она рассказала, – Джуди не хотела. Правда, в канаву можно въехать, например, задним ходом. Да, это шанс. Если удастся сделать все достаточно быстро – а для этого надо было найти повод дать задний ход, – то Лона на какое-то время потеряет равновесие, и тогда появится возможность бежать. Да, это был единственный шанс.

Сзади раздался щелчок, и фонарик погас.

– Да, все правильно, – удовлетворенно произнесла Лона. – Надеюсь, ты теперь понимаешь, что со мной не надо играть в опасные игры – это плохо кончается. Я все предусмотрела. Все три года я понимала, что мне, возможно, придется быстро уносить отсюда ноги, но не думала, что в такой спешке. Не думала я, что Мэйбл Роббинс явится так быстро со своими показаниями. Но она получила свое, даром ей этот приезд не прошел. Я хотела уехать позже, но, как видишь, мне пришлось поторопиться, однако все сложилось как надо. Полиция меня никогда не найдет – я просто стану другим человеком. У меня есть продуктовые карточки и удостоверение личности на другое имя. Уверена, что тебе было бы очень любопытно узнать, как я их получила, но я тебе не скажу. Наверное, я могу тебе намекнуть – ведь ты все равно не сможешь никому об этом сообщить, не правда ли? Видишь ли, Лона Дэй – имя вымышленное, и я всегда могу их получить на свое настоящее имя. Пятьдесят фунтов Генри я положила в банк на свое настоящее имя. Я все предусмотрела... Да, вот развилка.

Джуди притормозила, шаря глазами по обочине дороги в поисках канавы. Она должна быть, хотя полной уверенности у Джуди не было. Из тени выскочил кролик и перебежал дорогу перед машиной. Развилка была совсем рядом. Кролик скорее всего выбежал из канавы справа. Она снова притормозила и свернула влево. Сзади тотчас раздался недовольный голос:

– Стоп, стоп, куда ты едешь? Я же сказала: направо.

Дуло револьвера больно уперлось в спину.

Джуди остановила машину. Несмотря на холод, ее обдало жаром, ладони покрылись противным липким потом. Джуди боялась, что Лона сейчас выстрелит. Шанс был, но насколько он

велик? Все зависело от того, где они находились и как далеко им еще предстояло ехать.

– Прошу прощения, – сказала Джуди. – Я сейчас вернусь к развилке – это недолго.

Эти слова прозвучали для нее самой как звон сигнального колокола. Теперь в ее распоряжении было мгновение, и это мгновение решит, жить ей или умереть. Эта мысль сверлила мозг, когда Джуди переключилась на заднюю передачу и нажала педаль газа. Она перестала ощущать боль в спине, видимо, Лона отвела револьвер.

Машина неторопливо катилась назад, когда Джуди резким движением вдавила в пол акселератор. Ее охватило почти радостное возбуждение, когда машина рванулась назад и рухнула задом вниз, угодив колесами в канаву.

Раздался треск и звон – машина на скорости ударилась задним бампером о край канавы. Лона испустила дикий вопль – в нем была ярость, но не страх. За мгновение до падения Джуди протянула правую руку к дверце и открыла ее. Перевалившись через подножку, она стремительно вывалилась на дорогу, буквально ощутив, а не услышав резкий оглушительный грохот, за которым последовал звон разбитого ветрового стекла. Прозвучали два выстрела, одна пуля едва не задела Джуди. Машина стояла в канаве почти вертикально, передние колеса висели в воздухе.

Джуди бросилась к канаве, чтобы найти какое-нибудь естественное укрытие. Канавка оказалась глубже, чем она предполагала, и к тому же на противоположной стороне была высокая насыпь. Джуди перелезла через нее и услышала еще один выстрел. Она не поняла, откуда стреляла Лона, но понимала, что следующая пуля могла попасть в цель.

По верху насыпи шла живая изгородь. Если бы положение не было таким отчаянным, то Джуди даже не пыталась бы продраться сквозь эти заросли – колючки, падубы и бог знает что еще. Шипы рвали одежду и царапали тело, но она пробилась сквозь кустарник, когда прозвучал следующий выстрел. Пуля прошла так близко, что обожгла левую щеку, и вслед за этим раздался самый страшный звук из всех, какие Джуди слышала в своей жизни, – это был рык ярости, сатанинской злобы, в котором не было ничего человеческого. Джуди даже не поняла, произносила ли Лона при этом какие-то слова, их смысл все равно не доходил до нее. Джуди вдруг поняла, что дело даже не в том, будет она убита или нет, она осознала, что если эта взбесившаяся тварь каким-либо образом дотронется до нее, то произойдет непоправимое – она перестанет быть человеком, перестанет быть Джуди Элиот. Прикрыв лицо руками, Джуди бросилась в лес.

Высоких деревьев в нем не было – только орешник и ольха, под ногами путался плющ. То и дело встречались высокие заросли падуба. Джуди споткнулась и рухнула вперед, вытянув вперед руки. Ладони ощутили прошлогодние листья, мокрый мох и упавший сук. Ухватив сук, она встала. Сук оказался коротким и тяжелым. Конечно, эта дубина не спасла бы ее от револьвера, но здесь сыграл свою роль древний инстинкт – иметь хоть какое-то оружие, с которым можно встретить врага. Джуди остановилась, чтобы перевести дыхание и взять себя в руки. Паника заставляла бежать не разбирая дороги, а это значило либо снова упасть, либо напороться на пулю...

Кто-то продирался сквозь живую изгородь. Джуди явственно слышала шорох и треск сучьев. Ее снова охватила дрожь, слух обострился, чужое дыхание раздавалось так же близко, как свое. Джуди обуял ужас. Если руки, раздвигающие сучья, вдруг прикоснутся к ней...

Она крепко сжимала в руке подобранный в лесу сук, размахнулась и изо всех сил швырнула его влево от того места, где Лона пыталась проникнуть сквозь живую изгородь. Теперь Джуди отчетливо видела Лону, точнее ее тень, которая отличалась от других теней только тем, что двигалась. Лона живо обернулась на звук удара брошенного сука об куст или дерево. Грохнул еще один выстрел, пятый, по подсчетам Джуди. Она не знала, сколько патронов еще осталось в барабане.

Тень двинулась в том направлении, откуда раздался треск упавшего сука. Джуди тоже сорвалась с места – она бросилась к отверстию в изгороди, понимая, что у нее появится шанс, если удастся выбраться на дорогу, оставив Лону в лесу. В густых зарослях невозможно двигаться бесшумно. Джуди сбавила темп и пошла, осторожно ступая на землю, словно пробираясь по яичным скорлупкам. Любой треснувший под ногой сучок выдаст ее с головой...

Лона принялась звать ее. Теперь это был обычный человеческий голос, а не звериный рык.

– Не дури, Джуди. Ты же могла убить нас обоих. Наверное, это вышло случайно. Если да, то не будем вспоминать об этом. Выходи. Пойдем, посмотрим, может быть, нам удастся вытащить машину из канавы. Ты так хорошо разбираешься в машинах, а у меня нет никакой практики. Не бойся, я расстреляла все патроны. Ты не ранена, нет? Будет очень забавно, если я тебя убила. Это был бы просто замечательный выстрел, ведь мне пришлось стрелять почти в полной темноте. Прости, я потеряла самообладание, такое редко со мной случается. Это непростительно – надо в любой ситуации держать себя в руках. Но я сильно ударилась о заднее стекло, и если бы оно разбилось, то я была бы серьезно ранена. Джуди, кончай валять дурака, где ты?

Джуди тем временем добралась до изгороди и начала спиной вперед выбираться на дорогу через проделанное ею отверстие. Медленно продвигаясь, она думала о том, куда Лона дела фонарик, которым она светила себе в машине. Наверное, она его потеряла, иначе сейчас был бы виден луч, шныряющий по кустам в поисках Джуди Элиот.

Изгородь осталась позади. Джуди вылезла на насыпь, спустилась в канаву и провалилась ногами в липкую грязь, прикрытую сверху тонкой пленкой воды. Плеска не было, но вода доходила ей до щиколоток. Спотыкаясь, Джуди вылезла из канавы на дорогу. Возвращаться назад было глупо. На узких дорожках и на пустоши ее не ждет ничего хорошего. Не стоило идти и по дороге, которой собиралась воспользоваться Лона, – она была пустынна и безлюдна.

Джуди обошла машину, продолжая думать о фонарике, но не отважилась остановиться и поискать его. Не успела она подумать об этом, как наступила на него. Фонарь лежал на дороге и от толчка покатился по ней. Она подняла его, прежде чем успела осознать, что это. Странно, но, взяв в руку фонарь, Джуди ощутила прилив надежды, хотя и сама не понимала, какая ей польза от этого предмета. Однако внутренний голос почему-то говорил ей: «Теперь все будет в порядке».

Не обращая внимания на прилипшую к легким туфлям грязь, Джуди побежала по левой дороге после развилки.

Глава 43

Фрэнк Эббот вышел из комнаты, тщательно прикрыв за собой дверь. После этого в комнате наступила мертвая тишина. Мисс Сильвер положила на колени свое вязанье. Мэйбл Роббинс, которую звали теперь Мэйбл Макдональд, откинулась на жесткую деревянную спинку стула. Она, однако, не ощущала ее жесткости, она вообще ничего не ощущала и не чувствовала. Душа ее была свободна и опустошена. Тяжкий груз упал с плеч. Она сделала то, что посоветовал ей Джон, и теперь освободилась от этого невыносимого гнета.

Марч тоже откинулся назад. Правая рука, сжатая в кулак, лежала на столе. Осознав, в какой напряженной позе он сидит, Марч сделал усилие и расслабился. Он посмотрел на кипу бумаг на столе, а потом перевел взгляд на бледное лицо женщины, только что рассказавшей поразительную, почти невероятную историю. Ее рассказ выбил почву из-под обвинения против Альфреда Роббинса. Конечно, можно было бы возразить, что Мэйбл придумала всю эту историю ради того, чтобы выгородить отца, но можно будет двенадцать раз выбрать по двенадцать присяжных, и все они безоговорочно ей поверят. Она была свидетелем, внушавшим доверие. Да что говорить, Марч и сам ей верил, несмотря на то что она в пух и прах разнесла его версию.

Он посмотрел в сторону мисс Сильвер, которая снова, в который уже раз, оказалась права. «Она знает людей. Она начинает копать там, где мы заканчиваем. Она что-то видит – вычленяет мотивы, обнаруживает главную пружину действия, а потом принимается искать доказательства. Мне кажется, хотя я в этом и не уверен, что она работает именно так. В данном случае у нее не было ничего за душой, но тем не менее она верно обрисовала всю картину. Надо быть благодарными этой девушке за то, что она появилась до предъявления обвинения. Мы бы здорово выглядели, явись она позже!»

Марч повернулся к мисс Сильвер, которая дружелюбно ему улыбнулась. Так они сидели, предаваясь каждый своим мыслям, когда резко распахнулась дверь. На пороге стоял бледный Фрэнк Эббот.

– Ее нет в доме, – сдерживая рвущиеся наружу эмоции, проговорил Фрэнк. – Джуди тоже нет. Мало того, угнана ваша машина.

Марч встал, резко отодвинув назад стул.

– Их кто-нибудь видел?

Фрэнк отрицательно покачал головой:

– Это случилось сразу после приезда Мэйбл. Я слышал, как по дороге проехала машина. Джером ничего не знает, он не видел Лону с тех пор, как она вышла от нас. Мы вспугнули ее, и она сбежала. Но Джуди? Каким образом она увела ее с собой?

– Джуди могла пойти к Пенни, – спокойно произнесла мисс Сильвер.

– Ее там не было. Лесли Фрейн сейчас у Джерома – я попросил ее позвонить домой. Пенни спит, Джуди к ней не приходила. – Фрэнк повернулся к Марчу: – Нам надо воспользоваться машиной Дэйли – он находится ближе всего отсюда. Вы не позвоните ему? Один бог знает, что происходит и, самое главное, как она увела Джуди? Джером говорит, что Лона очень плохо водит машину. Наверное, она прихватила Джуди как водителя.

Джуди перешла на шаг. Она не понимала, ни где находится, ни куда идет. Пот, вызванный страхом, высох, и теперь Джуди ощущала лишь страшный холод. Она остановилась и прислушалась. У нее возникло ощущение, что она – единственная живая душа на всем белом свете. До нее не доносилось ни одного звука, говорившего о близости людей. Не было слышно ни гудения самолета в небе, ни шороха автомобильных колес, ни грохота железнодорожного состава, ни звуков человеческих шагов или речи. Эту пустоту наполняли только звуки, заглушаемые обычно громким присутствием человека, – в ветвях деревьев шелестел ветер, временами щебетали проснувшиеся птицы или ухал филин. Слышались неприметные звуки и шумы, издаваемые мелкими невидимыми существами, жившими за пределами человеческого мира, в первозданной тьме.

Джуди продолжала идти, недоумевая, где находится и будет ли конец у этой длинной пустынной дороги. Стало светлее. Тучи рассеялись, и с неба светила холодная полная луна. Исчез и шатер из древесных крон. Дорогу обрамляла с обеих сторон лишь невысокая живая изгородь, то здесь, то там прерываемая проходами. Потрясение, усталость, призрачный лунный свет – все это делало окружающее абсолютно нереальным. Луна заигрывает с нами, придает колдовское очарование – или ужас – самым обычным ландшафтам, в зависимости от того, в какие тона окрашено наше настроение. Сейчас лунный свет будил в Джуди страх, населяя ландшафт страшными, преследующими ее тенями. Самым ужасным было одиночество. Вокруг не было ни единой души, ни гостеприимного убежища.

Когда Джуди услышала сзади шум приближавшегося автомобиля, ей показалось, что кто-то бесцеремонно вторгся в ее жуткое сновидение. Она очнулась от наваждения, словно ее ударили, и застыла на месте, не зная, что делать. Если это Лона... Но это не могла быть Лона. Машина застряла в канаве, и у Лоны не было никаких шансов вытащить ее оттуда. В голову ей вдруг запало слово «одна». Одна Лона ни за что не смогла бы вытащить тяжелую машину. Но может быть, ей помогли...

Джуди скользнула за изгородь и принялась смотреть на приближавшийся свет автомобильных фар.

Мысли ее лихорадочно метались. У нее есть фонарь, и она может посигналить проезжающей машине. Если она посигналит, а в машине окажется Лона? Если она не посигналит и упустит помощь? Через мгновение будет поздно. Нужно что-то решить, сейчас, немедленно...

Но обошлось без ее решения. Позже она никак не могла вспомнить, пыталась ли она нажать кнопку фонарика. В тот момент она поняла лишь одно – у нее просто нет на это сил. Она ощущала ладонью холод металлического кожуха, но не смогла пошевелить пальцами. Словно замороженная, стояла она в тени изгороди и смотрела, как проезжает автомобиль.

Да, это была та самая машина, которую она оставила в канаве. Лона вела машину медленно и неуверенно. Автомобиль проехал мимо. Расширенными от ужаса глазами Джуди смотрела вслед удаляющемуся светящемуся контуру. Габаритные огни не горели. После этого Джуди повернула назад и пошла тем путем, которым пришла сюда.

Фрэнк Эббот, сидевший за рулем автомобиля доктора Дэйли, за Ледлингтоном свернул туда же, куда и Джуди.

– Она не рискнет ехать через деревни. Эта дорога ведет на Пустошь святой Агнессы. На месте Лоны я бы поехал туда, остановил машину вблизи Култона или Ледбери, куда уже можно было бы добраться пешком, и бросил бы автомобиль. Она опередила нас на сорок минут и едва ли сама рассчитывала на большую фору.

На пустоши они увидели огни встречной машины и остановили ее. В машине сидели два приветливых улыбчивых американца, которые охотно рассказали, что в паре миль отсюда помогли какой-то даме вытащить из канавы машину.

– Она на самом деле была очень рада нас видеть. Иначе ей пришлось бы провести там всю ночь. Как же здесь пустынно... О да, она была одна... точно, одна.

Американцы, вероятно, удивились скорости, с которой рванул с места остановивший их полицейский.

– Вы знаете это место? – спросил Марч. – Ту развилку, о которой они говорили?

– Да, я думал, что она свернет направо, но она почему-то поехала налево. – Он внезапно умолк. – Господи, а это что?

Это была Джуди, стоявшая посреди дороги и мигавшая фонарем. Доктор Дэйли пришел бы в ужас от такого непочтительного обращения с тормозами его машины.

Глава 44

Лона Дэй ехала до тех пор, пока не вернулась на развилку и не свернула направо, на дорогу, ведущую в Култон. Назад возвращаться ей пришлось, потому что от развилки она сначала поехала налево, чтобы не рисковать. Те два парня, что помогли ей вытащить из канавы машину, не должны были знать, что она едет в Култон.

Теперь Лона была на сто процентов уверена, что Джуди заехала в канаву преднамеренно. Каждый раз, вспоминая об этом, Лона испытывала жгучую досаду и недоумение. Надо же, какая-то сопливая девчонка осмелилась выскользнуть из ее рук! Она должна была думать, что у нее нет никаких шансов, и вообще, сейчас ей следовало лежать в лесу с пулей в затылке, но она осталась жива и будет теперь рассказывать свою душераздирающую историю. Но ничего, Лона вывернется, несмотря ни на что. Не для того она убила четырех мужчин, чтобы быть битой какой-то болтливой девицей. Теперь надо действовать по заготовленным планам. Ее ждут новое имя и новое место в мире. Когда она сменит имя и образ, полиция вылезет из кожи вон, но не настигнет ее. Самолюбие Лоны тешил тот факт, что полицейским придется признать ее умственное превосходство – еще бы, она так ловко водила всех за нос в течение трех лет!

Она осторожно развернулась на развилке и медленно доехала по узкой дороге до того места, откуда влево уходила дорога на Ледхэм. Если она оставит машину здесь, то полицейские подумают, что она пошла туда. Бросив автомобиль, Лона повернула назад и зашагала к развилке, чтобы там повернуть направо. Миля до Култона и еще три мили до станции. Это многовато, но безопасность стоит трех миль. Когда впереди показался Култон, Лона решила, что пора менять обличье. Конечно, жалко бросать меховое полупальто, но оно будет первым в описаниях, которые полиция скоро разошлет по всем постам.

Через двадцать минут она сбросила верхнюю одежду и запихнула ее в дупло какого-то дерева. За пальто последовала шляпка. Счастье, что светила луна, иначе ей пришлось бы долго искать дерево. Всего семь – нет, восемь – месяцев назад они были здесь на пикнике и выбросили упаковочную бумагу в то же дупло. Без пальто сразу стало холодно, но ничего, она не замерзнет – на ней теплая юбка и жакет. Вещи были плотные и новые, в «Приюте пилигрима» никто не видел ее в этом наряде. Сейчас, при лунном свете, было невозможно сказать, какого цвета этот костюм, но днем будет виден сапфировый цвет, который лишит глаза Лоны зеленоватого оттенка и сделает их просто голубыми.

Она извлекла из сумки гребень и занялась волосами – зачесала их наверх, не оставив ни одной прядки на лбу, шее и за ушами, а потом надела парик, изменивший ее до полной неузнаваемости. Волосы парика скромными волнами ниспадали на плечи и спину. Конечно, это не ее собственные каштановые кудри, но выглядел парик вполне прилично.

Женщина, вышедшая из леса на дорогу, ведущую в Култон, была уже не Лоной Дэй. От надежной безопасности ее отделяли какие-то три мили.

Глава 45

Фрэнк Эббот пил чай с мисс Сильвер в ее гостиной. В камине уютно трещал огонь. В полутьме виднелись гравюры «Пробуждение души»³ и «Король долины»⁴. Ряды фотографий в серебряных рамках хранили память о прежних клиентах и их детках, поблескивая в свете пламени.

Мисс Сильвер, как всегда опрятная и приветливая, разлила чай из маленького викторианского чайника с ягодкой клубники на крышке. На чашках сервиза той же эпохи красовались столитные розы. Поскольку Эмма ни разу в жизни не разбила ни одной чашки, сервиз был в целости и сохранности унаследован от великой тети – Луизы Бушель, этой провозвестницы борьбы женщин за свои права в эпоху, когда не видели никакой потребности в этих правах, ибо в ту пору еще не вывелись джентльмены, готовые уступать места дамам. В сервизе на двенадцать персон не хватало, правда, одной чашки, разбитой викарием мисс Бушель, который слишком энергично поставил ее на блюдце, разгоряченный спором о том, что недопустимое поведение Евы послужило причиной подчиненного положения ее дочерей. Однако у мисс Сильвер редко собиралось общество столь многочисленное, чтобы напоминать об этом досадном происшествии.

Фрэнк мрачно посмотрел на мисс Сильвер и сказал:

– Она поступила, как Макбет, – просто растворилась в воздухе.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Думаю, это не совсем верное сравнение. Она просто приняла другой облик, стала другим человеком. Вы помните, что я все время говорила, что за этими преступлениями прячется коварный и бессовестный ум. Из того, что мисс Дэй сказала Джуди, я могу заключить, что у нее был хорошо продуманный план отступления.

Фрэнк продолжал хмуриться.

– Да, мы не смогли найти ее следов ни в Култоне, ни в Ледбери, ни в Ледхэме. Ни одна женщина, садившаяся в поезд на этих станциях, не соответствовала нашим описаниям. Если она не уехала на попутной машине, то далеко уйти пешком она не могла, а последний автобус уже ушел.

– Я не думаю, что розданные вами описания соответствуют тому, как она теперь выглядит. Наш пол имеет то преимущество перед вашим, что мы умеем кардинально менять свою внешность. Мы можем перекрасить волосы, сделать новую прическу – и это до неузнаваемости нас изменит. В «Приюте пилигрима» мисс Дэй одевалась в зеленые или черные платья, а эти цвета подчеркивали рыжий цвет волос и зеленоватый оттенок глаз. Теперь вам надо искать темноволосую женщину в синем наряде. Конечно, волосы можно перекрасить и в седой цвет, но думаю, для этого Лона слишком тщеславна.

– Интересно, кто будет ее следующей жертвой? – меланхолично произнес Фрэнк.

Мисс Сильвер подняла крышку чайника, долила в него кипятка, а потом ответила:

– Некоторое время она будет очень осторожна. Как чувствует себя Джуди? Надеюсь, она оправилась после того ужасного происшествия?

Фрэнк подался вперед и аккуратно поставил чашку на поднос. Вероятно, он боялся повторить оплошность викария.

– Она осталась в «Приюте пилигрима», – отрывисто ответил он. – Никогда бы не подумал, но она так захотела.

– Она очень толково давала показания в ходе расследования. Так же, как эта бедная девушка Мэйбл – миссис Макдональд. Я очень рада, что не пришлось разглашать ее новую фамилию. Конечно, ее можно осуждать за связь с Генри Клейтоном, но надо помнить, что она была молоденькой, наивной девушкой, а он – по всем меркам – очаровательным мужчиной. Молодые женщины, как не печально, легко верят красивым словам о свободной любви и равноправном браке. Они слишком поздно осознают, что законный брак, при всех его досадных недостатках, существует именно для защиты женщины и семьи.

³ Картина английского художника Джеймса Сента (1820–1916)

⁴ Картина английского художника Генри Эдвина Ландсира (1802–1873)

Лицо Фрэнка немного посветлело. Рассуждения Моды о нравственном законе всегда его покоряли. Он получил следующую чашку чая и снова заговорил о Джуди:

– Лесли и Джером поженятся через месяц. Джуди собирается остаться с ними. Там был настоящий совет по поводу того, где все они будут жить и как быть с тетками. Не думаю, что Лесли хотя бы в малейшей степени интересуется судьба «Приют пилигрима», и я нисколько ее за это не осуждаю, но Джером вцепился в родной дом всеми четырьмя. Они решили поселить на чердаке шестерых оставшихся эвакуированных детей и няню, которая будет за ними присматривать. Присутствие детей отпугнет всех прежних призраков. Тети останутся на своих местах. Джуди будет жить вместе с Пенни. Поселится в доме и Глория. Миссис Роббинс, которая просто воспрянула духом после воскрешения дочери, сказала, что останется в доме поварихой. Она поступила умно, решив не переезжать к замужней дочери. Думаю, доктор Макдональд испытал большое облегчение, хотя и был настолько благороден, что предложил ей переехать к ним. В общем, все наладилось. Счастливый финал, занавес закрывается.

Высказав это с нотками своего обычного цинизма, он снова уставился на огонь.

– Вы не были бы счастливы друг с другом, Фрэнк, – мягко произнесла мисс Сильвер.

– Наверное, нет, – согласился Фрэнк, – хотя какое-то время мне казалось, что это возможно.

– Вы не подходите друг другу.

Фрэнк Эббот невесело рассмеялся:

– Вы хотите сказать, что я не подхожу ей. Я полицейский, а это очень грязная профессия.

– Мой дорогой Фрэнк!

Он упрямо кивнул:

– Да, она так думает, и знаете, я почти согласен с ней.

– Господи, какая чушь! – воскликнула мисс Сильвер.

Фрэнк рассмеялся, на этот раз не так натянуто.

– Никогда раньше не слышал от вас таких выражений.

– Но и вы никогда не говорили столько глупостей подряд.

Фрэнк улыбнулся.

– Мне, конечно, больно, – сказал он, – но я это преодолею. Вы правы, мы не подходим друг другу. Мы надеялись, что это не так, но ошиблись, и хорошо, что не слишком поздно это поняли. На самом деле:

«Кого любимая прогонит прочь,
Найдет свою любовь – минует ночь».

Мисс Сильвер просияла.

– Я очень на это надеюсь, – сказала она.

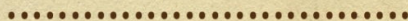

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об усадьбе «Приют пилигрима»
ходят скверные слухи: все его
владельцы, собиравшиеся продать
имение, становились жертвами
несчастных случаев.

Но слухи слухами, а когда нынешнему
хозяину, отставному майору Пилгриму,
чудом удастся избежать гибели при
загадочных обстоятельствах, ему
хватает здравого смысла обратиться
за помощью к Мод Сильвер.
Расследование начинается...

Мод Сильвер поистине неподражаема!
«Daily Mail»

У Патриции Вентворт необычайный дар
придумывать совершенно
неожиданную развязку!
«The Scotsman»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101412-4

9 785171 014124